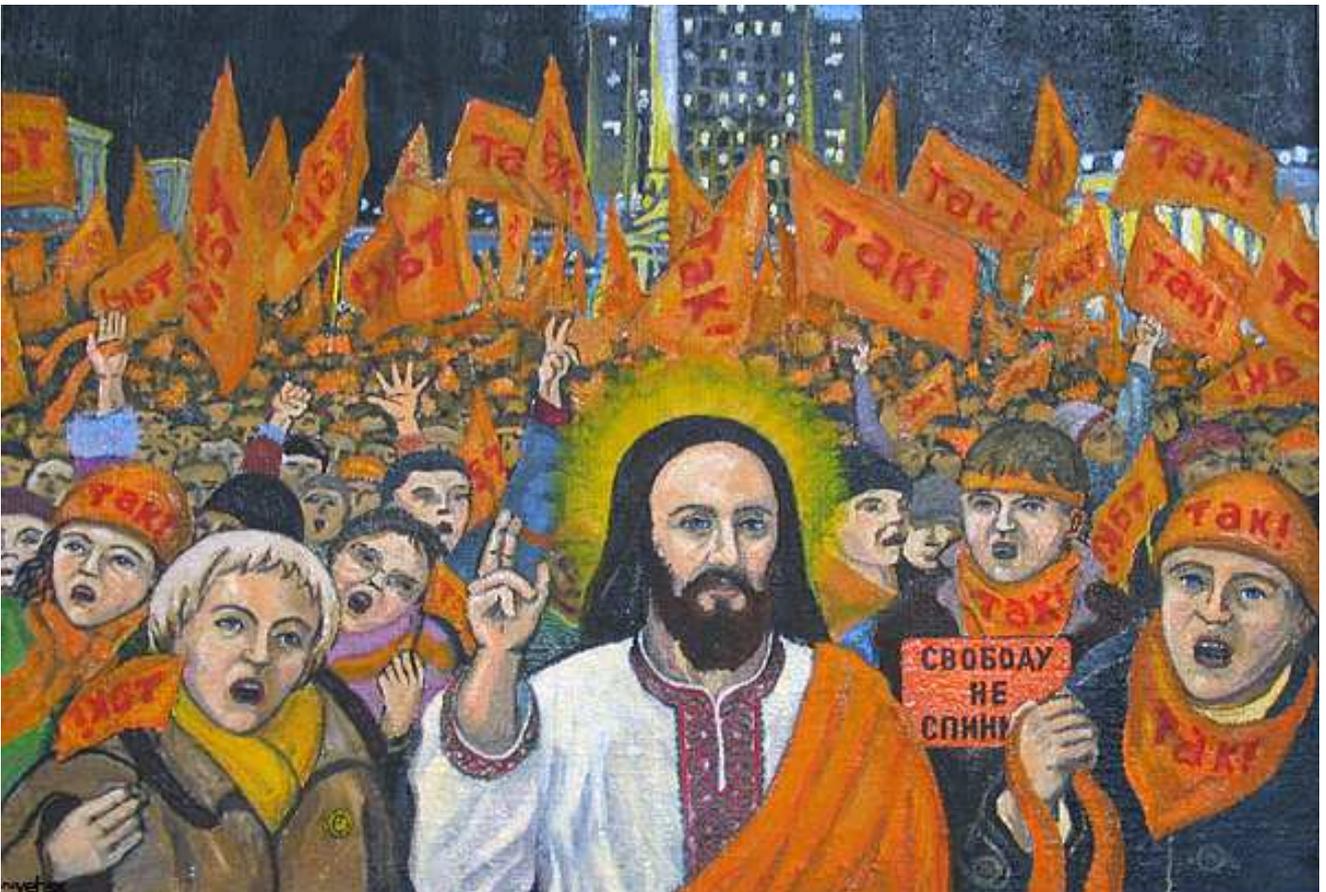

Вадим Булычев

Оглашенные

Герой книги принадлежит к поколению "дворников и сторожей". Ему немногим за тридцать. Он православный неопит и боец за права русских на Украине. Однако разочарования и неудачи следуют за ним по пятам. Но вместе с ними приходит и некоторое "прояснение ума".

За основу повествования взяты реальные события, реальные русские православные патриоты, монархисты, монахи, батюшки, либералы, бывшие рокеры и другие жители Юга Украины. Время действия - начало и середина 2000-х годов.

Часть первая: Противостояние

День первый

Люди психотерапевта Казиновского возникли бесшумно и незаметно, словно из-под земли. Несколько разодетых ухоженных дам среднего возраста молча столпились в задней части сцены, за занавесом. Рядом с дамами крутился один из сотрудников театра, отвечающий, по-видимому, за подготовку к выступлению всемирно-известного мага. Представитель театра выглядел как-то потрепанно и неуверенно, он был похож на стареющего хиппи.

Спустя минуту вперед выдвинулась пышная особа с крашеными сиреневыми волосами и фиолетовыми губами. Отодвинув занавес и выйдя на середину сцены, пышная дама настороженно, по-звериному, втянула ноздрями воздух. Взгляд ее упал на забрызганный мелкими капельками мокрый пол. Такие же капельки были на стенах, на стуле, стоящем посреди сцены.

Дама с отвращением провела пальцем по спинке стула, принялась. Вода ничем не пахла, но почему-то была очень неприятна и напоминала что-то смутно знакомое. Еще казалось, что вода немного жжет палец. Даме страшно все это не понравилось. Ее фиолетовый рот исказился в брезгливую гримасу и взвизгнул:

– Что тут произошло?! Почему тут везде сыро?!

– Ну, это, было освящение сцены, – робко ответил сотрудник театра.

– Какое еще освящение?! – лицо дамы медленно наливалось багровой краской.

– Ну, это, были попы, это, православные, все тут как положено сделали, старались.

Стареющий хиппи медленно бледнел. Дама же напротив все багровела и багровела:

– Старались! Попы! – злобно взвизгнула она, – вы тут все с ума сошли! Кто разрешил?!

– Ну, мы думали, что ничего особенного, что одно другому, так сказать... это, добавить светлой энергетики думали... – виновато зачастил сотрудник театра.

– Вы, это, думали?! – злобно перебила его пышная особа, – А вы Валентина Гельевича спросили?! А ему это понравится!? А известно вам, что Валентин Гельевич – известный и уважаемый во всем прогрессивном мире человек! А известно вам, что он очень не любит перед своими сеансами всякую самодеятельность.

Дама вскинула вверх кривой указательный палец, потом направила его в сторону сотрудника театра:

– И особенно, особенно церковную самодеятельность! – провизжала она.

– Но мы же, это, думали, как лучше. Одно другому так сказать, кто ж знал, – лепетал в ответ белый как лист бумаги сотрудник театра. Но дама его уже не слушала, она впала в бешенство:

– Эти попы! Эти сволочи! Везде лезут! – визжала она, – кто разрешил?! Кто разрешил, я вас спрашиваю?! Я буду жаловаться! Я вам, гадам, устрою! Я вам всем устрою! Вы здесь работать не будете! Я...

В этот момент истеричная дама увидела нас и, на секунду замерев с полуоткрытым ртом, со свистом выдохнула:

– Посторонние! Тут еще и посторонние!

Нас было человек семь, не больше. Священник, что освящал сцену уже вышел, выходили и

мы. И буквально на минуту задержались возле дверей, наблюдая, как бесится одна из помощниц великого мага. На реплику дамы о посторонних, не выдержав, ответила одна из певчих, по имени София.

– Мы не посторонние, – гордо заявила она. – Мы представители тех попов, а точнее, священников Православной Церкви, которых Вы тут поносите. И вообще, с чего это Вы так разорались? Ваш Казиновский уверяет, что его дар имеет светлую природу. Священник освятил сцену. Все ж просто отлично! Или что-то мешает?

– Так значит это вы, вы и ваши попы болото здесь на сцене развели. Еще и издеваетесь! – Пышная дама в ярости топнула ногой и, выкинув в нашу сторону свой кривой палец, провизжала:

– Вон!!!

На какие-то секунды повисла могильная тишина. И вдруг (я ушам своим не поверил), в этой могильной тишине довольно громко прозвучал голос добрейшего и даже немного апатичного брата Родиона:

– Заткнись, дура. И без тебя знаем, что пора идти.

Пышнотелая дама замерла с открытым ртом. А мы стали спокойно себе выходить. Краешком глаза я еще успел увидеть, как окончательно побелевший сотрудник театра медленно, в изнеможении, опустился на освященный стул.

Выйдя на улицу, мы присоединились к основной группе «наших».

Минут через десять возле театра появились журналисты. Вид у прессы был скучающий. Заметив молитвословы и небольшие иконки у нас в руках и узнав, что мы православные и что мы против колдовских сеансов, журналисты сразу оживились:

– Нам интересны мнения и «за» и «против», – бойко сказала нам юная девушка журналист. На девушке была темно-синяя футболка, с двумя зелеными листочками конопли на груди и спине. В руке она держала микрофон. Массивный микрофон в хрупкой девичьей руке напоминал боевую гранату. – Так что, если желаете, пару слов для телеканала СТБ, – энергично предложила журналистка.

– И что, вы интервью с нами покажете? – иронично спросил один из наших, по имени Андрей. И окинул недобрый взглядом лист конопли на груди у девушки.

– Покажем, – так же бойко пообещала Андрею журналистка.

– Ничего вы не покажете, вам начальство ваше показывать нас запретит! – Человек с пышной копной волос на голове и коротко стриженной рыжеватой бородкой сделал шаг вперед. Это был Михаил.

– А вот давайте на вас проверим, покажем или не покажем, – девушка выставила в сторону Михаила руку с микрофоном. – Хотите дать короткое интервью телеканалу СТБ?

– Ладно, – согласился Михаил, – вырежете ведь все равно.

Девушка кивнула головой патлатому мрачному юноше с камерой на плече. Тот навел камеру на Михаила.

– Объясните, пожалуйста, почему вы против сеансов, которые, кстати, проводит всемирно известный психотерапевт, – радостно протараторила юная журналистка. – Вы считаете Казиновского черным магом?

Михаил принял величественную позу, огладил рукой бородку и как можно более бесстрастным и в то же время поучающим голосом начал втолковывать журналистке: зачем мы здесь и почему?

– ...Мы здесь не потому, что конкретно против Казиновского, хотя он и виновен в оккультном оболванивании миллионов людей и крайне нам не нравится. Но у нас не политический пикет. У нас духовное противостояние. И боремся мы не со всемирно известным, а с духами злобы поднебесной. А всемирно известный, как вы выразились, только жалкая игрушка в руках темных сил.

Михаил ткнул указательным пальцем в сторону черной грозовой тучи, что вставала над западным горизонтом. Продолжил:

– Еще мы здесь затем, чтобы напомнить бегущим на сеанс несчастным, что они на

православной земле живут, и что посещение таких сеансов грозит потерей души...

Михаила понесло в туманные мистические дебри. Он было принялся рассказывать о том, как через личности психотерапевтов происходит подключение душ к аду. Но, видимо, увлекся сильно стороной поэтической. И в итоге увяз в «дверях душ, сорванных с петель ветрами преисподними».

Вовремя сообразив, что залез в чрезмерные словесные дебри, Михаил оборвал сам себя, бодро окончив на ожидаемом выводе – опасное дело психосеансы, потому мы и тут.

Все интервью заняло минут шесть-семь. Журналистка поблагодарила Михаила за «интересную позицию».

Минут через пять начался колдовской сеанс и площадка перед театром опустела. А еще минут через десять поднялся резкий, пыльный ветер и непроницаемо-черная туча зависла над нами. Теперь не только пред театром, но и на прилегающей улице не осталось ни одного человека кроме нас. Мы продолжали упорно творить молитвенное правило.

Упадок

В девять тридцать с трудом оторвал свое тело от постели.

Неужели меня так расстроило вчерашнее порезанное интервью с Михаилом?! Как они там все изуродовали! Нас вообще не показали?! Уроды либеральные!

С полчаса тупо просидел на кровати.

Но не могу встать, и все! На молебен к отцу Леониду опоздал – стыдно.

Надо бы хотя бы утреннее правило прочитать, но... так все изуродовать, так все наше стояние к клоунаде свести!

Все думаю о порезанном интервью.

Но какое мне дело до этого интервью?! Что оно, со мной, что ли. И вообще, из наших почти никто в кадр не попал. Попала только София, она у нас самая активная, и Людмила, она всюду с Софией вместе, хотя и спорят постоянно.

София критикует епархиальные власти за бездеятельность, Людмила считает, что у епархиальных властей своих забот хватает, поэтому самим верующим надо больше активность проявлять, организовывать общины, братства. Церковные правила подобное не запрещают.

София маленькая, подвижная, черноволосая, с острым южным лицом и большим носом. Камера выхватила момент когда София, отчаянно жестикулируя руками, что-то втолковывала Людмиле. Людмила – полная противоположность Софии: полноватая, с большой русской косой, мягким округлым лицом и добрыми карими глазами. Людмила неторопливая, спокойная, но поспорить тоже любит.

Впрочем, камера страсть Людмилы спорить запечатлеть не успела. Напротив, на экране Людмила выглядела слишком сонно: София буквально увивается вокруг нее, а Людмила чему-то там улыбается и еле-еле кивает головой.

Еще Андрея мельком показали. Андрей хотел интервью дать, после Михаила. Но журналисты его слушать не стали. И правильно сделали, у Андрея не фотогеничный вид: угловатые черты лица, жидкая бороденка, грустные семитские глаза. Андрей не любит евреев и местных проституток. Ну и, конечно же, «телевизионщиков». И эту свою нелюбовь к ним он никогда не скрывает. Еще Андрей недолюбливает наши епархиальные власти. Андрей закончил семинарию, хотел быть священником, а они, епархиальные власти, его так и не рукоположили.

Из интервью с Михаилом показали только момент, где он объясняет, как происходит «подключки» души через личность психотерапевта к адским энергиям. Как раз самая непонятная для простого обывателя часть интервью. Вырванная из общего контекста, она звучит как абракадабра: какие-то там эгрегоры, черные психокульты, что оставляют за собой «сорванные с петель калитки душ» и т. д. и т. п. И ни слова, зачем мы здесь стоим, что мы конкретно хотим. Ни слова!

Уже начало одиннадцатого, а у меня на душе полный туман. Никак не могу собраться с мыслями. Надо потихоньку выдвигаться к театру, продолжать молитвенное стояние – все это я понимаю. Но с другой стороны, вот все придут после молебна намоленные, от соблазнов защищенные. И тут я сонный, с хаотическими мыслями. Хорошая батарейка для бесов. Кому нужен такой воин духовный?

Может, не стоит ехать сегодня? Отдохнуть, собраться с силами. А уж завтра начать с самого раннего утра молитвенную подготовку. А сегодня обойдутся без меня?... Там есть кому молиться...

В половине одиннадцатого решил все-таки ехать к театру. Ехать надо хотя бы потому, что завтра с утра я никак не смогу начать молитвенную подготовку. И на молебен к отцу Леониду, и к театру я завтра поехать не смогу. Завтра я на целые сутки иду на работу. Так что, если не еду, целых два дня теряю!

Итак, я почти собрался ехать, но тут звонок в дверь. За дверью высокий молодой человек, худощавый, с дипломатом в руке. У человека коротко стриженные светло-русые волосы, прозрачные голубые глаза.

Это Максим, по кличке «Партайгеноссе». Познакомился с ним полгода назад, у отца Леонида.

– Привет... Можно? – спрашивает Максим.

Ну, как не пустить человека? Так давно не виделись. Целых две недели!

Партайгеноссе выкладывает на стол пакетик молотого кофе и сигареты. Начинаются расспросы: а ты этого видел? А того? А тот чем занимается? А тот? Говорю:

– Максим, всех, кого надо, вчера видел. Тут у нас вчера, не знаю, слышал ты или нет, первый день противостояния Казиновскому был.

– Точно!? И кто организовывал?

– Ну, конечно, отец Леонид.

– А Михаил был?

– Был.

– А Андрей... А Олег с Кислым?...

– Были, все были.

– Ну а что-то интересное было?

– Да, было, – говорю я, – была стычка с Казиновским. Перед самым началом сеанса. Правда, я не видел. Это было с другой стороны театра. Возле черного входа. Рассказывают, что маг пытался затащить нашего Олега в театр. На разборки. А Олег уперся руками и ногами в дверной проем, и ни в какую. На шум прибежала София, Людмила, еще какие-то там женщины. Стали дружно крестить спину бушующего психотерапевта. И представляешь, сработало! Тот отпустил Олега, согнулся весь и, не глядя ни на кого, шмыгнул в театр.

– Да, – задумчиво тянет Максим и ставит «турку» с кофе на газ, – Крест, конечно, сила! Правда, сестры, ну, такие, как София и Людмила, могут и приукрасить немного. А Андрею с Кислым, так тем вообще везде бесы мерещатся.

– Да, ну а что-то особенное было? Не связанное, напрямую, с Софией, Людмилой и Андреем? Не обижайся, не доверяю я им. Они где только бесов не видят, и всюду их крестят, а бесы от них всюду убегают... Поэтому я и спрашиваю: что именно тебе запомнилось, лично?

– Ах, вот ты о чем... Ну, хорошо, ну... тетка одна, из свиты мага, бесновалась перед сеансом. Когда узнала, что мы сцену осветили.

Максим задумчиво кивает головой, мол, продолжай, продолжай.

– Да, была одна погодная аномалия. Когда в театре начался колдовской сеанс, мы разбились на пары. Стали с молитвой обходить здание театра. Сделали буквально пару кругов, и тут такая туча над нами зависла. Черная-черная, просто кусок мрака какой-то!

– День вообще-то вчера был не очень солнечный, но туча, что зависла над нами, – это что-то из разряда метафизики. И сразу все вокруг потемнело, как будто не белый день, а часов десять вечера. Потом резкий ветер задул – пыль в глаза, в рот, и ни капли дождя. Мне,

конечно же, Даниил Андреев вспомнился. Те места в «Розе Мира», где демонические слои описываются ... В общем бесовщина конкретная...

– Слушай, – перебивает меня Максим, закуривая сигаретку, – а что-то веселое было?

– В каком смысле веселое? – Спрашиваю я. Сам думаю: Максим совершенно не врубается в духовный смысл нашего противостояния. Все на бытовуху, на стеб сводит.

– В смысле, не с метафизикой связанное, – поясняет мой вопрос Максим и подносит мне сигаретку.

– Ну, не знаю? С метафизикой там, кажется, все было связано.

– Понятно... Я имею в виду что-то интересное, не связанное прямо с Казиновским.

– Пожалуй, что интервью с Михаилом, – говорю я после некоторого раздумья.

– Интервью? – Вспыхивает Максим, – с Михаилом! Расскажи! Это действительно интересно!

Рассказываю, как Михаил давал интервью. Максим весь оживает, начинает крикливым голосом изображать Михаила, дающего интервью. Картина, правда, больше похожа не на Михаила, а на «Ленина в октябре».

Посмеялись.

Вспомнилось еще, как Андрей после Михаила ринулся, было, интервью дать. Но его никто слушать не стал.

Посмеялись еще раз.

Максим изобразил унылое, обиженное лицо:

– Эти сектанты, эти масоны, эти нехристи, эти проститутки – проговорил Максим голосом Андрея (вышло немного похоже).

Наконец, перешли на тему вчерашнего восьмичасового выпуска новостей по СТБ. Поведал Максиму, как мастерски у нас умеют резать отснятый материал, как манипулируют нашим сознанием, показывая только то, что выгодно «либерастам» и прочим демократам. Но тут Максим со мной, конечно же, согласился. И спросил меня с надеждой в голосе:

– Что нового в России?

У Максима нет кабельного телевидения. У меня есть. Дом, в котором живет Максим, не подключен к кабелю. А новости российские сегодня на Украине можно узнать только, либо купив спутниковую антенну, либо подключившись к кабелю, либо через Интернет. Интернета у Максима нет, как, впрочем, и у меня.

Слава Богу, ушли от разговора на тему личностей. Гадостно сладкое чувство на душе обычно от таких разговоров. Сегодня больше гадостно, чем сладко (те, кого мы сейчас судим, стоят возле театра, молятся, а я дома гнию).

– В потихоньку возрождается государственность, – вещаю я Максиму, философски закатив глаза. – Путин выстраивает «вертикаль власти». А то Россия уже по кускам распадалась. Татарстан свою конституцию писал... И в Чечне полегче стало. Остались мелкие бандформирования...

Вышли на «просторы России», и Максим сразу преобразился. Выпрямился во весь рост, глаза загорелись. В Максиме заговорил военный историк и патриот России. Ну, и еще военный романтик. Максим может часами увлеченно говорить о карфагенской коннице, о римских легионах, об особенностях русской кольчуги, о Наполеоне, Первой Мировой, Адольфе Гитлере и Иосифе Виссарионовиче. Вот тогда слушать его приятно и время летит незаметно...

Дело к вечеру. Кофе выпито. Насытившийся разговорами Максим задумчиво глядит в окно.

– Вот раньше было время! – говорит он, – помнишь, 92-й, 93-й, 94-е года. «Стройка», «рок-н-ролл». Как мы бухали, какие устраивали тусовки. – Максим тяжело вздыхает, – ну ладно, мне пора. Прости, чем обидел...

Вечер. Состояние тупое. Во мне сидит, наверное, с литр молотого кофе. Точнее, не сидит, стоит. Кофе стоит в пищеводе, давит своей черной густой массой на желудок. Учащенное сердцебиение, и предательски клонит в сон, хотя, казалось бы, кофе, наоборот, должен

бодрить.

Абсолютно разобранное состояние. Просто нет сил жить! Словно кто-то выпил всю мою жизненную силу. Зеваю. Засыпаю прямо сидя в кресле, перед телевизором с российскими новостями. Как девяностолетний старик. Перед тем как заснуть, вспоминаю, что собирался читать вечернее правило с покаянным каноном. Ругаю себя ослом, лежебокой, бабайкой, безвольным уродцем и даже бесноватым, но на молитву так и не встаю.

День последний

Услышал наши молитвы Господь! Четвертый колдовской сеанс был сорван самим Казиновским и его людьми. Сдали нервы.

Четвертый оборванный сеанс стал последним. Великий психотерапевт отказался проводить сеанс заключительный. К великому неудовольствию публики, купившей билеты на все пять сеансов (именно на пятый, заключительный, они рассчитывали больше всего). Итак, четвертый день пребывания мага в нашем городе стал последним днем. Слава Тебе, Господи!

Три дня противостояния многому научили. Во-первых, надо всегда держаться вместе. Ни при каких обстоятельствах не прекращать молитву. Не поддаваться на эмоции, кто бы и как ни пытался их вызвать. Что касается самих молитв, то выяснилось, что самая действенная – это Иисусова молитва, которую читают все одновременно, став кругом. Поэтому сегодня решили читать именно ее.

Читать начали с началом сеанса. Сразу же забегали люди мага, однако нас не трогали. Где-то к середине сеанса беготня прекратилась. Возле театра минут на двадцать воцарилась подозрительная тишина. А потом началось.

К театру подъехало сразу несколько милицейских машин. Вышли люди в форме, перекрыли проход возле театра. Нас попросили перейти на другую сторону улицы. Тут же подъехали пожарники, еще несколько спецмашин.

Возле театра творилось что-то невероятное. Больше всего это было похоже на съемки фильма. Михаил подошел к какому-то милицейскому начальнику, узнать что происходит. Вернулся с улыбкой недоумения на лице:

- Говорят, в театре заложена взрывчатка.
- Абсурд, – захохотал Андрей, – кому нужно взрывать этого псевдоцелителя?
- Может быть, какие-нибудь разочарованные пациенты, – осторожно предложила Людмила.
- Исцелений, говорят, не было.

В театр тем временем зашли несколько милицейских чинов с собакой и несколько людей в штатском. Вскоре они вышли, окруженные кликушами колдуна. Кликуши что-то втолковывали стражам порядка и махали руками в нашу сторону. Это нас насторожило.

– Бред, бред, полный бред! – эмоционально выдохнул Андрей и снова прыснул от смеху. – Эти нехристи хотят нас обвинить в попытке подорвать театр, что ли?!

Из театра повалили зрители, жаждавшие исцелений. За версту было видно, как они раздосадованы. Люди заплатили деньги, а в итоге ничего не получили, кроме оборванного сеанса. Люди мага постоянно показывали на нас руками. Появился Олег. Он только что был у театра и все слышал:

- Шестерки Казиновского всем говорят, что это мы позвонили в милицию и сообщили, что в театре заложена взрывчатка. И сделали мы это затем, чтобы сеанс сорвать.
- Может, немного отойдем, от греха подальше, – предложила Людмила.

Молча отходим. Метров на двести. На площадь Ленина. Останавливаемся недалеко от памятника вождю мирового пролетариата. А толпа уже двигается в нашу сторону, выяснять отношения. Человек сто, не меньше. Становится страшно, даже не просто страшно, становится жутко. Ужас парализует душу ледяным холодом, словно на нас дохнула сама преисподняя.

Стоим, как в оцепенении, не знаем, не ведаем, что будет и что делать? Нас окружают со всех сторон. Проклятия, крики, угрозы. Кто-то из толпы орет, что у нас личные счета с драгоценным Валентином Гельевичем и что никакие мы не православные, иначе, если б мы были православные, то с нами были бы духовные люди, батюшки в облачениях, монахи, епископ. А так мы самозванцы, сектанты, человеконенавистники.

Какой-то рыжий взлохмаченный мужик, с усиками, предлагает не церемониться с нами, набить нам хорошенько морду, а потом сдать «куда надо». Что-то еще кричат, но уже тяжело разобрать. Все сливается в сплошной адский гул. Ситуация накаляется до предела. Заряд ненависти готов вот-вот вылететь. Что будет дальше, об этом даже не хочется думать.

Ужас в душе сменяется оцепенелым равнодушием, полной парализацией воли. Молча стоим. Вдруг Олег тихо начинает петь:

– Верую во Единого Бога Отца Вседержителя...

Вслед за Олегом Символ Веры подхватываем и мы. Поначалу тихо, потом все громче, громче, смелее...

И произошло чудо! Толпа, обступившая нас, замолчала. А потом стала потихоньку расходиться. Люди, еще минуту назад предлагавшие «набить нам как следует морду и сдать куда следует», уходили молча, потупив глаза в землю.

Мы пропели «Верую», пропели «Отче Наш» и «Богородица Дево, радуйся». Возле нас не осталось ни одного человека. Это было чудо Божие, это была Победа!

И глянуло на мир Божий долгожданное солнышко. Солнце разорвало тучи как раз в тот момент, когда полностью разошлись люди, пытавшиеся устроить над нами самосуд. И это мы тоже сочли чудом. В солнечном свете вспыхнули мраморные колонны у парадного входа в театр. А в глубоких и темных нишах над колоннами высветились статуи античных богов и богинь.

Театр принимал свой привычный вид. Одна за другой уезжали спецмашины и милицейские «УАЗики», увозя с собой саперов, кинологов с собаками и всевозможных милицейских чинов. Ледяное напряжение окончательно отпустило меня, в душе разлился тихий и благоговейный восторг перед Творцом.

Я оглянулся вокруг, посмотрел на залитые солнцем крыши и почувствовал себя заново родившимся, заново пришедшим в мир. Оказывается, с Богом и православной молитвой многое можно!

– Не забудь, – возвращает меня с Небес на землю Михаил, – в шесть вечера собираемся у отца Леонида. Обсудим последние события.

– Хорошо, – говорю я, – постараюсь, правда, я после работы.

– Потом выписься, – категорично заявляет Михаил.

Да, спать некогда, – думаю я.

Еду домой. Распирает грудь от сильного и радостного благодатного чувства. Хочется всем сострадать, всех покрывать, всех любить. Всю свою жизнь я проспал в какой-то ступорной прострации, и вот только сегодня проснулся, начал жить.

Еду в маршрутном такси, ни одного знакомого лица. А так хочется с кем-то поделиться своим благодатным состоянием. Но меня окружают чужие, хмурые лица. Так и распирает вскочить и во всеуслышание заявить: граждане, так и будем страдать, пока не примиримся со своим Творцом! Лучший путь примирения – Православие!

На подходе к своему дому встречаю Ярослава, или Витамина, как все у нас его называют. Витамин – уважаемый тридцатилетний джентльмен, работающий экспедитором в какой-то процветающей фирме.

У Витамина округлое благообразное лицо с маленьким носом и огромным покатым лбом, круглые очки с дымчатыми легко затемненными стеклами, жидкая «интеллигентская» бородка. Еще обязательные наушники в ушах. У Витамина всегда есть деньги, и он с удовольствием угощает своих старых друзей выпивкой.

Меня с Ярославом-Витамином соединяет не только далекое рок-н-рольное прошлое. Он – единственный из моих знакомых, кто побывал, как и я, в Москве, в «Богородичном Центре».

Но об этом мы почти не вспоминаем.

Если я еще добрался до дома своим ходом, то Ярослава ездила забирать мать. И не в Москву, а в Харьков.

Как он в Харькове оказался и что там делал, покрыто мраком и тайной. Сам Ярослав молчит на сей счет, как рыба. Известно только, что в Харькове Витамин проповедовал Бога и бомжевал, пока не был задержан милицейским патрулем. Было это два года назад. Витамин нашел в себе силы прийти в себя и даже устроить личную жизнь. В Витамине неожиданно обнаружилась недюжинная прагматическая жила. Все считали Ярослава анархистом, асоциальным типом и законченным люмпеном, а он возьми и устройся на хорошую работу.

– Что это мы такие сегодня радостные? – спрашивает меня Ярослав, но не успеваю я и рта раскрыть, чтоб поделиться благодатным состоянием, как Витамин сам же и отвечает на свой вопрос:

– Понятно, Казиновскому сеанс сорвали.

– Откуда ты знаешь?! Ты же не был у театра!

– Хе-хе, надо работать с информационными потоками. А вообще вы молодцы. Колдунам и их дегенератам праздничек малехо подпортили. Это дело надо отметить!...

Почему, собственно, не отметить бы нашу победу? – размышляю я. – Заодно поделюсь с Витамином своими «театральными» впечатлениями. Поговорим как нормальные люди. В кои-то веки.

Собственно, я же русский человек, а не какой-то там араб. К тому же, в Библии сказано – вино веселит сердце. Главное – знать меру. Все беды, все несчастья, все трагедии нашего человека в том, что меры не знаем. Но я-то знаю меру!

Последние два года вообще держусь молодцом. Ни разу нигде не напился. Изредка, правда, приходилось очень культурно выпивать в хороших компаниях. В хороших в том смысле, что никто не надирался там до поросычьего визга. Так что я теперь сторонник культурного употребления алкоголя...

Будто прочитав мои мысли, Витамин говорит:

– Пошли культурно выпьем пива. Пиво, кстати, безалкогольный напиток, хе-хе.

Действительно, почему бы ни пропустить бутылочку пивка – продолжаю размышлять я. – Что, собственно, с бутылочки изменится. А откажусь, человека обижу. Будет потом думать, что все православные – ханжи и фарисеи...

Нехорошо быть человеку одному

Зачем я поехал с Витамином на вокзал? Нет, просто дьявольское наваждение какое-то. Витамин говорит: поехали, вспомним старые добрые времена. Мы же раньше любили на вокзале пить. Почему я согласился пить на вокзале?! Как помрачение нашло. Надо было сразу, еще когда мы возле моего дома пиво пили, откланяться и идти восвояси.

Нет же! Во мне уже бурлили все мои старые греховные привычки. В башке играла «Гражданская Оборона». Витамин все совал мне в уши свои наушники, все включал один из концертов Летова. За 1997-й год. (Спрашивается, зачем мне это надо было?)

...Еще немного, эх, еще чуть-чуть,

Нам только б ночь простоять,

Да, день продержаться...

...Нечего терять, нечего терять...

Душу объяла глобальная ностальгия, начались дурацкие воспоминания из рок-н-рольного прошлого. Но хуже любого «Г.О.» «грузил» Витамин. Оказывается, «колыбель арийской расы – Западная Сибирь и Урал. Само слово «Урал» происходит от известного всем «ура», того самого «ура», что кричат русские солдаты поднимаясь в бой. Ну а само «ура» происходит от слова «Ур». Якобы, таким словом арийцы называли своего праотца...

Чрезмерная увлеченность «арийской расой» не мешает Ярославу изредка посещать

церковь, вместе со своим семейством. Ярослав убежден, что Православие, как оно есть на славянских землях, целиком и полностью выросло из арийской культуры. Сам Спаситель был белокур, голубоглаз, в общем, истинный арий...

Спорить здесь бесполезно.

Нет, настоящего разговора с Витамином не вышло. Тогда зачем я поперся с ним на вокзал?! Зачем!!! Если бы я не был православным, подумал бы, наверное, что Витамин наслал на меня порчу. Я подозрительно быстро опьянел! С двух бутылок пива! На вокзале пошла водка, что было совсем плохо. Водка легла на пиво (а я с утра почти ничего не ел) и совсем вывела из строя.

Уже на вокзале вспомнилось, что я пообещал Михаилу быть сегодня в шесть вечера у отца Леонида. Я спросил у Витамина время, было два часа дня. Со всей ясностью я осознал: поход к отцу Леониду отменяется. Я пьян, я уставший, я после работы, меня попросту «свалит» к шести вечера. А если и не «свалит», к чему дышать «выхлопами» среди непьющих людей отца Леонида.

Да, чудовищно нехорошо получается – я был у отца Леонида на молебне лишь в первый день нашего противостояния. Не был во второй, третий и, наконец, не буду в последний день. Что обо мне подумает Михаил, сам отец Леонид?!..

В какой-то момент я едва не пустил пьяную слезу. Потом вздохнул и мысленно сказал сам себе: Ладно, падать, так падать. Да будет это падение мне во смирение. А то возомнил себя лютым молитвенником, победителем всех колдунов... Уж лучше падать, чем быть в прелести своей гордыни...

В привокзальном кафе, Витамин вдруг повел тему, мол, пора мне давно жениться. После ариев, «Ура» и Егора Летова предложение женитьбы прозвучало несколько необычно.

– Вот женишься, гораздо меньше искушений будет, – сказал Витамин. – Не останется времени на левые мысли. И вообще, в Библии сказано: нехорошо быть человеку одному.

Я согласился с Витамином. Витамин сказал, что это дело надо обмыть. И пошел брать еще водку. Пока он ходил, я обвел мутным взором помещение кафе. И сразу же заметил женщину за маленьким столиком в самом углу, слева от входной двери в кафе. Вернее, сперва увидел роскошные каштановые волосы, а уже потом обладательницу роскошных волос.

Женщина сидела совершенно одна. На столике перед ней одиноко стояла полупустая бутылка с шипучей «Ром-Колой». Какое-то время дама неподвижно смотрела на бутылочку, а потом кинула вызывающий взгляд на меня. Глаза наши встретились. Как по заказу.

Сомнений нет, она одинока...

В моей отуманенной алкоголем душе возникла сложная гамма чувств, от жалости до возвышенной влюбленности... Может, это моя судьба? Она так же одинока, как и я...

Вот и Витамин; в одной руке пластиковые стаканчики с огненной водой, в другой пластиковая тарелочка с бутербродами. Выпили за то, что нехорошо быть человеку одному. Закурили. Дальнейшее помню фрагментами.

Витамин цитирует по памяти стихи из Песни Песней Соломона (вот уж не ожидал от него). Витамин тоже не совсем трезв, глаза у него влажно блестят, он разгорячен, машет правой рукой в такт своей речи.

Мы каким-то образом оказываемся за тем самым столиком с одинокой дамой. Знакомимся. Такое ощущение, что она сюда пришла лишь затем, чтобы со мной познакомиться. Легкое, очень легкое знакомство! А я комплексовал.

Итак, дама не замужем, никого не ждет, просто убивает время. Зовут же ее не то Лера, не то Вера. Точно не помню. Дама совсем недурна собой (правда, в таком состоянии мне все женщины кажутся красивыми), где-то моих лет, одета неброско, но со вкусом.

Впрочем, из всего имиджа женщины «за одиноким столиком в привокзальном гадюшнике» запомнились роскошные каштановые волосы и очки. Да, дама была в очках, обычных очках, что носят при плохом зрении. Но именно на очки я купился сильнее всего (даже сильнее, чем на волосы), очки показались мне высшим шармом интеллигентности и начитанности.

Следующий фрагмент – Витамина уже нет. Я рассказываю Лере (или Вере) о себе. Мол, какой я молодец, как я крут. Бывший рок-музыкант, несостоявшаяся звезда панк-рока.

Дама понимающе качает головой – она тоже музыку любит, «Scorpions», например.

Что ж, «Scorpions» – это ничего, хотя, конечно, не панк» – думаю я. – По крайней мере, гораздо лучше, чем «Лесоповал», или Шафутинский...

Лера мне жалуется на жизнь. Ее, само собой, бросили – все мужики сволочи, кроме меня. Я вообще очень порядочный человек.

Приободренный комплиментом, стараюсь ее утешить. Утешаю весьма оригинально, спрашиваю – верит ли она в жизнь после смерти? Видимо этим я хотел сказать, что все наши страдания в этой земной юдоли найдут свое разрешение там, в жизни иной. Хорошо помню, как страстно она выдохнула: да, я в это верю, верю! Только не с кем серьезно на эту тему поговорить!..

Ее рука легла в мою руку. Мы вышли из кафе на свежий воздух. Было сыро и даже немного прохладно. Только что прошел очередной дождь... Моя новая спутница положила мою руку себе на талию, нежно ко мне прижалась...

Она пригласила меня к себе! Сказала, что живет одна. Здесь, совсем рядом. Я был на «седьмом небе» от счастья.

Вот она, моя вторая половинка, данная мне Судьбой, нет, Богом! Господи, как хорошо! Хоть я и пьян, как свинья. Но, Господи, прости, ведь так все замечательно складывается; а мы так одиноки... Ты же знаешь... Дальше я перестал о чем-либо думать. Было только безмерное ощущение упругого и в тоже время такого мягкого, такого теплого, такого родного тела.

Дама действительно жила рядом с вокзалом. Мы отошли от привокзальной площади буквально метров на сто. По левую руку от нас начиналось длинное, немного изогнутое девятиэтажное здание, в народе именуемое «китайской стеной». Прошли через первую от вокзала арку во двор «девятиэтажки». Наконец, подошли к одному из подъездов.

Вдруг дама предложила мне прямо здесь, не сходя с места, обмыть наше знакомство. И я согласился. Почему-то мне совсем не показалось странным, что мы пьем на улице, перед самой ее квартирой.

Дама вытащила из сумочки плоскую коньячную бутылочку и стаканчики. Я выпил что-то похожее на коньяк, с самогонным привкусом.

Все, больше ничего не помню.

Никогда (не знакомьтесь с дамами возле вокзала!)

Очнулся на рассвете следующего дня (врагу не пожелаешь такого пробуждения). Сажу в подъезде на лестничной площадке. Голова чугунная, все тело ноет, во рту липкая вонючая слюна и ужасно хочется пить. И главное – на мне нет моих новеньких кожаных туфель!

Постепенно вырисовывается картина вчерашнего вечера: Витамин, привокзальный «гадюшник», знакомство с дамой... Последнее, что помню: плоская коньячная бутылочка, обмыли знакомство...

Ясно! Меня тупо обвели вокруг пальца. В бутылочке было снотворное. Потом меня затащили в подъезд (у дамы, конечно же, были дружки, они ждали ее с очередной жертвой в условленном месте, где-то около подъезда). Дальше все проще простого – сняли туфли и наверняка вычистили карманы...

С трудом оторвал себя от пола, поднялся. Сразу же гулко застучало в висках, заколотилось сердце и еще сильнее захотелось пить. Дрожащей рукой проверил карманы. Так и есть, все вычистили подчистую, не оставили ни копейки! Со стоном я рухнул обратно на пол – ну и что теперь делать, что?!

Какое-то время я неподвижно сидел на площадке между этажами. Бесцельно смотрел в маленькое, мутное от грязи окошко. Чувство омерзения к самому себе охватило меня, будто я всю ночь купался в канализации, в отходах, нечистотах, и сам превратился в нечистоты.

Сквозь мутное подъездное окошко прорвался первый луч утреннего солнца. Как

полузабытый сон вспомнилась наша вчерашняя Победа возле театра. Какое величественное, радостное чувство было на душе. Как я говорил себе, что больше никогда не буду жить прежней, греховной, жизнью, что я теперь новый человек. И кто я теперь?! Какое глупейшее падение, достойное, пожалуй, только кинокомедии.

Было так отвратительно на душе, так горько и обидно, хоть волком вой. Я попытался молиться, но в голове был такой кавардак, что даже «Отче наш» не мог толком вспомнить. Тогда я стал взывать к Господу «своими словами»:

– Господи, помоги, помоги, помилуй! Господи, я в подъезде, меня ограбили и разули, смилуйся надо мной, помоги! – отчаянно повторял я. Пока не услышал шаги.

Кто-то спускался по лестнице. Очень не хотелось, чтобы меня видели на ступеньках подъезда и в таком жутком, «скрюченном» состоянии. «Резво» вскочив и согнувшись, я кинулся прочь из подъезда. Выбежав во двор, увидел скамейку. Сел на нее, преодолевая тошноту и страшную головную боль. И тут меня осенило – Максим, Партайгеноссе. Да, да, да! Единственный, кто мне может помочь. Что мне, собственно, надо? Обувь какую-нибудь попросить на время и денег на дорогу. Не пойду же я через весь город в носках.

Из всех моих знакомых Партайгеноссе живет ближе всех к вокзалу, всего в нескольких кварталах, в районе площади «Победа». Но каким же длинным мне показался теперь путь. Поначалу было неловко, что я вот так, не как все, иду в одних носках, но вскоре стыд прошел, и пришло полное безразличие – только бы быстрее добраться до Максима, только бы он был дома, только бы не упасть в изнеможении прямо на дороге.

С трудом добрал до Максима. Долго звонил в дверь (терять было нечего). Партайгеноссе высунулся из-за двери заспанный – оказывается, сейчас только полседьмого утра. Обозрев мой внешний вид, особенно мою «обувь», он сразу проснулся, пригласил в дом. Долго расспрашивал, «что, да как», угощал зеленым чаем. Наконец сделал вывод из моей горькой истории: во всем виноват Витамин.

Я ответил Максиму, что во всем виновата моя глупость. Максим согласился, но добавил: и Витамин, ну, не прямо, а своим духовным воздействием. Ведь это он предложил ехать пить на вокзал.

Где-то через пару часов я покинул гостеприимного хозяина. Было все так же скверно, подташнивало от выпитого зеленого чая. Но на душе спокойнее; на мне были огромные поношенные кроссовки сорок четвертого размера, а в кармане лежали деньги на дорогу...

Приезжаю домой, мне совсем плохо. Наверное, отравился тем самым напитком из плоской бутылочки. Коньячком, что со змеиной любезностью мне предложила привокзальная дама.

Нет! Как можно так легкомысленно знакомиться?! Нет, теперь никогда, никогда, никогда! Правильно говорит Михаил – надо знакомиться с дамами возле Церкви. И только возле Церкви! А возле вокзала и вообще в местах публичного скопления народа – никогда!

Нет сомнений в том, что я отравлен. Меня долго и мучительно рвет зеленым чаем. Потом мучает ничем не утоляемая жажда, и опять рвет, выпитой водой. Так повторяется несколько раз, плюс ужасная головная боль и сердцебиение. Наконец, обессиленный, стонущий, я валюсь на диван. Каким-то чудом засыпаю.

Пробуждение

Сон начисто лишен сновидений, не сон, а провал в небытие, как будто я потерял сознание. Очнулся от странного удара под сердце. Мне почудилось, будто я задыхаюсь. Моя душа вылетает прочь из тела, через затылок. Я жутко испугался, отчаянно дернул ногами и судорожно задышал.

Я чувствовал себя пловцом; с невероятным усилием выплывал из черной стоячей воды на Свет Божий. И все это в один миг пробуждения, в какую-то долю секунды, что показалась мне вечностью.

Был седьмой час вечера, когда я проснулся. Пробуждение ничего хорошего не

предвещало. Так уже было со мной, два года назад. Это когда я после «Богородичного Центра» и неудавшихся попыток найти людей «Розы Мира», после того, как моя жизнь в Москве потерпела катастрофу с горя запыл.

Потом было похожее состояние, как сейчас... Нет, тогда было хуже. И мучил меня не похмельный синдром, он прошел на второй день, а бессонница. После четырех бессонных ночей я чувствовал, что схожу с ума. У меня начались бредовые видения. Я видел элементарные частицы, атомы, видел пляшущего индуистского бога Ганешу – с четырьмя руками на человеческом теле и головою слона. Помню, сам себе вызывал «скорую». Врач сделал какой-то успокаивающий укол и сказал, что сейчас все пройдет, я засну долгим глубоким сном...

Очень долго не могу заснуть, на улице давно ночь, а я все верчусь, как грешник на сковородке. Спать хочется, но спать нельзя. Только засыпаю – меня сразу же либо выбрасывает из тела, либо удар под сердце. Лежу, слушаю, как завывает за окном ветер, громыхает гром. Порывы ветра такие, что, кажется, еще чуть-чуть и вывернет рамы на балконе. И гром грохочет совсем рядом. Погода опять испортилась. И у меня ад на душе. Мне тревожно, стыдно, я близок к истерике.

Не хочу никого видеть, не хочу! Особенно своих православных знакомых. И особенно Михаила и отца Леонида! Они такие правильные. С ними никогда ничего не случается, только со мной...

Боже, а ведь так можно умереть. Неестественно, некрасиво, без покаяния – умереть наглой смертью. А это значит: очнуться в окружении бесов. А потом, через неделю, сломают дверь моей квартиры и найдут мой разлагающийся труп. И это будет внешний знак того, что я в аду...

От последней мысли делается страшно. Начинаю истерично молиться. На этот раз взываю к Богородице. Как к своей последней Надежде, Упованию. Как и тогда, два года назад, умоляю Небесную Царицу простить меня, защитить, спасти от бесов. Ну, и чтобы Она попросила своего Сына оставить меня еще пожить на Земле. Дать еще одну попытку покаяния.

Всемиловитая меня услышала! Я заснул. Снился мне город, совершенно серый город, тусклый полусвет, непонятно откуда берущийся, пыльная мгла, словно над городом пыльная буря. Снилось мне, что я стою у окна в квартире, похожей на квартиру Максима. Только Максима нет.

В окне я вижу привокзальную площадь (вокзал на самом деле из окна его квартиры не виден), только дома какие-то другие немного. Вроде бы те же «девятиэтажки», но какие-то перекошенные, искаженные, полуобрушенные, словно после бомбежки, и совсем серые. И здание вокзала странное, точнее, вместо вокзала – огромное, ступенчатое пирамидальное сооружение из черного непроницаемого материала. Что-то вроде мавзолея Ленина, только увеличенное в сотни раз.

И вдруг меня начинает куда-то засасывать. Над «черным мавзолеем» поднимаются пугающие гигантские существа. Они змеевидные, с расширяющимися кверху капюшонами голов и огромными пастями. Они и всасывают в себя все живое в этом унылом сером городе. Я вижу, как люди хватаются за фонари, за углы домов, их отрывает, уносит прочь, в сторону чудищ. Всасывает и меня, вдавливая лбом в стекло, еще секунда, и я улечу вместе с рамой во что-то жуткое, туда, откуда нет возврата.

Я отрываюсь от окна, пытаюсь бежать из квартиры. Открываю входную дверь, а за ней вместо лестничного пролета мгlistая серая бездна. Путь к отступлению закрыт, и ужас все плотнее и плотнее сдавливает мое горло.

И вдруг все меняется, так, как это бывает только во сне. Вокруг меня океан мягкого, но в тоже время очень интенсивного света. И нет больше серого города с его змеевидными чудищами, гигантскими мавзолеями и мгlistыми безднами. Я на просторной лужайке, прямо передо мной небольшой холм, а на холме стоит... Царь-Мученик Николай II.

Император одет в свой походный мундир и сапоги. Он смотрит прямо на меня, и во

взгляде его такое сострадание, что меня пронизывает до самых последних глубин души.

Во сне я плачу, жалею Николаю Александровичу на свое бедственное положение: мол, не хочу грешить, но сам не понимаю, как все получается. Николай II молча смотрит на меня, потом медленно отводит руку, показывает жестом – смотри. Я смотрю в яркую голубую даль и вижу (очень и очень туманно) как бы призрачные яркие фигуры какого-то несметного воинства. Я слышу, как звенят колокольчики, все настойчивее, все ближе...

Просыпаюсь. Надрывно звонит телефон. Но я весь еще захвачен сном. Я потрясен им до глубины души. Никогда не был сильным почитателем последнего императора, но и никогда не был Его хулителем.

Поднимаю телефонную трубку и слышу голос Михаила:

– Куда ты пропал?! Тут папа римский приезжает. Ты забыл? Сегодня все наши едут в Киев на антипапский крестный ход. Вечерним поездом. Ты как, едешь?

– Да, – радостно выдыхаю я, – конечно еду, конечно!

Сам думаю: как же я поеду, ведь мне завтра на работу. Впрочем, какая работа, тут такое!.. Господь мне дает еще шанс... В общем, бой продолжается!

Конспирация

Едем с Михаилом на вокзал. Не удержался. Рассказал Михаилу о том, как мне приснился святой Царь-Мученик Николай. Естественно, умолчал про те позорные события, что предшествовали сну.

Михаил отреагировал прохладно:

– Ну, приснился. Ну, может, это и хорошо, но это же сон. А со снами надо поосторожней, можно ведь и в прелесть впасть.

Я вскипел. Говорю:

– Да знаю я прекрасно про прелесть! По «Богородичному Центру». Я ведь какое-то время жил в «богородичном монастыре» построенном в честь «Императорской Четы». И все эти фантазии по поводу Святых Царственных Мучеников мне хорошо знакомы... Вот это и есть прелесть. Понимаешь! Когда человек в своем самомнении и гордыне начинает желаемое выдавать за действительное. Фантазии за видения свыше.

А все потому, что хочется ему быть пророком, визионером, старцем, незаурядной духовной личностью... короче, хочется кем-то быть. Но у меня не так! Михаил! Я и предположить не мог, что мне император Николай приснится. И если бы мне кто-то с вечера об этом сообщил, я бы просто никогда не поверил. Никогда!

– Друг мой, прелесть не только от фантазий бывает, – спокойно отвечает мне Михаил. – О бесовских внушениях ты забыл?

– Ты хочешь сказать, что мне бес в образе святого императора явился?!

– Я ничего не хочу сказать. Просто будь осторожен. Не накручивай себя. Гони прочь эти самые фантазии, о которых ты говоришь. Читал в Священном Писании: «дерево познается по плодам»?.. То-то же. Время покажет, Царь ли Мученик тебе явился, или бесовское внушение, или что-то еще.

– Ну, ведь Он так на меня посмотрел! – продолжаю кипятиться я, – ведь такое чувство покаяния после сна было!

Но Михаил «безжалостен»:

– И ты побежал в Церковь на исповедь и начал новую жизнь?

– Нет, – честно отвечаю я.

– Ну, тогда не будем об этом... Ты не обижайся, просто я боюсь, что скоро негде будет исповедоваться и причащаться. Все храмы станут автокефальными.

Михаил снова «садится» на свою «основную волну»:

– Вадим, меня страшит позиция нашего архиерея. Как это: я против приезда папы

Римского, но выражать протест по этому поводу не благословляю?..

...Все! Молчу о своем сне. Молчу, как рыба, как партизан на допросе! Молчу!.. Потому что никому ничего не надо. И вообще... неужели, неужели все же «богородичники» отчасти правы! Когда утверждают, что фарисеи из Московской Патриархии закрывают Небо! Да, да, да! Любое новое духовное явление сразу же ставится под запрет, объявляется прелестью!..

Вдруг мне делается смешно, я проникаюсь иронией к самому себе, горькой иронией: влезет же в голову ересь. Это надо же, до сих пор «богородичник» во мне не умер. Тоже мне нашелся визионер. По уши в грехах, а все что-то пытаюсь доказать...

Вот и вокзал. А сбоку как раз то самое кафе, в котором я пил с Витамином. Кафе-то и напомнило мне, что я по уши в грехах. Неприятно кольнуло под сердцем. И стало почему-то неловко перед Михаилом, хотя он-то о том, как меня «разули», ничего не знает. Но сказано же в Вечной Книге: все тайное рано или поздно станет явным. И что я тогда на это отвечу, когда станут явными мои тайные дела – фарисеи из Московской Патриархии закрывают мне Небо... Смешно. И горько. Очень горько...

На вокзале нас ждут люди отца Леонида (те самые, что участвовали в молитвенном пикете возле театра). И еще человек восемь – прихожане кафедрального собора. Стоим у центрального входа в вокзал. Из здания вокзала стремительно выходит Олег с огромной дорожной сумкой на плече. Увернувшись от кинувшихся к нему таксистов, Олег устремляется к нам. Вид у него бодрый и немного встревоженный.

– Полный вокзал чекистов, – говорит Олег и делает страшные круглые глаза – увы, нас всех пасут!

– Нам-то что, – сонно говорит Людмила. – Чекисты делают свое дело, мы свое.

– Нет, Людмила, не скажи – возражает Андрей и недоверчиво смотрит в сторону таксистов, словно те тоже переодетые чекисты. – Товарищи из СБУ просто так здесь торчать не будут. Наверняка у них четкая команда: брать на карандаш всех, кто едет на крестный ход.

– Не имеют права! – взвывается София, – у человека билет, мало ли куда он едет. Сейчас не советское время, не надо...

– Конечно, не имеют права, – иронично перебивает Софию Андрей, – но, знаете ли, как-то не хочется на карандаш к ним попадать. Потом начнут на всякие там собеседования вызывать. А насчет несоветского времени, дорогие сестры, да в наши демократические времена есть тысячи, тысячи способов испортить человеку жизнь. Тысячи, понимаете!

– Например, самый простой способ: подбросить наркотики и посадить по уголовке, – говорит Олег.

– Или отравить, – дополняю я Олега. Почему – «отравить», и сам не знаю. Видимо, вспомнилось, как меня здесь, возле вокзала, дама «коньячком» чуть не отравила.

– Лишить недвижимости, свести с ума психотропной наркотой, – продолжает брат Родион и улыбается блаженно.

Родион личность уникальная: вроде бы прихожанин отца Леонида, а вроде бы и нет. Вольный он человек, Родион. Вольный как ветер. Бывший кришнаит.

– О чем вы говорите?! – Удивляется незнакомый мне худощавый мужчина с аккуратно подстриженной бородкой и военной выправкой. – Друзья, какая наркота, какая уголовка, откуда такие страхи. Слишком много чести для конторы. Да и мы не слишком крупная рыба, чтобы нас психотропной наркотой травить. Так что ничего не бойтесь. С нами Бог! Это главное!

– Действительно, – подтверждает Михаил и нервно оглядывается, – и все-таки отойдем немного в сторону.

Отходим в сторону. Из дверей вокзала вываливается огромная толпа с баулами. Прибыл крымский поезд. Олег с Андреем вертят во все стороны головой, смотрят, нет ли где переодетых чекистов.

– Но все же поостеречься немного надо бы, – рассудительно говорит брат Анатолий, прихожанин кафедрального собора. – Слышали, наверное, власти принимают

беспрецедентные меры безопасности. Милиции дана команда всех назад заворачивать. В общем, сделать все, чтобы крестный ход не состоялся.

– Выхода у нас нет, – побледневший Михаил нервно вздыхает руку. – Только полная конспирация. Сейчас я раздаю билеты. К поезду выдвигаемся по одному...

Рано утром прибыли в Киев. Никто не пытался нас высадить с поезда, отравить или подбросить нам наркотики. Однако расслабляться было рано. Вместе с нами ехали верующие из соседней епархии. Они-то нам и сообщили, что киевской милиции предписано задерживать делегации, пребывающие на крестный ход, и по возможности либо сажать в КПЗ, либо отправлять обратно.

– Делать нечего, – сказал Михаил, – опять конспирация. Из поезда выходим мелкими группами. Нет! Лучше по одному. Через час, ну, полтора максимум, встречаемся у метро «Арсенальное». С Богом!

Боец невидимого фронта

Прекрасное солнечное утро. Чистый свежий воздух. Просыпающаяся столица. Кто-то уже спешит на работу. Вид у всех сытый, благодушный. Даже бомжи выглядят как-то по-европейски ухожено. С трудом верится, что я прибыл на линию фронта, на антипапский крестный ход.

Оставив вещи у родственников, иду в сторону завода «Арсенал». Небольшие петляющие улочки и обилие свежей зелени. Тенистые скверики, парки, состоящие из раскидистых каштанов, дубов, буков, грабов и аккуратных скамеечек и дорожек – все это завораживает глаз. А попавшаяся навстречу машина, щедро поливающая водой улицы, газоны и тротуары, приводит в умиление.

В какой-то момент мне начинает казаться, что все вокруг словно заколдовано иллюзией европейского благополучия. И вот уже чудится, как птички киевские щебечут мне на все лады: моя хата с краю, ничего не знаю. Ничего не знаю, моя хата с краю...

От станции метро «Арсенальная» до Киево-Печерской Лавры не более тридцати минут ходьбы. Торопиться нам некуда. Время есть, и до литургии и, тем более, до начала крестного хода.

Идем – впереди я, Михаил, Олег и Андрей. Позади нас неразлучные Людмила с Софией и «свободолюбивый» брат Родион с ними. Остальные растянулись за нами, наверное, метров на сто.

По-прежнему ничего не предвещает предстоящий визит римского понтифика. Ни тебе плакатов, объявлений, восторженных толп католиков. Вдруг взгляд спотыкается о черную, с жирными подтеками надпись на стене дома – БОГ.

Ого, так ли спокойно в столице!

– Смотрите, – с жаром восклицает Родион, – «Бог», прямо на стене.

Останавливаемся.

– Странно, – говорю я. – Непривычно. Ну, когда, пишут «prodigy», «Гр.Об», «Цой жив» или классическое «Вася + Маша» – это если и не всегда понятно, но привычно. Но зачем писать на стенах «Бог»?

– Глупость какая-то, – равнодушно пожимает плечами Людмила. – По-моему, писать на стенах «Бог» да еще и черной краской, мягко говоря, не эстетично.

– Не эстетично, – подхватывает София, – сразу видно, писали люди неверующие.

– Сатанисты писали! – Спокойно говорит Андрей и добавляет со знанием дела, словно специалист по «настенным надписям»: – Видите черные потеки, их специально сделали, чтобы проклясть имя Божие...

– Смотрите, – перебивает Андрея Олег, – еще одна надпись.

И точно. Буквально через двадцать, тридцать шагов следующая надпись. Опять черной

краской и опять на стене дома: Слава Православию!

– Написано, как «Слава КПСС», – недовольно говорит Михаил. – Интересно, кто это мог сделать?

– Конечно же, жидовня, – с ходу отвечает Андрей.

– Сказать жида, значит, ничего не сказать, – парирует София. – Это то же самое, что масоны, Андрей, слишком размытое понятие.

– София, что ты знаешь о масонах? – с иронией спрашивает Андрей.

– Что я знаю! – заводится София, – Господи помилуй! Андрей, да еще когда я журналистом в Узбекистане, в советской газете работала, еще тогда...

Дальше Софию никто не слушал. Потому как в этот самый момент мы все, словно по команде, увидели еще одну надпись, а под ней свастику.

– Все ясно, – сказал Олег. Хотя ясно ничего не было. Следующая надпись была сделана невероятно огромными черными буквами и опять на стене дома. Надпись гласила: Папа, геть з України. Прямо под надписью была начертана жирная, с черными потеками, свастика.

– Все ясно, – повторил за Олегом Михаил, – самая типичная провокация.

– То есть, – морщится Андрей, – на случай, если папа все же приедет в Киев и решит, например, посетить Лавру. А участники крестного хода его туда попросту не пустят.

– Вот именно, – раздраженно говорит Михаил. – Тогда телевизионщики используют сие «религиозное» творчество на стенах в качестве компромата против нашей Церкви.

– Да! – почти кричит София, – мне, как бывшему журналисту, эта тема хорошо знакома. Представьте себе, визит папы сорван. По ТВ говорят, что немногочисленная кучка махровых ортодоксов из Московского Патриархата воспрепятствовала визиту мира на Украину, или в Киев, или, там, в Лавру. При этом камера сперва фиксирует слово «Бог», намалеванное страшной черной краской, потом показывают надпись «Слава Православию». Дальше добавляется, что никакие они не православные, они отщепенцы, фашисты, пригретые недобросовестными клириками из Московского Патриархата. И показывается свастика на стене. Все! Дело сделано. Информационная мышеловка захлопнулась!

Повисло минутное молчание, которое нарушил Михаил:

– Молодец, София. Сразу видно, что не зря ты «Манипуляцию сознанием» проштудировала. Не зря.

Михаил добродушно смеется.

– Прямо-таки боец невидимого фронта, – недовольно говорит Андрей и обводит всех своими грустными черными глазами, – а все-таки зря вы недооцениваете эту заразу, это мировое жидо-масонство. Провокация провокацией, а кто за ней стоит, а? Все они, они!

– Проклятый мировой капитал, – то ли в шутку, то ли всерьез говорит брат Родион и грозит кулаком в сторону ультрасовременного сооружения из блестящего стеклобетона.

Здание, которому грозит Родион, напоминает уменьшенную копию российского «Газпрома». Этакая аккуратная «фига в Небо».

Дальше идем молча. Обходим «фигу в Небо». Надписи повторяются опять. В том же порядке, только крест теперь нарисован другой, тевтонский вместо свастики, с равносторонними засечками на концах.

Еще несколько раз повторяются «Бог», «Слава Православию» и «Папа геть...».

У меня на душе от утренней беспечности и следа не осталось. На душе тревожно – эта дурацкая «религия на стенах», это нелепое здание.

В уме проносятся свирепые образы ОМОНа с дубинками, забитые участниками крестного хода КПЗ, нагло ухмыляющиеся лица сотрудников милиции, хитрые семитские лица «телепроповедников», слепые объективы камер и жирная, вопящая к дьяволу надпись на стене дома – «БОГ».

Очередная темная громада какого-то административного здания отползает в сторону, взору открываются залитые солнцем купола Лавры. Тревожных мыслей как не бывало.

Стоит ли забивать себе голову воображаемыми информационными провокациями, когда еще ничего не произошло? Да ничего и не случится!

Противостояние

Многотысячная колонна участников крестного хода собирается перед СвятоУспенским Собором. Носятся тревожные слухи, говорят, что все руководство Киево-Печерской Лавры нас предало, и что киевляне почти не принимают участие в антипапском стоянии. Так что все организовано общественной организацией «Союз Православных Братств» и силами приезжих.

А приезжие, кажется, чуть ли не со всех епархий Украины. Вся Православная Украина здесь! Иконы, хоругви, транспаранты с антипапскими лозунгами.

Начинается «движение». Появляется «голова» крестного хода. Десятки людей в священнических и монашеских одеяниях. На инвалидной коляске везут какого-то схимонаха: блаженный седенький старичок, не от мира сего. Втягиваемся в колонну и мы. Идем между Овручской и Ивано-Франковской епархиями. Ивано-Франковская епархия выглядит солидно: священнослужители, иконы, хоругви, транспаранты: полный «боезапас».

И людей-то сколько! И это Ивано-Франковск?!..

Мои представления о православных западно-украинцах (мол, все они униаты и греко-католики) рушатся, как карточный домик. До меня доносится обрывок разговора двух верующих: «западенцы приехали на крестный ход, потому как на собственной шкуре знают, что такое католики и униаты»...

Вот оно что!

Меня охватывает радостное, почти Пасхальное чувство единства.

Мы – сила! Мы остановим визит папы в Киев! Остановим, еще как остановим...

Вокруг меня нарастает молитвенное пение. Наши поют тропарь: «Спаси, Господи, люди твоя...» Ивано-Франковцы – «Богородице, Дево, радуйся...» Что-то еще поют. Слов не разобрать. Все сливается в сплошной, негромкий, но мощный гул. Будто это гудит-молится сама Соборная Душа народа Православного. И нет одессита и ивано-франковца, нет «москаля» и «хохла», но все едины во Христе!

Вдруг к гулу примешивается еще один гул, точнее вой – высокий и резкий, очень неприятный. Это сигналият нам киевские водители. Оказывается, многотысячная колонна крестного хода растянулась от Лавры и почти до Верховной Рады! И этим надолго перекрыла движение.

Столичные водители возвращают меня в обыденную реальность. Давно не приходилось видеть таких перекошенных от злости лиц. Впрочем, понять тех, кто за рулем, можно: кто-то торопится по делам рабочим, кто-то по своим. Люди теряют время, а время – деньги.

Но с этого момента и до самого конца крестного хода меня не будет покидать ощущение двух непересекающихся, несовместимых реальностей – крестного хода и обыденной столичной жизни. Хотя, казалось бы, и там, и там – люди.

Вот и Верховная Рада. И «вечный» митинг вокруг нее. Какая-то женщина кричит в мегафон. Слов не разобрать. Возле Рады наш молитвенный строй несколько нарушается. У переносного металлического ограждения, вокруг Рады, образуется столпотворение из участников крестного хода. При этом основная часть колонны верующих невозмутимо, с пением тропарей продолжает двигаться вперед. Минуя Раду по касательной.

Меня, вместе с Михаилом и Олегом распирает любопытство – что же такое могло произойти, что часть верующих покинула молитвенный строй, неужели тетка с мегафоном что-то интересное о нас говорит?

Выходим из строя и мы. И что же видим: толпящиеся у ограждения по очереди здороваются за руку с холеным седоватым мужчиной, стоящим по ту сторону ограды. И бегут догонять своих.

В человеке, «по ту сторону», сразу же узнается лидер украинских коммунистов Петр Симоненко. Он вышел поприветствовать участников антипапского крестного хода. Оказывается, только коммунисты в Верховной Раде против визита понтифика. Только они

поддерживают нашу инициативу с крестным ходом. Все остальные – проклятые евроатлантисты.

Здороваемся и мы с лидером коммунистов. Вблизи Петр Симоненко кажется «белым и пушистым». Плюшевым каким-то. Кабинетным. Слово родилось он сразу же в кабинете Верховной Рады.

Догоняем своих. Но как-то все мешается. Мы почему-то оказываемся в «хвосте» Днепропетровской епархии. И оказываемся не зря. Едва отходим от Рады, как у одного из днепропетровцев начинает мироточить икона Царственных Мучеников.

Никогда еще не приходилось видеть, как мироточит икона. На внутренней стороне стекла янтарные бисеринки капель. Бисерные капельки в несколько раз меньше дождевых, их очень много. Такое ощущение, что икона внезапно запотела изнутри.

Вместе с Михаилом и Олегом прикладываюсь к иконе Царственных Мучеников. В воздухе легкий, неопишимо ароматный запах. Запах отдаленно напоминает благоухание хорошего ладана. И все же, он немного другой, ни с чем не сравнимый.

Царь-Мученик на иконе в шапке Мономаха и при всех царских регалиях. Канонический. Не такой, какой приснился мне. Но... взгляд, тот же самый взгляд! В памяти в мановении ока проносится мое последнее пьяное падение: Витамин, привокзальная дама, алкогольное отравление, приснившийся адский город и приснившийся мне Царь.

Кажется, Николай II плачет янтарными бисеринками слез. И меня душат слезы. Возвращаюсь в строй, а по колонне уже несется:

– С нами Бог! С нами Царственные Страстотерпцы!

Молитвенное единение, немного порушенное у Рады, возвращается вновь. У участников крестного хода словно открывается второе дыхание. Идем к Михайловскому Собору.

Златоверхий Михайловский Собор – подарок «филаретовцам» от государства. Сержант милиции поспешно закрывает церковные ворота перед нами. Сержант при всей амуниции – наручники, рация, дубинка.

– Да, – философски тянет Олег, – благодать в филаретовской церкви – вещь дефицитная. Ее ментами охранять надо.

Площадь перед Собором заполняется участниками крестного хода. Служим молебен. На протяжении всего молебна за нами с одной из колоколен наблюдают в бинокль какие-то странные личности: две модно одетые девушки и три парня.

Что они там делают, на колокольне? Кто они? Туристы? Но тогда кто позволил им забраться на колокольню? А может они агенты СБУ?.. Впрочем, кто бы они ни были, от всей обстановки вокруг захваченного «филаретовцами» собора отдает чем-то жутко мирским, светским.

Вот она подлинная спайка «церкви» и «незалежного» государства. А ведь Филаретовскую «церковь» в народе так и именуют – карманная церковь пэршого президента Украины Кравчука. Не больше, не меньше: «церковь» рожденная в «кармане» нового украинского государства...»

Следующий краткий молебен возле американского посольства. Именно возле него ощущение двух непересекающихся реальностей (крестного хода и обыденной светской жизни) было как никогда острым. И доходило до сюрреализма, до абсурда. С одной стороны многотысячная колонна бородатых людей с иконами и хоругвями, с другой – за крепкими стенами посольства бегают какие-то инопланетные люди в оранжевых комбинезонах. За нами пристально наблюдают в десятки биноклей. Фотографируют и даже снимают на камеру. Еще заметно нервничает охрана посольства. Впрочем, это как раз понятнее всего.

Наконец-то достигли папской нунциатуры. На подходе к «осиному гнезду» Ватикана солидная дама в элегантной шляпке кричит нам с тротуара:

– Сволочи, что вам папа плохого сделал. Что?!

На женщину никто не обращает внимания. Сама же папская нунциатура словно вымерла. Ни звука, ни движения. Окна наглухо закрыты и занавешены. Такое ощущение, словно служим краткий молебен перед пустым мертвым домом. Видимо, к встрече с нами здесь готовились загодя.

Финал нашего маршрута – Софийский Собор. К Собору я уже не иду, а скорее бреду на усталых ногах. В голове почти нет мыслей, только тропари и «Богородица, Дево, радуйся...» И по сторонам глядеть не хочется, совсем не хочется. Если бы сейчас та дама, в шляпке, догнала нас и кинулась с кулаками, я, наверное, и головы бы не повернул.

Заключительный молебен у Софийского Собора прошел на одном дыхании (несмотря на общую усталость). Все закончилось коленопреклоненной молитвой тысяч людей (вот зрелище было для столичных обывателей).

А потом произошло чудо, оно одно и врезалось в память: в чистом небе над золотыми куполами Софии появляется небольшая кольцеобразная радуга.

В небе, над самыми куполами, небольшое такое колечко и колечко это переливается всеми цветами спектра. Чудесное зрелище, воистину, дивны дела Твои, Господи. Радуга сияла нам до самого конца молебна. А потом тихо растворилась в атмосфере.

Здесь и сейчас

Ночую у родственников, но перед тем как лечь спать, жадно просматриваю выпуски новостей. Я разочарован, впрочем, ничего другого от украинского ТВ и не ждал. Несмотря на обилие каналов, общая информационная картина удручающе однообразна. Такое ощущение, что все каналы заранее обсудили, что они будут показывать и как. Все информационные блоки вертятся вокруг предстоящего визита папы. Визиту – 90% внимания!

В целом, картинка в голове после просмотра новостей примерно такая:

Папа – это «посланник мира», «духовный лидер прогрессивного человечества», «визитная карточка на пути в Европу» и прочая, прочая, прочая.

Комментарии дают представители «греко-католической церкви» и «филаретовцы». Все они, конечно же, ждут, не дождутся визита понтифика. Просто жаждут встречи с папой, словно из него текут реки воды живой.

«А что же представители Московского Патриархата? Почему они молчат? Почему не вставят свой голос в общий хор прогрессивного человечества? Ведь это именно с их молчаливого попустительства некие маргинальные группы (один телекомментатор назвал нас даже «агентами влияния Москвы») упорно продолжают протестовать против визита папы. Папа к ним с распростертыми объятиями любви, а они...»

Тут только показывают наш крестный ход. Но показывают мельком, смазано. Словно мы «досадное недоразумение на пути в Европу». Из всей колонны крестного хода выхвачен какой-то кусок, фрагмент. В итоге создается впечатление, что участников жалкая горстка. И те в основном женщины пожилого возраста.

Почти не показывают хоругви и иконы. Зато транспаранты с антипапскими лозунгами «телеоко» фиксирует с большим удовольствием. Ну и еще бомжей, случайно попавших на крестный ход.

Плюрализм мнений украинские СМИ проявили, пожалуй, лишь в подсчете участников крестного хода. Так канал «Интер» насчитал три тысячи человек, «1+1» – четыре тысячи, «ТЕТ» – пять тысяч, «ICTV» – десять тысяч. По нашим же подсчетам нас было не менее тридцати тысяч.

Ладно, сколько бы нас не было, это уже не имеет значения. Визиту папы быть. Ради этого визита украинские власти готовы на все. Будь нас хоть сто тысяч, все равно бы показали по телевизору горстку отщепенцев. И сказали бы: «ну, протестующих было максимум шесть, десять тысяч».

После просмотра новостных блоков мне захотелось разразиться злобным демоническим смехом. Так изощренно все исказить. Нет, ощущение внутри такое, будто на меня только что вылили ведро помоев. Назвать черное белым, а белое черным, и при этом даже глазом не моргнуть, может только украинское ТВ.

И вот уже на периферии сознания звучит вкрадчивый голос – ну и надо оно тебе было, этот

крестный ход? Чего ты добился, только на посмешище себя выставил. Вон вся родня неверующая над тобой смеется...

И точно. Приезжает с работы мой дядя. Упитанный, респектабельный киевский житель. Улыбается в свои усы, как кот.

– Ну как, ходил, протестовал?... Ах, молился, хе-хе. Ну и надо оно тебе было, помолиться можно и дома... Ах, соборная молитва?! А что с нее толку. Старичок-то (так дядя называет папу) все равно едет.

Дядя достает полбутылки шотландского виски. Признаюсь, я даже рад виски, на душе очень горько.

Пьем заграничное пойло. У виски немного самогонный привкус. Дядя продолжает начатую тему:

– Все ваши так называемые крестные ходы – показуха. Они ничего не дают, потому как приезд старичка – это часть большой политики под названием «интеграция Украины в Европу». Поэтому все давно решено в тиши кабинетов. И наверняка все согласованно с вашим церковным начальством. Все «шито-крыто». А вы, дурачки, ходите своими крестными ходами. Добавляйте, тем же коммунистам, политические дивиденды. При этом ни коммунисты, ни ваше церковное начальство никогда за вас не вступятся. Ни-ког-да!

Дядя наливает по следующей. Я пытаюсь ему возразить, по поводу того, что наше начальство договорилось с мирскими властями. Но почему-то совсем не находятся нужные слова. Как назло вспоминается наш владыка со своим негативным отношением к антипапскому крестному ходу.

Может, действительно, они все там наверху договорились?!

Виски уже разлилось живительным теплом по телу, вымыло телевизионную муть из мозгов. Стало все равно. А дядя не унимается.

– И вообще, вот я не понимаю, что вам всем старичок плохого сделал? – При этих словах дядя сладко потягивается в кресле, проводит ладонью по своим кошачьим усам. – Старичок и так в маразме, совсем безобидный. Ну, приедет. Уедет. Что изменится?

– Кстати, если даже и не приедет, все равно интеграция Украины в Европу состоится. Что бы там ни кричали оболтусы, вроде тебя.

Я начинаю что-то лепетать про унию, шестнадцатый-семнадцатый век, про то, сколько крови православной на Украине католиками было пролито.

– Шестнадцатый век! – хохочет дядя и гладит себя по упитанному животу, – семнадцатый век! Да ты еще Александра Невского вспомни. Ну, вы все фантазеры. Где вы живете? На какой планете?

– Вадим, надо жить здесь и сейчас, здесь и сейчас! В этом времени, в этой реальности. Ну, вы, короче... как дети, блин. И пока будете детьми, вас все, кому не лень, будут использовать для своих грязных политических делишек.

Дядя разливает остатки виски.

– Лучше бы ты на программиста выучился, – говорит дядя. – Сейчас бы нормальные бабки имел. А так, работы серьезной нет, времени свободного уйма, вот и носит тебя по всяким митингам и крестным ходам. И вообще, я не понимаю, что общего у церкви с политикой?

– Я сам не понимаю, – отвечаю я. – Только крестный ход – это не митинг. Это совсем другое. Это молитвенное взывание к Богу. И я ничуть не жалею, что принял участие. Пусть я плохой православный, но я верю в Бога. Я знаю, что есть Бог, есть Его Пресвятая Матерь и они так же реальны... вот как Вы сейчас передо мной!

– Да, – задумчиво протягивает дядя, – может, и есть, кто это отрицает. А тебе с такими мыслями в монахи пора. Все ж лучше, чем болтаться без дела?

– Может быть. Я подумаю...

Спал беспокойно. Снилось колонна крестного хода, и я в этой колонне. А вокруг меня какие-то старушки и бомжи. Я верчу головой, ищу наших, но наших нет. Ни Михаила, ни Олега, никого. И мы поначалу куда-то идем, а потом выясняется, что никуда мы не идем, мы ходим по кругу и все время здороваемся за руку с Симоненко.

Я начинаю спрашивать, почему мы все по кругу ходим, почему не идем к Софийскому Собору. А мне кто-то отвечает, что это только кажется, будто мы по кругу ходим, а на самом деле мы не по кругу ходим, мы жизнь проживаем, как она есть, в настоящем. Здесь и сейчас. Здесь и сейчас...

Тамплиеры

Как и следовало ожидать, наш антипапский крестный ход не остановил визита понтифика. И церковное руководство нас, действительно, предало. Визит папы в Киев состоялся.

Ничего. Мы спокойны. Все что не делается, все к лучшему.

Руководство Киево-Печерской Лавры не с нами, зато стихии природы за нас! Все три дня, что папа был в Киеве, стояла ужасная погода – сыро, ветрено, дождливо и довольно прохладно для конца июня. Едва ли ни каждый час налетали внезапные ливни. Мне даже казалось, что струи дождя черные.

Киево-Печерскую Лавру остояли. Запланированный визит в Лавру понтифика не состоялся. Все три дня мы служили, на территории Лавры, почти не прекращающиеся молебны и акафисты. И вот вчера папа покинул Киев. И сразу же засияло солнышко, вернулось лето. Сегодня последний день нашего пребывания в столице. Устраиваем себе паломничество в Китаевскую Пустынь. Не терпится посмотреть знаменитые Пещеры.

Можно было бы посмотреть Пещеры и в самой Киево-Печерской Лавре, но ни я, ни Михаил не любим туристов. За пять дней нашего антипапского противостояния в Лавре туристы изрядно намозолили нам глаза. Пещеры же Китаевской Пустыни, как считает Михаил, более «девственные», менее истоптаны туристами.

Китаевская Пустынь поразила меня отсутствием строго очерченной монастырской территории. Без всякого ограждения и монастырских ворот двух-трех этажные мирские домики плавно перешли в небольшие монастырские строения: сарайчики, одноэтажные кельи. Потом опять пошли мирские дома, и опять монастырские строения. Только что на уютных скамеечках сидели почетные киевские пенсионеры, и вот уже вокруг нас ходят редкие монахи.

– Скорее, – тянет меня за руку Михаил, – надо быстрее найти игумена, взять у него благословение.

– Как же так, – возмущаюсь я, – ни забора тебе, ни ворот. Странный монастырь.

– До революции здесь был нормальный, довольно большой монастырь, – говорит Михаил. – Потом большевики, как водится, монастырь закрыли. Все попереломали. А потом и вовсе стали жилые дома на территории монастыря строить. Наконец, додумались институт пчеловодства в монастыре открыть.

– Потом пришли новые власти. Часть территории монастырю вернули, кусочками. Вот и вынужден монастырь сосуществовать с пчеловодами и обычными мирскими жителями... И вообще, говорят, монастырь мирские власти нещадно притесняют... За тамплиеров.

– Что?! Каких еще тамплиеров?!

– Темная история, – говорит Михаил. – У меня здесь в Киеве брат есть. Он православный. Так вот, от него я слышал, что тут, на территории монастыря, находился орден тамплиеров. Под видом некоей благотворительной организации они снимали помещение. Всем золотые горы обещали: пчеловодам – новые ульи, монастырю – золотые купола.

– Однако монахи на золотые купола не купились. Подняли шум. Потребовали от непрошенных гостей удалиться с территории монастыря. Одним словом, скандал был на весь мир. Представь, нашему киевскому митрополиту звонили из администрации президента Америки, возмущались, «по какому праву милых их сердцу тамплиеров выгоняют»? Но братия своего добились. В общем, ушли еретики. А монастырь у властей на карандаш попал. Кстати, сейчас, брат говорил, в Китаевской Пустыни от силы двадцать-тридцать насельников. И их становится все меньше и меньше. Так что ничего не стоит все это за ненужностью прикрыть.

Игумена находим возле трапезной. Увы, Пещеры отменяются, закрыты. Какие-то трения у монастыря с местными властями. Михаил деликатно спрашивает о делах в монастыре, в общем плане, двумя-тремя словами.

– Каждый день ходим, как по лезвию ножа. Не удивлюсь, если меня завтра посадят, – отвечает игумен и радостно улыбается, словно сообщил нам нечто приятное.

– Как же это так?!

– По грехам нашим, – игумен вздыхает и снова солнечно улыбается. – Да что говорить! Если самого Спасителя гнали, то тем паче нас, грешных. У нас тут гонителей хватает, – игумен делает легкий жест рукой в сторону мирских домов, – вот, судебная тяжба с пчеловодами по поводу территории. Вряд ли ее выиграем... Ну, да на все Воля Божия ... А вы с дороги? Устали? Сходите, покушайте...

Игумен мне понравился. Добрый, жизнерадостный человек. А я ведь игуменов побаивался. Я игуменов по образу нашего епископа представлял: строгий такой дядька в тучном теле с посохом в руках и тяжелым взглядом. Всегда недоволен, то ли малым смирением вокруг него, то ли еще чем-то. Здесь же – легкий, подвижный, солнечный человек. Не игумен – маленький Серафим Саровский! Слишком молод, правда. И черен, как румын, или как грек.

Сидим в трапезной. На меня пристально смотрит какой-то монах. Что-то отдаленно знакомое улавливается в его южных (таких же, как у игумена) чертах лица – в длинном тонком носе, в пышной волнистой копне волос на голове. Что-то знакомое скрывается за длинной жидкой бородкой. Но что?

Чувствую себя не в своей тарелке. После трапезы этот монах подходит ко мне:

– Здравствуй, Вадик. Не узнаешь?

Меня поражает, словно молнией. Я узнаю своего древнего знакомого по старым «рокерским» делам – Андрея, по кличке Кутерьма.

Вот так встреча.

– Слушай, говорили же, что ты в Израиль уехал?!

– Здесь мой духовный Израиль, – отвечает Андрей и слегка улыбается.

Вообще-то Витамин говорил, очень давно, еще до нашего с ним «Богородичного Центра», что Кутерьма собирается в монахи православные, – вспоминаю я.

Я тогда еще подумал: ну, собирается, так флаг в руки. Мало ли кто куда собирается. Кто-то в Тибет, кто-то в православные монахи. Потом разговор забылся. К тому же, Кутерьма не был моим близким знакомым, с ним больше дружил Витамин.

Мне не нравилось в Андрее его чрезмерное увлечение Кастанедой и очень тяжелой музыкой. Весь его клоунский сатанизм. Потом он крестился. (Да, это я помню). Стал православным верующим. Я тогда не думал, что это серьезно. Мне все казалось, Кутерьма «играет смыслами». То он буддист, то сатанист, то поклонник Кастанеды, то православный, да еще монах. Слава Богу, я ошибался! Вижу теперь, что ошибался. Выходит все серьезно...

– И кто ты теперь? – Спрашиваю я Андрея.

– Монах, – отвечает бесстрастным голосом Андрей, – монах Ахилла... А вы какими судьбами?

Рассказываем вкратце, «какими судьбами».

– Так вы участники крестных ходов против папы! – радостно восклицает Ахилла. – Это другое дело!.. Вы не торопитесь?

– Нет, что Вы, – жизнерадостно отвечает Михаил.

– Поезд только в семь вечера, – добавляю я.

– Ну, и Слава Богу!..

На столе, за которым мы трапезничали, появляются чай и конфеты. Обстановка почти домашняя. Встреча старых друзей. Так что пообщались от души. (Общение наше было, правда, омрачено под конец, но это другая история).

Ахилла оказался не просто монахом, а иеромонахом. И послушание у него – чуть ли не экононом монастыря. Одним словом, не последний человек в Китаевской Пустыни. Михаил по этому поводу не очень удачно пошутил: «батюшка, да вы без пяти минут епископ». (И это

смиренному-то монаху).

Ахилла сделал вид, что не расслышал. Повисла неловкая пауза, и у Михаилахватила ума перевести разговор на тамплиеров. И не зря. Ахилла поведал интересные вещи. Оказывается, они (монахи), с самого начала знали, что за «гости» к ним пожаловали.

– Гости особо и не скрывались, – рассказывает Ахилла. – Вели себя по-хамски. Угрожали. Пугали «сильными мира сего». Мол, в нашем ордене много и политиков, и бизнесменов, и журналистов, и просто влиятельных людей. Так что тронете нас, мы такой шум поднимем. Поэтому сидите, помалкивайте. И действительно, чувствовалась высокая «крыша» над этими масонами.

– Братия монастыря не один раз жаловалась в разные инстанции. Наконец, в декабре прошлого года терпение верующих лопнуло. Как-то само собой, точнее, по Промыслу Божиему, собрался православный народ. Причем мирян было в несколько раз больше чем монахов. Подключилось и какое-то братство.

– Пошли на еретиков штурмом. Спустились с молитвой в их осиное гнездо, а тамплиеров уже и след простыл. Бросили все, сбежали. Даже мечи свои оставили, всю свою символику оставили, литературу. Кстати, вся литература сатанинская. Один Алистер Кроули чего стоит. Ты же знаешь, Вадик, я свое время этой мути хлебнул. И Алистера Кроули читал.

– Но больше всего нас поразили нас не книжки и мечи: единственный христианский символ – крест – у еретиков находился прямо на полу, под ковром. Получается, всякий, кто входил к ним невольно попирал ногами Крест Христов!

– От всего увиденного народ православный в ужас пришел. Помню, высыпали все на улицу из этого жуткого душного подвала и возблагодарили Бога, что избавил нас от таких соседей. Как сейчас помню, слякоть, мокрый снег, а мы «Христос Воскресе» кричим. Вот это сила! – Ахилла бросил на меня и Михаила огненный взгляд и сделал резкое рубящее движение правой рукой.

Кутерьма, вылитый Кутерьма, – сразу и не без удовольствия подумал я.

Именно по этому резкому жесту рукой, горящему эмоциями взгляду и запомнился мне когда-то, очень давно, Андрей. Когда мы с ним познакомились на тусовке у Витамина...

«Другая история»

– ... Они, тамплиеры, так называемые, – продолжает Ахилла уже ровным, бесстрастным «монашеским тоном». – Они все гордились и величались своими связями с сильными мира сего. А сбежали от горстки православных верующих! О чем это говорит?.. Ну, само собой, нечистая сила боится православной молитвы. И, – снова резкий рубящий жест рукой, – организованного народного протеста!

– А ведь вера без дел мертва. Молитва – это, конечно, основа основ. Но ведь и дела же должны быть. А мы все сидим, молчим. Все соглашаемся. Сатанинская реклама, пожалуйста. Сатанинское телевидение, пожалуйста. ИНН, пожалуйста. Пластиковые карточки, пожалуйста. Антихрист, пожалуйста. Уже скоро на лоб будут печати ставить, а мы все бубнить будем: пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста...

Да, – думаю я. – Игорь не изменился. Как был радикалом, так им и остался. Он же еще тогда, на тусовке, (когда я только с ним познакомился) всюду сатану видел. Зато потом увлекся Кастанедой и, наоборот, в упор стал не видеть силы тьмы. Другая крайность. Да, Кутерьма человек радикальных крайностей был...

– А что, – осторожно спрашивает Михаил Ахиллу, – действительно, что ли, в ИНН есть три шестерки?

– А как же! – восклицает смиренный монах Ахилла, – и старцы об этом говорят, и программисты наши, православные, тоже об этом говорят: в ИНН однозначно присутствуют три шестерки. А теперь судите сами, братья, кому нужна эта повальная нумерация шестерками? Украине, России, Белоруссии? Ведь невооруженным глазом видно, что вся эта компания с присвоением ИНН идет по всему миру. Вся информация стекается в Брюссель и

закладывается в мировую компьютерную базу по имени «Зверь». Так что вся эта нумерация нужна только мировому правительству, а точнее – антихристу!

Ахилла замолчал, промочил горло чаем и вопросительно посмотрел на меня и Михаила. Взгляд его словно бы говорил: «ну вы-то со мной точно согласны».

– Ведь вы понимаете! – продолжил Ахилла, – смысл глобализации в том, чтобы привести мир к антихристу! А для этого нужно пронумеровать его тремя шестерками. Что и делает ИНН.

– Дорогой батюшка, – спокойно возражает Михаил, – это-то мы как раз понимаем. Только мы думаем, что ИНН – это еще не его печать. Антихриста-то еще самого нет. Вон, и священноначалие наше и богословы...

– Что мне священноначалие, что ваши богословы, – перебивает Ахилла и торжествующе улыбается. – Есть духоносные старцы, они не сидят в дорогих кабинетах, не ездят на шикарных машинах, не летают на сомнительные экуменические шабаши, не поют осанну этому жидомасонскому правительству, а собственной жизнью утверждают Истину Христову.

– Дорогие мои, старцы однозначно говорят: никаких новых документов не брать. Вы что же, всерьез, вместе с вашими богословами думаете, что раз нет антихриста, то и незачем этой мировой жидомасонской власти сопротивляться. Дорогие мои, да когда он реально воцарится над миром, поздно уже будет ему сопротивляться.

– Наивные мои, неужели вы считаете, что вас персонально притащат к его поганому трону, чтобы спросить: отрекаетесь ли вы от Христа, или мученичество желаете принять? Нет, братья, все гораздо тоньше. Недаром Писание диавола называет отцом лжи. Поэтому духоносные старцы нам и говорят: никаких новых документов не брать. В том числе и ИНН. Стоять в Истине до конца. А если не можем стоять, то мы и не христиане вовсе!

– Простите, батюшка, – говорит Михаил. В Михаиле, по-видимому, разыгралась честность, – вынужден Вам сообщить, дабы в заблуждения не вводить; мы уже приняли ИНН. И при всем моем уважении к Вам, вынужден не согласиться с Вами, – тон Михаила подчеркнуто официальный, он даже встал со стула, как на митинге:

– Я не считаю ИНН печатью антихриста. ИНН мне всучили практически без моего согласия. И вообще, в вере в то, что налоговый номер автоматически лишает человека Образа и Подобия Божьего, мне видится что-то оккультно-магическое. А не православное.

– Так я и думал, – тихо, почти шепотом говорит побледневший Ахилла, – а ты, брат, сядь, – обращается он к вскочившему со стула эмоциональному Михаилу. – Подумай лучше, как спастись будешь с сатанисткой печатью? Сам видишь, мира нет в твоей душе... Бог тебе в помощь.

– Простите, батюшка, – выдыхает раскрасневшийся Михаил, – но я остаюсь при своем мнении...

Общение наше расстроилось. Из него исчезла искренняя эмоциональная изюминка доверчивости, живости. Ахилла теперь вычурно вежлив и сух, Михаил подчеркнуто официален, а мне совсем общаться расхотелось.

Опять чувствую себя «не в своей тарелке». Вот вроде все доводы разума, и доводы уважаемых мной богословов говорят: ИНН – еще не «печать сатаны». Безусловно, шаг в сторону «печати», но еще не печать.

А в голову раз за разом возвращается мысль, наводя тонкую мистическую депрессию – а вдруг уже печать?! Или некая подготовительная печать, приняв которую, с легкостью примешь и саму печать диавола... Ну, тогда конец! К чему тогда все наши молитвы и крестные ходы...

Ахилла спрашивает нас о Витамине. О ИНН больше не говорим. Ахилла невозмутим и холоден. Делать нам больше здесь нечего.

На прощание я все-таки спросил у Ахиллы, то, что хотел спросить с самого начала, если б не ИНН:

– Слушай, Андрей, а как ты стал монахом?

– Благодаря Климову, – сухо ответил Ахилла. – Его книги «Князь мира сего». Читал?

– Э-э, что-то такое помню, Витамин рассказывал.

– Вот, возьми у него обязательно, почитай... Климов гениально всех этих чернушников и извращенцев описывает. Он их называет – «легионеры». Читал в Евангелии место, где Спаситель выгоняет из одного бесноватого кучу бесов? Еще Он спрашивает его, ну, бесноватого – как твое имя?

–А бесы отвечают – имя нам легион, потому что нас много... Вот и я. Прочитал и понял, что я сам легион. В миру таким, как я, не спастись. Путь один – стать монахом. И никаких компромиссов с миром. Никаких печатей и ИНН. Вот так, Вадик.

Вежливо откланявшись, мы попытались взять у иеромонаха Ахиллы благословение в дорогу. Но смиренный борец с кодами, нам смиренно отказал. С тем и покинули Китаевскую Пустынь.

До станции метро шли пешком. И заблудились. Оказались в странном для Киева месте. Не то промышленная зона, не то огромный пустырь. С трудом верилось, что это далеко не окраина Киева. Какой разительный контраст с теми тихими, по-европейски ухоженными киевскими улочками, что так очаровали меня в первый день приезда в Киев. Если тогда вокруг меня были аккуратные фасады домов и такие же аккуратные деревца, то теперь нечто обратное. Теперь нас окружают неаккуратные склады, заборы, ворота, низкорослый, чахлый кустарник и тощие пирамидальные тополя по обочинам дороги. Сама дорога разбита до неузнаваемости, асфальт вздыбился, а местами и вовсе отсутствует. Вместо асфальта кучки какого-то шлака. С трудом верится, что мы в Киеве, а не в шахтерском поселке где-то под Кривым Рогом.

– Откуда эта свалка взялась, – недовольно ворчит Михаил, – почему нам ничего о ней не сказали?! Я же ясно спросил: как пройти к метро?

– Михаил, может, нас бес попутал? За ИНН. Ну и Ахилла еще помолился, а у него молитва сильная, монашеская. Ну, и завертело нас, закрутило, занесло на свалку. А?

– Это, типа, юмор? – спрашивает Михаил.

– Типа, да, – отвечаю я.

– Ха-ха-ха, – нервно смеется Михаил и тут же умолкает. – Нет, Вадик, не смешно. Если мы будем так шутить, на поезд точно опоздаем. А попутал нас не бес, а собственная самоуверенность, гордыня. Не захотели как все люди, на троллейбусе, вот и попустил сию помойку нам Господь.

– Да, не захотели как все нормальные люди, – соглашаюсь я с Михаилом.

Идем мимо унылого бетонного забора. За забором огромные кучи ржавого железа. Тонны и тонны гниющего металла.

– Печальны дела либерастов, – вздыхает Михаил, – всю страну в помойку превратили...

«Промышленный пустырь» оказался не столь велик, как показалось вначале. Еще несколько минут ходьбы – и дорога пошла резко вверх, на холм. В глаза брызнула свежая киевская зелень, жилые пяти-девяти этажные дома, магазины, офисы.

– Ура, входим в цивилизацию, – сказал повеселевший Михаил.

Минут через десять-пятнадцать мы увидели долгожданное метро. А еще через несколько часов поезд уносил нас прочь, из столицы «незалежной» Украины.

В поезде, под бутылочку хорошего сухого вина раз за разом прокручиваем наше последнее общение в Китаевской Пустыни. Все хорошо, и можно только порадоваться за бывшего тусовщика и сатаниста Кутерьму, взявшего на себя бремя нелегкого монашеского служения. Все отлично, если б... если б не ИНН.

Ну откуда такое устойчивое убеждение, что принятие ИНН автоматически, магически лишает человека Образа Божьего?! Получается, судимся уже не за нравственные дела, не за Добро или зло, не за грехи, не за вольное отречение от Бога, а за какие-то внешние знаки, цифры, амулеты.

Михаил говорит, что истерия вокруг ИНН – не больше, чем обыкновенный человеческий

страх. Мол, караул, власти, силы мира сего нас опять посчитали. И пронумеровали...

– ... Это что же получается, – доносится до меня возмущенный голос Михаила, – принял ИНН – и все, как проклятый. В храме от тебя, как от чумы, сторонятся. Как от змея. Ну ладно бы там подобные вещи среди неграмотных бабок ходили. Но среди монахов! Нам что, больше заняться нечем? У нас Церковь на Украине скоро автокефальной станет. Скоро благодать и без ИНН из наших храмов уйдет. А мы все с ветряными мельницами сражаемся...

Тут меня «осеняет»:

– Михаил! Знаешь, что мне все это напоминает?

– Что? – спрашивает меня Михаил, покрасневший от вина и ораторского искусства.

– Ну, все эти разговоры; принял ИНН – и спастись уже никак не возможно... Так вот, напоминает мне все это учение «Богородичного Центра» о семени змея. Помнишь, я тебе рассказывал. Ведь если поменять «детей змея» на иэненщиков, получается следующее: есть святые, есть обычные грешники рода Адамова, а есть проклятые, не подлежащие спасению, иэненщики. Все те, кого пронумеровали.

– Точно, – хлопает Михаил себя ладонью по лбу. – Это что ж получается... хотя, казалось бы, при чем здесь «Богородичный Центр», при чем здесь «семя змея»?!

– Кто его знает, может, и ни при чем, – задумчиво тяну я, на меня опять наваливается нечто вроде мистической депрессии. – Кто его знает, может, это мы вместе с нашим священноначалием и богословами ошибаемся. Может, правы духоносные старцы, о которых Ахилла говорил.

– Допустим, ИНН еще не печать антихриста. Но, может, преддверие этой самой печати. Может, действительно, принятие ИНН – первый шаг к печати антихриста? Потом, скажем, будет второй шаг, пластиковые паспорта, потом третий – микрочипы под кожу. И не заметим, как саму печать примем.

– А? Михаил! Где гарантия, что мы остановимся, сделав второй, или третий шаг? А вдруг отречение от Христа будет тихим и незаметным, будничным таким. А?

– Не пугай, – устало отвечает Михаил, – так мы совсем заблудимся. Ведь если наши церковные начальники и богословы заблуждаются, то где тогда вообще Церковь-то? И во что мы тогда верим? В Бога Всемогущего или во всемогущие козни антихриста? И что значит, незаметное отречение от Христа? Ведь если, например, чипы начнут на правую руку ставить, то это любому христианину ясно, что все, это уже печать. А пока всего этого нет, ни печати на правую руку, ни мирового правителя, то и нечего себе голову забивать ветряными мельницами, – устало вздыхает Михаил. – Давай лучше выпьем.

– Давай, – соглашаюсь я.

Допили вино. У Михаила внезапно разболелась голова. Разговор наш расстроился. Да и так, по-моему, сказано все. Добавить нечего.

– Давай спать, – говорю я Михаилу. – Все равно наше противостояние окончено.

Часть II: Политика

Куда жить?

Оказывается, все мои греховные падения, вся неразбериха в моей духовной жизни только оттого, что я бегаю от Креста, предназначенного мне Богом. Это мне сказал отец Леонид еще полгода назад. Вот главная причина, что не дает мне стать Воином Христовым! Ибо взять Крест – это значит мужественно принять свою жизнь такой, какая она есть, без всяких фантазий по поводу себя, любимого. И из этой обыденной, серой, неустроенной жизни научиться взывать к Богу, побеждая именем Божиим свои греховные страсти.

С каждым своим падением убеждаюсь, насколько прав отец Леонид.

В двадцать первый век я вошел со смутным, но огромным ощущением Русского Мира, как мира Православного. И с твердым убеждением, что наконец-то обрел почву под ногами. Однако мало что изменилось в моей жизни. Окончились крестные ходы, молитвенные противостояния, поездки, тусовки, и я обнаружил себя там же, где и был. У «разбитого корыта».

С работы пришлось уволиться (участие в антипапских крестных ходах не есть уважительная причина). Все лето нахожусь в подвешенном, полуреальном, жалком состоянии. От участника антипапских крестных ходов не осталось ничего. Киев, Лавра, папа, Симоненко, Китаевская Пустынь, иеромонах Ахилла – все это вспоминается, как сон...

По ночам мне душно, беспокойно, мучает блуд. А по утрам мучает вопрос: куда жить? Что делать?

Несколько раз был в гостях Партайгеноссе. Поговорили обо всем и ни о чем. Максим словно бы почувствовал мое внутреннее состояние. Привез пару порнофильмов, («веселые фильмы», как он их называет). Я почему-то их взял, сказал, посмотрю, как-нибудь. И положил диск с фильмами на полку. До худших времен.

В конце лета Партайгеноссе женился. Жена красавица, умница – учитель русского языка. Был у них на свадьбе. Были все наши. И все напильсь. Даже Михаил. Смутно помню, как он все хотел меня познакомить с человеком «Розы Мира». От человека «Розы Мира» в памяти осталось добродушное круглое лицо и... гитара. А так, даже имя не запомнил.

Искренне рад за Максима. Рад за всех своих. Всем желаю счастья, всех да спасет Господь! Все, как могут, цепляются за эту жестокую жизнь. Окончательно взрослеют. Глядишь, этот женился, этот хорошую работу нашел, этот удачно перебрался в столицу. А я? Что я!..

Через меня хлещет хаотический поток чувств, мыслей, желаний. Я никак не могу в нем определиться. «Где я зарыл свой талант. Где?!» То воображаю себя писателем, то безвестным монахом, то опять писателем. Понимаю, что все это «воздушные замки», что в реальности все будет не так, да и не полезно душе увлекаться мечтаниями. Понимаю, и все равно строю фантастические планы.

Этим летом рухнули все мои планы. Меня так и не напечатали, я так и не стал монахом, борьба за Русский Мир на Украине так и не началась... И подступили ко мне враги мои невидимые.

Неделю назад мне приснился очень нехороший сон. А началось все с того, что от нечего делать я решил в последний раз перечитать книгу Даниила Андреева «Роза Мира». Ну, чтобы там все точки над «і» расставить, разобрать книгу с православной, с догматической точки зрения.

Когда-то я был сильно увлечен Даниилом Андреевым. Лет шесть носился с идеей создания Всемирной «Церкви Роза Мира». Иллюзии прошли несколько лет назад, в Москве. Теперь идея создания «Церкви Розы Мира» вызывает у меня горькую иронию. Однако я и предположить не мог, что так еще связан с мировоззрением Даниила Андреева. Метафизика «Розы Мира» вошла в мою кровь и плоть.

Да, пока я читал утопические главы и главы «богословские», наиболее противоречащие

православному вероучению, мой критический ум работал. Все было яснее некуда: «ересь, она и в Африке ересь». А вот грандиозные картины «иноматериальных слоев планетарного космоса» опять меня увлекли. Особенно описание демонических слоев, оно у Даниила Андреева наиболее согласуется с христианской апокрифической литературой, и вдобавок описание это отдает пугающим реализмом.

Как-то, загрузив ум пейзажами демонических слоев, я лег спать. Тогда мне и приснилось «оно» – нечто огромное, неопределенное, жуткое и темное насквозь. Без формы, без лица, без образа – анонимная, беспредельная вселенская тьма.

«Оно» втягивало меня во сне в себя, всасывало, поглощало. Это было похоже на то, как засасывает, втягивает в свою орбиту безвозвратно черная дыра. Было сладостно и жутко одновременно. Я переставал существовать как личность. Я умирал. И конца этому всасыванию-умиранию не было. Наконец, что-то вытолкнуло меня наверх, вон из сна.

Пробудился с ощущением сладостной жути внутри. Я прекрасно отдавал себе отчет в том, что сон мой демонический, опасный. И все же ощущение сладостной жути не прошло. Оно только трансформировалось в почти бессознательное, полусексуальное желание раствориться в темных стихиях мира. Забыть свой Образ, Лик, забыться совсем. Исчезнуть.

Естественно, находясь в здравом уме, я понимаю, что все это не более, чем бесовские внушения. Потому что «исчезнуть» можно только одним способом – наложив на себя руки. Само собой, на это я не пойду никогда. Но ощущение «сладостной жути» гнетет душу.

Хочется пуститься во все тяжкое. Рвут противоречивые желания: то ли пойти бесцельно побродить по вечернему городу, то ли напиться до бесчувствия, или снять женщину легкого поведения (потом, конечно же, покаяться).

А когда отпускает меня это бесовское сладострастие, начинаются ложные сокрушения, «покаяния на бумаге»: «как же так, ведь я вроде бы православный, молитвы читаю, на службу вместе со своим старым другом, ныне священником, отцом Иваном езжу. И тут такие соблазны!

Хуже всего – я втайне услаждаюсь своим демоническим состоянием. Калека!

Господи помоги!

Кстати, насчет отца Ивана. Спасибо ему огромное! Он сейчас единственная моя отдушина. Если не считать «Библиотеку» отца Леонида. Но с отцом Леонидом у меня так и осталась досадная дистанция, так и не смог перейти с ним на «ты». Он, конечно, ортодокс, однако, слишком суховат, как все ортодоксы. Он словно боится испачкаться об этот грешный мир.

Не получается у меня с ним никак легкое доверительное общение; с шутками-прибаутками, как с отцом Иваном. Возможно, причина в том, что отец Леонид родом не из рокерского мира. Но, скорее, дело в моих собственных мозгах. Я ведь и сам себе толком не могу объяснить свои «туманные бесовские состояния». Живу, как во сне.

Нет. Отец Леонид не поймет. Он слишком высок, он занят творением «Иисусовой Молитвы». С отцом Иваном проще. Правда, и ему не все во мне ясно. У него другая психология.

И все же, огромное спасибо старому другу отцу Ивану! Почти все лето каждую неделю ездил к нему на приход. На службу и на требы. В итоге и материальная помощь и хоть какая-то отдушина. И каждый раз молился истово, жадно. Каждое слово молитвы, как глоток воздуха для утопающего. Не чувствовал ни жары, ни усталости. Но служба заканчивалась, заканчивались и требы; все возвращалось на круги своя. К тому самому вопросу: куда жить?

Овация!

Звонок по телефону, голос отца Ивана:

– Ты взорвал Манхэттен?

– ?!

– Ну, признавайся, твоя работа?

«Вот манера у отца Ивана шутить. Правильно Михаил его безумным черногорским попом

называет. Делать нечего, «надо признаваться»...

– Ну... почему только я... Вместе, вместе, отче, взрывали. Ты же ведь не любишь Америку? Правда?

Когда-то отец Иван относился к Соединенным Штатам благосклонно. Не то, чтобы любил, но как-то идеализировал. Мол, Америка – это страна больших возможностей и свобод. А ругают США те, кто завидует высокому материальному уровню жизни американцев.

Так было, пока не обрушились бомбы на Югославию. Мы тогда с отцом Иваном открывали приход в Ягорлыцком Куту. Вокруг небольшого села – заповедник, глушь страшная, девственная степь: совы, змеи, зайцы, степные волки. Вся связь с миром – через полуразбитое радио. По нему и услышали о начале бомбежек.

Отец Иван долго не мог поверить – как это, в наше демократическое время бомбить суверенное государство? Да еще и в центре Европы!

Поверил только тогда, когда у председателя колхоза по телевизору увидел дымящийся Белград. И поверив, изменил свой взгляд на Америку в одночасье. Так что я совсем не удивляюсь его шутке по поводу Манхэттена. Но батюшка не шутит:

– Включай ящик, сейчас будут новости, сейчас, брат, ты увидишь такое!

– Да что я увижу, отче?! Что?! Воронку ядерную вместо Нью-Йорка? Или какой-нибудь новый фильм-катастрофу?.. Загадками хватит говорить!

– Много слов, очень много слов, – нетерпеливо частит отец Иван, – включай ящик! Включай ящик, говорю тебе! Любой канал. Это щас все каналы передают: русские, украинские, французские... Короче, все, до связи...

То, что я увидел на экране телевизора, напоминало именно голливудский фильм-катастрофу. Но это была реальность! Это был срочный выпуск новостей, и бесстрастный голос диктора вещал: на Америку совершенно чудовищное террористическое нападение... Америке объявлена война... Террористы-смертники на двух самолетах протаранили «башни-близнецы» Всемирного торгового центра на Манхэттене. Еще один самолет упал на Пентагон...

На экране ТВ происходит невероятное. Объятые дымом небоскребы начинают медленно оседать, рушиться, погребая под собой тысячи жизней. Над Манхэттеном сотни тонн пыли. Толпы обезумевших горожан бегут по улицам Нью-Йорка.

Из толпы бегущих врезался в память один парень, одетый в белую безрукавку с цветастым галстуком на шее и аккуратным рюкзаком за спиной. Запомнился он мне, наверное, потому, что очень похож на моего старого знакомого по кличке «Пропеллер».

Вспомнилось, как в начале 90-х Пропеллер мечтал уехать в Америку, «чтоб заработать много-много долларов и потом ничего не делать. Лежать где-нибудь на Майяме на пляже и потягивать кока-колу...» Потом Пропеллер исчез. И больше ни слуху о нем, ни духу. Может, он осуществил свою мечту, может, это он и есть?!

Человек, похожий на Пропеллера, беззвучно открывал и закрывал рот. Как рыба, выброшенная на берег. Мелькнули его округлившиеся безумные глаза. Потом все накрыло облако пыли.

Опять звонок телефона. На проводе Михаил:

– Ты видел?!

– Да.

– Ну что?

– Похоже все на голливудский фильм в реальности. Одним словом, чудовищный сценарий. Видно, что сценаристам людей не жалко совсем.

– А танцующих от радости палестинцев ты видел? – Спрашивает Михаил.

– Нет, – отвечаю я.

– А я видел. На «Европьюс» показывали. И комментарий такой двусмысленный, с намеком, мол, весь цивилизованный мир скорбит по поводу разрушения мирового торгового центра, а эти арабы радуются. Значит, они и сделали. Понимаешь?!..

– Понимаю.

Михаил немного посопел в трубку и выдал свою «основную» мысль:

– Знаешь, что мне все это напоминает?... Поджог рейхстага. Начало третьей мировой войны. Теперь Америка наверняка объявит войну арабскому миру.

– Да, – задумчиво говорю я, – вот мы и вступили в новую эпоху... Ну что, смотрим новости дальше.

Весь вечер смотрел новости. Картинка с разрушением небоскребов обошла многократно все телеканалы. Постепенно к ней добавились лозунги: «Америка в войне... террористы объявили Америке войну... главный подозреваемый – Усама Бен Ладен и арабские террористы». Лозунги подкрепили танцующими палестинцами.

А на противоположном информационном полюсе, «полюсе добра» – соболезнования «цивилизованного» мира. Одним из первых свои соболезнования по поводу трагедии высказал президент России Путин. В телефонном разговоре с Бушем. Этот факт неприятно кольнул сердце.

Зачем же так торопиться. Вот тебе и мочить в сортире... Да, столь поспешные соболезнования – знак того, насколько нынешняя российская власть сильно еще зависима от США.

Весь вечер звонил телефон. Звонил отец Иван. Заступался за Путина.

– А что ты хочешь, он же первое лицо государства, а там ведь свои правила игры, своя дипломатия. Это нам кажется, что все просто. Вон, и про патриарха в 90-е годы говорили, мол, чего он с этим Ельциным, разрушителем России, общается. Плюнул бы ему в лицо, предал бы анафеме. И что бы вышло? Либеральные СМИ это так бы раздули, что от Православия стали бы шарахаться, как от чумы. Так и Путин...

Отец Иван считает, что Путин – чуть ли не национальный лидер, родомысл, если по терминологии «Розы Мира». Я бы пока от таких оценок воздержался. Но, безусловно, этот человек остановил распад России.

Звонил Партайгеноссе, жадно расспрашивал о деталях теракта, о версиях по поводу случившегося. Высказал свою версию – это все устроили бывшие спецслужбы бывшей Югославии. Отомстили за уничтоженную страну.

Звонил Михаил, и с ходу отверг идею мести сербских спецслужб.

– Сербы деморализованы, – сказал Михаил со знанием дела. – Им сейчас не до США. У них сейчас Косово – такая головная боль!

Не поверить Михаилу нельзя. Он был там. В Белграде был, и в Косово был. Сразу по окончании бомбежек. Он видел все своими глазами. Так что Михаил у нас теперь специалист по Балканам.

Последним звонил мой старый знакомый Владислав, по кличке Анархист. Звонил из Днепропетровска, где он уже несколько лет проживает.

Владислав человек не совсем церковный, к тому же левых взглядов; то есть немного коммунист, немного анархист и антиглобалист. А по профессии – журналист.

В свободное от «работы на систему» время он издает неформальный журнал «Вольный Лист». Поэтому, наверное, его мнение было самым радикальным и бескомпромиссным, как творчество Егора Летова.

– Ну, как, видел, что в Америке произошло? – спросил меня Владислав и продолжил торжественным тоном, – глобальной системе нанесен реальный удар, реальный, понимаешь?! Это акт возмездия, дружище! Я не знаю, кто это сделал, но они герои...

Последовал длинный монолог, в котором Анархист изложил свое «самое правильное» видение ситуации. Монолог, потому как я упорно молчал: так устал уже от разговоров на тему «а ты видел, что в Америке произошло?», что даже дышать в телефонную трубку не хотелось.

На дворе была почти полночь, и голова за весь вечер успела распухнуть от геополитики. Владислав же, напротив, находился на самом пике энергии. Просто в ударе был! Сегодняшний теракт он сравнил с боем под деревней Калиновка в 1941-ом году. Тогда немцы были ненадолго отброшены советскими войсками. В стратегическом плане это не

дало ничего, а вот в психологическом наши поняли: немцев можно бить!

Так и этот теракт должен подействовать ободряюще на всех борцов с глобальной системой. На всех наших. Ибо теперь ясно – врага можно бить!

Анархист что-то еще говорил про бомжей и спивающуюся интеллигенцию. Я слушал его краешком уха, засыпая. Владислав начал было перечислять страны, в которых Америка совершила государственные перевороты, страны, в которых она развязала военные конфликты.

– ... На одной только Украине по рецептам американского МВФ погибло не менее 4 миллионов людей, – подытожил Владислав и вдруг неожиданно спросил меня:

– И тебе все еще жалко американцев?

– То есть... в каком смысле жалко?.. если простых, то да, – пробормотал я неразборчиво и сонно.

– А нам не жалко, – торжественно, с пафосом произнес Владислав, – а мы скажем – овация!..

Встал на вечернюю молитву, но какая здесь молитва. Читаешь слова молитвы, и с трудом понимаешь, что читаешь. Нет, геополитика вещь весьма недуховная. Пытаюсь настроиться на молитву, а в голове бумерангом кружится одна и та же фраза, словно кто-то мне ее нашептывает: «и тебе еще жаль американцев? А мы скажем – овация!»

Плетеные словеса мы не любим

С Нефедовым Николаем Константиновичем, полковником в отставке, я познакомился спустя две недели после «теракта века». Познакомились мы возле памятника Пушкину. Совершенно случайно забрели туда с Михаилом, а там митинг. Оказалось, что некая общественная организация, какой-то «Общевойсковой Союз» вместе с «Пушкинистами» проводит акцию в защиту русского языка на Украине. Правда, собравшиеся говорили больше об 11 сентября («теракт века» пробудил многие спящие умы).

Конечно же, говорилось и о тяжелом, если не катастрофическом, положении русского языка на Украине. О закрытии русских школ. Например, в нашем полумиллионном русскоговорящем городе осталось всего пять школ с преподаванием на русском языке. Тот же Пушкин идет теперь в разделе «иностранная литература». И все время нашим детям внушается: мы, украинцы, и они, россияне – это совершенно разные, несовместимые между собой нации. Одним словом: разделяй и властвуй.

Кто-то из митингующих читал стихи классика русской словесности, потом свои собственные. Потом все фотографировались. После митинга состоялось неформальное общение. Там же, у памятника. На нем мы и познакомились с председателем «Общевойскового Союза» Нефедовым Николаем Константиновичем. И с его верным соратником и заместителем, прапорщиком в отставке Васильевым Леонидом Анатольевичем.

– Мой верный оруженосец – представил Нефедов своего заместителя. (С тех пор мы почему-то стали называть прапорщика в отставке «Санчо Панса»; это притом, что сам полковник у нас с Дон Кихотом никак не ассоциировался.)

Николаю Константиновичу Нефедову на вид не более пятидесяти лет. Он худощав, строен (чувствуется военная выправка). Черты лица правильные, но как-то не запоминающиеся с первого раза. В общем, приятный во всех смыслах человек. Мне и Михаилу не понравилась только его чрезмерная нервная взвинченность и бегающие глаза.

Санчо Панса – прапорщик во всех смыслах. Он как бы архетип всех наших прапорщиков. На вид ему также около пятидесяти. Кряжистого такого телосложения. И лицо грубоватое, не отягощенное интеллектом, но доброе.

Не знаю, чем мы с Михаилом так приглянулись председателю «Общевойскового Союза». Может, тем, что мы молоды, у нас бороды, и представились мы соответственно: «представители православной общественности». Встреча наша произошла как-то слишком

уж естественно. Мы отошли немного в сторону от «Пушкинистов». Сели на скамеечку. И Николай Константинович, нервно махнув рукой, сказал:

– Все это несерьезно, все эти русские культурные центры и пушкинисты. Все это сто раз было: собрались, поговорили и разошлись ни с чем. Так мы права русских на Украине никогда не защитим. – Николай Константинович бегло оглянулся и придвинулся ближе ко мне и Михаилу. – Думаю, вы понимаете, что без поддержки со стороны России нам не сделать ничего?

Это мы понимали, даже не раз думали об этом, поэтому тут же согласились с полковником в отставке – да, без поддержки России Русский Мир на Украине ни за что не сохранить.

Николай Константинович продолжил:

– Люди мы военные, плетеные словеса не любим, поэтому буду краток. Россия понемногу возрождается. Вместе с возрождением России начинает происходить нечто вроде собирания русских земель. Впервые со времен крушения Союза Россия начинает обращать свой взгляд на соотечественников, оставшихся не по своей воле за кордоном.

Нефедов чуть помолчал, как бы давая нам время усвоить информацию, и продолжил громким командным голосом, чеканя каждую фразу, как на плацу:

– А где больше всего соотечественников у России? Здесь, на Юге и Востоке Украины...

– Да это вообще русские земли! – эмоционально воскликнул Михаил.

– Так точно, – по военному откликнулся полковник в отставке и с дирижерским взмахом руки продолжил, – пора воспользоваться благоприятной для нас, русских, ситуацией. Пора обратиться за помощью к российским властям, а затем переходить к конкретной работе по защите Русского Мира.

– И как это сделать? – недоверчиво спросил Михаил.

– До нас ли сейчас российской власти. После 11-го сентября? – поддержал я недоверие Михаила.

Нефедов опять широко взмахнул рукой:

– Да, погодите вы! – сказал он с надрывом в голосе. – Куда вы так торопитесь?

– В пекло вперед командира, – сказал Санчо Панса и раскатисто рассмеялся.

– Итак, общую картину я обрисовал. – Нефедов строго посмотрел на прапорщика в отставке и спросил нас, – вы согласны со мной?

– Ну, в целом, с общей картиной согласны, – примирительно ответил Михаил.

– Тогда перехожу к самому главному, – сказал полковник в отставке и нервно оглянулся. – Итак, «Общевойсковой Союз», председателем которого я являюсь, это организация общественная, следовательно, по уставу, участвовать в политической борьбе она не может. Поэтому принято решение создать политическую партию под названием «Русь».

Нефедов многозначительно поднял вверх указательный палец:

– Тем более, самое главное, да, самое главное; выход через российское консульство на руководство России у нас уже почти есть! – полковник сделал небольшую паузу и спросил нас в лоб, по военному, – Вы согласны подключиться к нашему общему делу?

Не сказать, что мы с ходу согласились, но и отказываться от такого заманчивого предложения очень не хотелось. В общем, ответили уклончиво, мол, дело стоящее, но надо бы подробнее все обсудить. Договорились встретиться послезавтра. В неформальной обстановке.

Санчо Панса и Нефедов долго жали мне и Михаилу руки. Нефедов просил привести проверенных людей. Говорил, что он рад будет вливанию в их ряды православной молодежи. Михаил и я настаивали на том, что без православной основы вся затея ничего не стоит. Так же, как без использования информационных технологий ничего не стоит в наше время политическая борьба. Нефедов согласился и просил нас как раз и заняться этими самыми информационными технологиями.

Сошлись на том, что люди мы замечательные, немного разные по возрасту, по убеждениям, но единодушны мы в главном – в любви к России! С тем и расстались. Я отправился к Михаилу пить чай.

Уже через полчаса улеглись все наши восторги, их место заняли сомнения. Слишком хорошо, слишком гладко все звучало в устах Нефедова. Как это так, не было ничего, и тут на тебе, и партия, и поддержка России. И нам при первом же знакомстве все это выкладывают.

Не «утка» ли это? Не провокация? До соотечественников ли сейчас России? Когда Путин во всем «лег под Буша». Когда Россия готовится участвовать в антитеррористической операции вместе с США. Вот-вот начнут бомбить Афганистан. Мстить за 11-е сентября.

Говорят, что Путин уже предоставил американцам «воздушный коридор» для пролета самолетов в Среднюю Азию. Говорят, что в Средней Азии теперь будут американские базы...

Одним словом, предложение Нефедова необычайно заманчиво и от этого подозрительно. Поэтому решили так: я беру с собой Партайгеноссе, а Михаил приглашает одного своего знакомого, очень неплохо разбирающегося в политических технологиях, хорошего, умного человека.

Единодушный разбой

Встречу нам назначили в маленькой двухкомнатной квартирке Нефедова. Я прихватил с собой Партайгеноссе, который, конечно же, был в восторге от того, что наконец-то нашли люди любящие Россию.

Михаил привел своего знакомого интеллектуала. Звали его Сергеем. Сергей был низкорослым, коренастым и лобастым молодым человеком где-то наших лет. У него было широкое лицо с глубоко посаженными глазами. И оценивающий, исподлобья, взгляд. Взгляд такой хмурый немного и деловой. То есть, видно сразу – интеллектуал.

Пока шли от остановки на квартиру Нефедова, Сергей все расспрашивал Михаила о подробностях нашего разговора с Нефедовым. Потом разговор перетек в геополитические реалии. Сергей вдруг начал рассказывать о каких-то новых секретных разработках российских танков. Причем говорил он так уверенно, с таким знанием дела, словно лично присутствовал при этих разработках. Но тут у него нашелся достойный собеседник в лице Максима Партайгеноссе.

На квартире Нефедова нас ожидал сам Николай Константинович, Санчо Панса, какая-то маленькая, черная и вертлявая женщина лет сорока и пожилой мужчина, похожий на нищего адмирала в отставке. Собственно, нам его так и представили – наш гофмаршал Станислав Анатольевич, просим любить и жаловать. Женщину же звали Лера Матвеевна. Она представляла общество «Пушкинистов». Еще была предпринимателем, то есть, чем-то там торговала на рынке.

Пожалуй, интереснее всех выглядел гофмаршал. У него была окладистая «боцманская» борода и огромная суковатая палка в руках (при ходьбе Станислав Анатольевич прихрамывал на левую ногу).

Гофмаршал рассказал нам, что он бывший диссидент. Сидел при советской власти. Но при этом тут же сделал поправку. Стукнув своей палкой об пол, и выкинув вперед указательный палец, он сказал:

– Правильно сделали, что посадили меня. Дурак я был. А говорили мне товарищи: Стасик, ну, куда ты лезешь. Зачем тебе оно надо. Неужели ты думаешь, что без советской власти жизнь станет лучше? А я, дурак – долой тоталитарный режим, да здравствуют права человека! Ну вот, ныне они и здравствуют, чтоб их, – и гофмаршал еще раз, в сердцах, стукнул палкой об пол.

Приступили к официальной части. Нефедов изложил присутствующим то, что говорил нам возле памятника Пушкину.

– Кто за то, чтобы обратиться за помощью к России? – спросил всех присутствующих полковник в отставке.

Естественно, все были «за».

– Единодушно, – сказал довольный Нефедов. И тут же предложил писать официальный устав, для украинских властей, для регистрации партии. И неофициальную программу партии, для своих. И опять все были «за», как на комсомольском собрании. И опять Нефедов довольно подытожил: единодушно.

А вот дальше пошел разнобой. По поводу программы, что положить в ее основание. Выяснилась одна не совсем приятная, но ожидаемая вещь: и гофмаршал и Лера Матвеевна и Санчо Панса были против того, чтобы положить в основание программы постулат: единство русских возможно лишь на фундаменте Православия.

Постулат предложил Михаил. Что тут началось – гофмаршал стучал своей палкой об пол, Лера Матвеевна едва не визжала от возмущения, ее перекрывал грохочущий бас Санчо Пансы. При этом все они были как бы не против Церкви, как таковой. Но зачем тащить Церковь в политику! Зачем?!

Дальше шел разнобой предложений: Лера Матвеевна предлагала сосредоточиться на защите русского языка, Санчо Панса собирался на манер большевиков создавать какие-то тайные конспиративные «пятерочки» в каждом городе, в каждом районе. Гофмаршал кричал, что Церковь заражена жидовским духом, что это вообще жида все христианство придумали, поэтому надо изучать программу генерала Петрова. Так, как она изложена у него в «Богодержавии». И эту программу распространять среди населения. Чтобы все знали о жидовском заговоре, все!..

– Русский язык! – Вопила Лера Матвеевна.

– Конспиративные пятерочки! – Грохотал Санчо Панса.

– Программа генерала Петрова! – Ревел гофмаршал и стучал своей палкой...

Поднялся невообразимый шум и гам. Наконец, Нефедов не выдержал и, простучав ручкой об стол, рывкнул, как на плацу перед полком:

– Тихо!

И вмиг все стихло.

– Ничего не вижу плохого в православии, – устало сказал Нефедов. – В церкви я мало что понимаю, но раз православие сформировало государственность, в этом что-то есть. – Нефедов чуть помолчал и добавил, с укоризной посмотрев на Санчо Пансу так, что прапорщик втянул голову в плечи. – Когда год назад я свою маму хоронил, ее, кстати, православный поп отпевал. Мне очень понравилось. Был в этом какой-то особый смысл.

– Да мы ж ничего, не против, – виновато сказал Санчо Панса, – просто непривычно как-то: церковь и политика. Какой-то папизм.

– Вот-вот, – подержал прапорщика гофмаршал, – только не папизм, а сионизм.

Тут вскочил яростный Михаил:

– Какой папизм, какой сионизм! Думайте, что говорите. Речь же идет не об участии церкви в политике, а о фундаменте, о фундаменте, понимаете. Что объединило русских в единую нацию: православие, церковь, единая вера. Не Ленин же ваш объединил со своей классовой борьбой!

– Ты Ленина не трогай! – не сдержался Санчо Панса и свирепо покраснел.

– В честь чего это Ленина твоего не трогать, – навис над прапорщиком гофмаршал. – Этого могильщика России!..

– Тихо! – Снова рывкнул Нефедов, и все опять стихло. – Да, – задумчиво сказал полковник в отставке, – хороший у нас, единодушный разнобой получается. Но раз мы все единогласно за Россию, никуда нам не деться, надо договариваться. Причем в самые сжатые сроки.

– Можно я, – спросил молчавший все время Сергей.

– Конечно, – радостно сказал Нефедов.

Сергей медленно поднялся и окинув хмурым взглядом честное собрание произнес:

– Предлагаю очень простой выход из ситуации. Мы напишем свою программу, а вы – Сергей махнул рукой в сторону гофмаршала, – свою. Сделать это надо будет за две недели. Через две недели встречаемся и решаем, чья программа лучше. Может быть, и объединим две программы.

– Гениально, – сказал Нефедов, – дерзайте и помните: ссориться нам никак нельзя. Одно дело делаем. А мы пока займемся юридическими формальностями, уставом, – и Нефедов похлопал Санчо Пансу по плечу...

– Дурдом, – эмоционально выдохнул Михаил, когда мы после «официальной части» вышли на свежий воздух покурить. – Еще Богодержавцев нам здесь не хватало.

– Да нет, все нормально, – не согласился с ним Сергей, – обычная притирка. Я еще и не такой дурдом видел. Ты, Михаил, внимание на этого гофмаршала не обращай. Гофмаршал там никто. Главный там Нефедов, и я вижу, он человек серьезный, и предложение его серьезное. И кстати, симпатизирует он нам.

– Так что напишем аккуратненькую программку. Гофмаршал же наверняка какую-нибудь дурь накаляет. И Нефедов, как умный человек, все поймет... Да и не в программе сейчас дело, в реальных делах... Ну, что, пошли пить кофе?

К нам едет генерал

Через две недели опять встретились на квартире Нефедова. В прежнем составе. Не было только Леры Матвеевны. «Пушкинистка» покинула наши ряды. Гофмаршал читал нам с черновика наброски своей программы. Интеллектуал Сергей был прав – это была именно «дурь».

Речь у гофмаршала шла не много ни мало, о планетарном заговоре против всего прогрессивного человечества. Начало свое заговор берет еще в Древнем Египте. При фараонах. Так называемый «заговор жрецов». Потом что-то там не совсем у заговорщиков получилось, и они бегут из Египта в Палестину. В Палестине они самым жестоким образом вырезают все местные племена. И на опустошенной геноцидом земле создают свой Израиль. И в этом, своем Израиле, продолжают разрабатывать дьявольские планы против всего прогрессивного человечества.

Наконец ими найден идеальный инструмент закабаления прогрессивных народов – христианство. Вооружившись новой религией, заговорщики, якобы, уходят в рассеяние. На самом деле цель рассеивания среди народов одна: растление оных. И постепенный захват власти над всем миром...

Дальше гофмаршал не смог разобрать свой собственный почерк. Но он не растерялся. Слегка постукивая своей палкой об пол, махая в такт речи рукой, с оттопыренным указательным пальцем, он продолжил как ни в чем не бывало:

– Сейчас власть над миром почти у них в руках. Остановить эту вакханалию может только русский народ. Но для этого русский народ должен проснуться. Нужна информация! И такая информация есть. Наши научно-исследовательские институты провели колоссальную работу по выявлению мирового жидовского заговора. Результаты этого исследования в популярном виде содержатся в работах генерала Петрова.

– Итак, предлагаю начать с популяризации и распространения среди русских работ генерала Петрова. Мы должны знать врага в лицо!

Гофмаршал с силой стукнул своей сучковатой палкой об пол.

Бедные соседи Нефедова – подумал я.

– Стоп, стоп, стоп, – сказал полковник в отставке и выбросил вперед правую руку, как бы заслоняясь от слов гофмаршала, – Станислав Анатольевич, что вы конкретно предлагаете?

– Я? – Гофмаршал словно очнулся от забытья. С минуту он пытался сообразить, чего от него хотят, наконец, произнес с обидой в голосе – я же сказал, популяризация и распространение, среди русских...

– Трудов генерала Петрова, – закончил за Станислава Анатольевича Нефедов. И спросил последнего страдальческим голосом – как наша партия называется?

– Ну, Русь, – буркнул гофмаршал.

– Правильно, Русь, Русь! – торжественно произнес Нефедов, – Русь, а не Богодержавие. И наши цели и задачи несколько другие, чем у Богодержавия.

– Да не может быть других целей и задач, когда речь идет о многотысячелетнем заговоре против нас! – взвился гофмаршал.

– Станислав Анатольевич, извини дорогой, времени нет на споры, – устало сказал Нефедов и тут же обратился к Сергею, – ну а как у нашего молодежного крыла дела, есть программа?

Сергей переглянулся с Михаилом, потом с торжествующей улыбкой окинул взглядом гофмаршала и сказал:

– Кое-что есть. Основные постулаты.

– Ну, – нетерпеливо выдохнул Нефедов.

– Все очень просто, – сказал Сергей. – Первое: я сам человек еще не сильно церковный, но, исходя из элементарного здравого смысла, вынужден согласиться с Михаилом. Единство русских возможно только на фундаменте Православия. Православная вера не просто сформировала русское государство, она сформировала и самого русского человека...

– Начинается жидовская пропаганда, – недовольно буркнул в своем углу гофмаршал и стукнул палкой об пол. Сергей даже не посмотрел в его сторону, он говорил обращаясь к Санчо Пансе:

– Понимаю, этот основополагающий тезис требует разъяснения. Когда мы говорим о Православном фундаменте, это отнюдь не означает, что мы собираемся Церковь в политику тащить. Устраивать политические крестные ходы, что вообще абсурд, или всех строим в храм вести. Ходить или не ходить в церковь, молиться или не молиться – дело сугубо личное.

– Речь о другом, – Сергей на минуту остановился, почесал свой большой лоб и продолжил: – Речь о нравственных принципах в нашей деятельности. Что есть Добро, а что есть зло. Что я могу делать, а что мне делать никак нельзя. Речь о взаимопомощи, о дружбе и о том, что не всякие средства хороши... Теперь, второе. Если мы собираемся просить помощи у России, то и должны здесь, на Украине, представлять интересы России и только России. Быть своего рода пятой колонной России...

– Вот это я понимаю, вот это дело! – радостно вскричал Нефедов и тут же сделал пометку в своем блокноте.

– Теперь, что касается более тактических вещей, по поводу нашей материальной базы, – Сергей едва заметно улыбнулся, – это Михаил скажет.

Михаил бодро вскочил с места и с ходу начал, не глядя ни на кого, полковник едва успевал записывать в свой блокнотик:

– Первое: нужен офис и какая-никакая оргтехника. С обязательным выходом в Интернет. Через Интернет установить связь со всеми похожими организациями по всему СНГ. Особенно, если таковые имеются, в дружественной нам Белоруссии. Ну и само собой, качать информацию со всех интересующих нас российских сайтов. Хорошо бы и свой сайт создать.

– Второе: нужен собственный печатный орган. Лучше всего журнал, где бы можно было печатать объемные аналитические статьи по геополитике, истории и так далее. Одним словом, разрушать информационный вакуум, созданный либерастами.

– Третье: создание своего рода внутреннего круга проверенных своих людей, и на этот внутренний круг, как кости на мясо, постепенно наращивать внешний круг. А это – привлечение активных православных верующих. Создание военно-исторического кружка и привлечение в него патриотически мыслящей молодежи из студенческой среды... и так далее. – Михаил перевел дух и закончил, – в общем, тут надо подумать поконкретнее. Но первое, что необходимо – это собственный офис.

– Логично, – сказал радостный Нефедов, – подумаем. А теперь, приятное сообщение: к нам едет генерал!

– Это что, ревизор, что ли, – пошутил Михаил.

– Обижаешь, дорогой, – весело ответил полковник, – ревизоры нам сто лет не нужны. Нет, едет самый настоящий генерал, причем, – Нефедов торжественно махнул рукой, – не просто

там какой-то полевой генералишка, а генерал разведки, самый наш главный русич. И мой непосредственный начальник – Поляков Александр Григорьевич.

– Из Москвы едет? – С надеждой в голосе спросил Партайгеноссе.

– Нет, из Одессы, но в Москве ему довольно часто приходится бывать. – Нефедов помолчал и добавил, – это именно у него хорошие связи в российском консульстве, именно через него планируется выход на российские госструктуры.

– И когда сие состоится? – спросил Михаил.

– Недели через три... Может, чуть раньше, может, чуть позже. Я вам дам знать. Главное, надо окончательно отлить наши идеологические постулаты. Подготовить план действий, что нам требуется по материальной базе. В общем, Сергей, Михаил, постарайтесь.

– А как у нас с регистрацией? – осторожно спросил Партайгеноссе. Нефедов на секунду помрачнел:

– Глухо. Пока глухо. Но постараемся к приезду генерала сдвинуть дело с мертвой точки... А теперь, – полковник всплеснул руками, – кофейная церемония.

«Эффект крыльев бабочки»

Генерал разведки в отставке Поляков Александр Григорьевич внешность имел самую непримечательную: обычный пенсионер невысокого роста и без особой военной выправки, с самым незапоминающимся лицом. Единственное, что врезалось в память, это его огромные пронзительные голубые глаза.

В разговоре Александр Григорьевич сыпал шутками, прибаутками, из которых самые оригинальные были: «заходи не бойся, выходи не плачь», «дела идут, как дети в школу», «пингвины мигрируют в Африку», или более упрощенный вариант – «товарищи-пингвины»...

Когда я, Михаил, Сергей и Максим ввалились в прихожую, на квартиру Нефедова, первое, что мы услышали, это веселый, немного дребезжащий голос из комнаты:

– Это кто к нам пожаловал?

– Александр Григорьевич, – подобострастно произнес Нефедов, – наше молодежное крыло, очень умные ребята.

– А-а, молодежь, – весело отозвался генерал в отставке, – что ж молодежь, заходи не бойся, выходи не плачь. Знакомиться будем.

Заходим в комнату. На диване сидит насупленный гофмаршал. Едва заметно, с видимой неохотой он кивает нам головой. Санчо Панса курит на балконе. Генерал в отставке Поляков склонился над письменным столом, возле генерала суетится полковник. На столе разложена какая-то документация, рядом с ней бутылка коньяка и пластинка, завернутая в прозрачный полиэтиленовый пакет. Сквозь легкую рябь полиэтилена виднеется голова Сталина на обложке пластинки. Голова, на ленинский манер, повернута вбок, подбородок гордо задран вверх, глаза вождя прищурены. Сталин как бы вглядывается в неосуществившуюся советскую вечность через полиэтиленовую рябь нынешнего времени.

Генерал в отставке складывает документацию стопкой на пластинку с головой Сталина. Весело потирает руки:

– Ну что, товарищи-пингвины, приступим?

Нефедов яростно машет рукой Санчо Панса. Прапорщик жадно докуривает «бычок» и вваливается в комнату, неся за собой облако табачного дыма.

– Зовут меня Поляков Александр Григорьевич, – говорит генерал. – Человек я военный, сейчас на пенсии... Ну, да я думаю, Николай Константинович немного обо мне рассказал.

– Так точно, – отвечает Нефедов.

– Тогда мне будет приятно познакомиться с молодыми людьми...

Знакомимся.

– Так, так, так, – радостно потирает руки Поляков. – Молодежь, значит. Хорошо, тогда

несколько слов о том, что заставило меня, старика, вляпаться в политику. Чтобы вы там не подумали чего. У меня ведь неплохая пенсия, сиди себе, читай книжки, разводи бабочек, но, как говорится, за державу обидно.

– Вот внучка у меня уже скоро школу заканчивает. И чему ее учат? Страшно сказать! Сплошной местечковый национализм! А ведь была великая держава. Весь мир нас уважал. Да, многое было неправильно. Но и немало было правильных вещей... Одним словом, великая страна была.

– Это точно, – с жаром подхватил Партайгеноссе. Генерал разведки, полковник и прапорщик в отставке с одобрением посмотрели на Максима. Мол, молодой, а понимает.

– Ну вот, – продолжил Поляков, – все 90-е годы, как вы знаете, вакханалия шла. Но с приходом Путина, как вы тоже знаете, начались кое-какие перемены. У власти теперь наши люди. Не все, конечно. Но наши заняли ключевые позиции: оборонка, силовые структуры. Скоро должны взять крупный бизнес.

– Как говорил лысый-меченый: процесс пошел. Очень скоро он затронет Украину. Очень скоро. Потому как Украина и Россия – это одно поле, один народ, один корень и почти одно экономическое пространство. Все, что происходит там, так или иначе отражается у нас. И если мы хотим что-то здесь реально поменять в пользу русских, мы должны немедленно использовать начавшийся позитивный процесс в России. Опоздаем – проиграем уже навсегда. История два раза не повторяется.

– Вот вы, молодежь, – Поляков развернулся корпусом в нашу сторону, – вот вы умные книжки читаете?

– По возможности, – бойко ответил Михаил.

– Тогда, возможно, слышали про «эффект крыльев бабочки»?.. Как там, в детском стишке, бабочка прилетела, крылышками помахала, и огонь на море погас. А до этого кто только море не тушил. Как там... выбежал из моря кит...

– Одним словом «эффект крыльев бабочки» – это такой, что ли, социологический термин и означает он одно: в истории бывают такие узловые моменты, когда сложившаяся система оказывается столь нестойкой, шаткой, искусственной, что достаточно на нее малейшего воздействия извне, тех самых крыльев бабочки, и все рушится.

Генерал разведки окинул нас своими пронзительными голубыми глазами:

– Вот и наступил такой момент. Я это полгода назад понял. И решил действовать. Восстановил прежние связи. Да и новые кой-какие появились. В общем, дела, как дети в школу, пошли.

Повисла пауза. «Эффект крыльев бабочки» произвел эффект тихой интеллектуальной бомбы.

Оказывается, у истории есть узловые моменты, этакие ахиллесовы пяты, ткнул туда пальчиком – и свалился гигант. Вот как революции и перевороты осуществляются, вот как великие державы падают...

Все прониклись уважением к генералу. Особенно Партайгеноссе. Он смотрел на генерала с восхищением. Он готов был следовать за ним хоть на край земли, хоть в ту же Антарктиду, к упоминавшимся пингвинам... Да, что говорить, даже у сдержанного на эмоции интеллектуала Сергея загорелись глаза.

– Вы совершенно правы! – сказал Сергей генералу. – Это то, что я всем последнее время пытаюсь внушить. На сегодняшний день властная система, здесь, на Украине, слаба, как никогда. Люди уже не верят телевизору и выборам, как верили еще в 90-е годы. Немало людей уже побывало и за кордоном, люди увидели, что картинка по ТВ не совсем стыкуется с реальностью. Так что большинство наших соотечественников понимает, что что-то в этой системе давно не то.

– Беда только в том, что все разобщены. Каждый спит в своем углу. Этим и пользуется система. Нашей апатией, равнодушием. Вот и получается, вместо того, чтобы делать реальные дела, ломать систему, многие из наших живут от покупки одной ненужной вещи до покупки следующей, еще более ненужной... Так что ваше мнение мною полностью

разделяется... Да и всеми нами. – И Сергей окинул нас взглядом. Мы согласно кивнули.

– Я говорил, умные ребята – сказал сияющий Нефедов.

– Эффект бабочки, эффект бабочки, – пробурчал из своего угла гофмаршал, – жидовская пропаганда все это. – Гофмаршал обречено махнул рукой. Генерал разведки продолжил, опять же обращаясь к нам:

– Так, ребята вы умные, посему оставим теоретическую часть. Перейдем к нашим пингвинам, а то они все в Африку улетят.

Все дружно засмеялись, кроме гофмаршала.

– На сегодняшний день главное событие у нас такое: органы одесской юстиции зарегистрировали нашу Русь. Так что, братцы кролики, существуем теперь легально, – генерал торжественно помахал папкой с документами, – вот они, документики, устав, все здесь, как дети в школе... А у вас, как я понял, не очень с регистрацией?

Полковник в отставке мучительно вздохнул, прижал руки к сердцу:

– Тяжело идет Александр Григорьевич. Чинят препятствия. Ставят палки в колеса. Такое ощущение, что в облсовете одни клятые бандеровцы.

– Плохо, Николай Константинович, плохо, – вздохнул генерал. – У нас сроки поджимают. Так что вы, пожалуйста, ускорьте.

– Так точно. Постараемся.

– Да, и по материальной базе. Список составили, что вам требуется? Кстати, мы уже передали через консула просьбу обеспечить нас компьютерами. Давайте и вы, не стесняйтесь.

– Вот список, – Нефедов, встав, протянул Полякову вырванный из блокнота лист, исписанный мелким почерком. Генерал взял листок и, не читая, засунул в папку с бумагами.

– Теперь приятная новость, – сказал генерал. – Один высокопоставленный чиновник из Кремля, фамилию пока не буду называть, заинтересовался нами. Российскому консульству в Одессе поручено держать с нами постоянную связь. Так что нам медлить нельзя.

– Я от вас еду в Херсон. Там, кстати, дела еще хуже, чем у вас. Потом в Днепропетровск. Там тоже плоховато дела идут... Нам надо постараться зацепиться за весь Юг и Восток Украины. Это будет победа... А пока, – генерал игриво шелкнул ногтем указательного пальца по бутылке с коньяком. – Отметим товарищи-пингвины нашу, что ли, регистрацию. А?...

За здоровье русского народа!

Выпили коньяк, и Нефедов поссорился с гофмаршалом. Станислав Анатольевич, подпив, снова заговорил о планетарном заговоре. К тому же добавил, что все эти социологические, манипуляционные «штучки», типа «крыльев бабочки», все эти пособия по революциям и переворотам также разработаны в жидовских лабораториях.

Генерал не отреагировал никак. Но отреагировал полковник – он побледнел, схватил гофмаршала за руку и утащил на кухню. Генерал продолжил общаться с Сергеем. Как ни в чем небывало.

Речь шла о каком-то Соловьеве (не философе), который создал какой-то там «Блок», или «Союз» и, якобы, тоже борется за права русских. Сергей, оказывается, что-то тоже об этом Соловьеве слышал. И теперь генерал ему доказывал, что этот Соловьев не тот, за кого себя выдает.

Во-первых, он родом из Западной Украины, где за русский язык конкретно бьют. У нас же другие реалии. И Соловьев этого не понимает. Когда думает, что вся проблема Русского Мира на Украине целиком лежит в плоскости языка.

Во-вторых, он не политик, не «службист», опыта никакого, так, предприниматель. Соответственно, к своей партии у него отношение, как к собственному коммерческому

предприятию.

И в-третьих, есть большие подозрения, что этот Соловьев – «подсадная утка», доносчик, плохой, одним словом, тип. И вообще, он бы с этим Соловьевым не сел бы на одном гектаре...

Из кухни, как ошпаренный, вылетел гофмаршал. Стуча своей палкой и ни на кого не глядя, он быстро обулся, накинул куртку и ушел. Следом вышел полковник:

– Кажется, одного товарища мы потеряли, – со вздохом сказал он. – Печальный факт, но что делать, если наш уважаемый Станислав Анатольевич своим Богодержавием вносит разнობой в наши стройные ряды.

– Нет, Богодержавцев нам не надо, – поморщившись, сказал генерал. – А чтобы не было разнобоя, послушаем-ка братцы кролики вот это.

Генерал не спеша, словно в замедленном кино, взял конверт с головой Сталина. Мы перешли в другую комнату, где был старый советский проигрыватель марки «Горизонт».

Нефедов бережно сдул пыль с крышки проигрывателя и откинул ее. Осторожно, чуть ли не с религиозным трепетом генерал извлек из конверта пластинку:

– Раритет, – с придыханием сказал он, – речь вождя от 24-го мая 1945-го года.

Все затаили дыхание. Поставили пластинку. Сквозь треск раздался неторопливый, лишенный эмоций голос, с легким грузинским акцентом:

– Я хотел бы поднять тост за здоровье нашего советского народа, и прежде всего русского народа...

К треску добавился оглушительный шум. Это были бурные, продолжительные аплодисменты. Через несколько минут Сталин продолжил:

– Я пью прежде всего за здоровье русского народа потому, что он является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза.

– Я поднимаю тост за здоровье русского народа потому, что он заслужил в этой войне общее признание, как руководящей силы Советского Союза среди всех народов нашей страны...

Поляков, Нефедов и Санчо Панса величественно застыли вокруг проигрывателя «Горизонт». Все трое неотрывно смотрели на громоздкий черный параллелепипед проигрывателя марки «Горизонт».

Мы, «молодежное крыло», разместились на диване, чуть поодаль «застывшего» у проигрывателя «старого крыла». Из спрятанного в черном нутре динамика, словно из мира духов, звучал голос. Голос Хозяина, голос вождя, некогда державшего огромную страну в железном кулаке.

– ... Я поднимаю тост за здоровье русского народа не только потому, что он – руководящий народ, но и потому, что у него имеется ясный ум, стойкий характер и великое терпение...

И опять речь Сталина прервалась усиливающимся треском и криками «Ура». Через несколько минут голос Сталина зазвучал вновь. Но теперь был едва слышен сквозь треск старой грампластинки. Партайгеноссе напрягся, вытянул шею, он ловил каждое слово вождя. Сергей с Михаилом напротив, вальяжно развалившись, изредка перешептывались. До меня долетали обрывки слов:

– Ну, Иосиф Виссарионович дает... редкая речь, жаль качество ужасное – это Михаил.

– Что ты хочешь, записи уже пятьдесят шесть лет – это Сергей.

– Это точно – опять Михаил, – ... гениальный диктатор... как вовремя все сделано. Троцкисты раздавлены. Война выиграна. Теперь можно подумать о власти над страной на веки вечные... Понимаешь, Сталин был единственный, кто допер, что, чтобы над страной, нет, империей, сохранить власть надолго, надо опереться на становой хребет империи, на русский народ.

– Нет, Михаил, все прозаичнее гораздо. Сталин, просто-напросто благодарен русскому народу за то, что этот народ в годы войны не прокатил большевистское правительство. Не сдался немцам. Кстати, на это ведь немцы тоже рассчитывали...

– ...И это доверие русского народа Советскому правительству, – продолжает Иосиф Виссарионович, будто подслушавший шепот Сергея и теперь подтверждающая правильность его догадки, – оказалось той решающей силой, которая обеспечила историческую победу над врагом человечества, над фашизмом.

– Спасибо ему, русскому народу, за это доверие!

– За здоровье русского народа!

И опять все затрещало. Послышались крики «Ура», «Слава великому Сталину!». Вскоре все слилось в единый треск, в душераздирающий скрежет. Генерал подскочил к проигрывателю и быстрым движением выключил пластинку.

– Прошу прощения за качество, – сказал он. – Сами понимаете, пластинка древняя. На самом деле, сейчас должны быть долгие, бурные и очень продолжительные аплодисменты, переходящие в овацию вождю и русскому народу.

Генерал вздохнул:

– Эх, товарищи-пингвины, было время. Вы-то, молодежь, его не застали... Ну да ладно, вернемся к нашим баранам. Есть еще какие-то разногласия?

– Александр Григорьевич, – быстро выдохнул Михаил, опережая полковника, – особого разнобоя нет, но есть один момент, по программе.

– По программе? – Удивился генерал.

– Да, – сказал Михаил, – мы, то есть молодежное крыло, предложили положить в основание нашей Руси очень простой и понятный постулат: единство русских возможно лишь на фундаменте Православия. Однако этот постулат вызвал небольшие возражения.

– Странно, – генерал пожал плечами и укоризненно посмотрел на полковника – такая ясная мысль. Тут даже спорить не о чем.

– Так точно, – тут же отозвался Нефедов и свирепо посмотрел на Санчо Пансу.

– А вообще, вы, молодежь, ребята умные – задумчиво сказал генерал, – вот вы и займитесь вплотную программой. С учетом всех этих современных информационных технологий. А мы, старики, больше по практической части. То, что я сегодня здесь с социологией выпендрился, это так. На самом деле ничего я в высоких материях не понимаю. В том же Православии.

– Да. Вот как человека куском алюминиевой проволоки правильно задушить, я знаю. А высокие материи... нет, молодежь, этим вы займитесь. Я вам мешать не буду.

– Уже, уже занимаются, Александр Григорьевич, – подхватил полковник.

– Прекрасно, – сказал генерал. – Тогда подведем итоги... Собственно, главнейшая для вас задача на сегодняшний день – регистрация.

– Так точно! – выпалил полковник.

– Ну и не мешало бы увеличить число членов партии.

– Сделаем, – с готовностью откликнулся Нефедов.

– Сделаем, Александр Григорьевич, – подхватил слова своего шефа виновато сияющий Санчо Панса. – Все сделаем! И верю, придет время, когда мы, русские, встанем с колен. И будет у нас свой, русский вождь. И выпьем еще за здоровье русского народа!

Что Вам до русского народа?

4 декабря. День Введения во Храм Пресвятой Богородицы. И еще день рождения отца Леонида. Еду вместе с активистами «Библиотеки» на приход к батюшке. Большое пригородное село в десяти километрах от города...

Да, несколько слов о Библиотеке отца Леонида.

Библиотека – так называется миссионерский центр, созданный батюшкой года полтора назад. Центр создан без благословения епископа (зато есть благословление духовного отца, но он в соседней епархии), поэтому периодически у отца Леонида возникают трения с епархиальным начальством.

На мой взгляд, миссионерский центр Библиотека – вещь очень нужная. Не секрет, что многие из тех, кто только входит в храм, страдают дефицитом общения. Чем, кстати, пользуются сектанты. Так вот, Библиотека и есть то место, куда можно после службы прийти, попить чайку, пообщаться. Взять какую-нибудь книжку почитать. Помолится. Найти новых друзей...

Итак, 4 декабря я и активисты Библиотеки выезжаем в пригородное село. Храм отца Леонида находится в бывшем помещении клуба (есть в селе и церковное здание, но оно захвачено «филаретовцами»). Снаружи бывший клуб ничем не примечателен – побеленная одноэтажная постройка с деревянным крестом на козырьке. Внутри тоже довольно просто, но очень чисто, опрятно, аскетично, что ли. Бесхитростный иконостас, сложенный из самых обычных досок вперемежку с прессованными опилками. Нет настенных росписей и не так уж и много икон. Но есть одна особенная икона: большой, под стеклом, образ Царя-Мученика Николая II. Нигде в нашей епархии (это уж точно) такой иконы нет...

Служим долго, очень долго (по моим меркам), как отец Леонид и любит. Вначале был Акафист Богоматери, потом торжественная Литургия. После Литургии молебен. Людей поначалу было много. Но к концу молебна осталось, включая нас, городских, чуть больше двадцати человек.

Закончив молебен, батюшка зашел в алтарь, переоблачиться. Тут и случилось Чудо. София зачем-то подошла к иконе Царя-Мученика и застыла над ней.

– Смотрите, смотрите, икона царя мироточит! – закричала София. – Чудо-то, чудо-то какое!

Икону царя тут же окружила плотная толпа прихожан отца Леонида и люди из Библиотеки.

– Чудо-то, чудо-то какое! – несло со всех сторон. – Царь-Мученик откликнулся на наши молитвы...

– Смотрите, вот еще капельки мира, смотрите, на скипетре у Царя...

– И благоухает-то как!..

– Где батюшка? Позовите батюшку!..

Михаил вместе с пономарем кинулся в алтарь. Вскоре в проеме алтарной двери показалась высокая и немного угловатая фигура отца Леонида. Он был бледен и внешне совершенно спокоен. Прихожане расступились. Отец Леонид подошел к иконе, перекрестился и надолго склонился над ней. Наконец он поцеловал Образ Царя-Мученика, еще раз перекрестился и поднял икону высоко над головой:

– Благоухает-то как, – сказал он тихо, как бы сам себе. – Братья и сестры! – воззвал отец Леонид громким голосом – на наших глазах произошло чудо! Господь в лице своих Святых Царственных Мучеников явил нам, недостойным, свою милость! Воздадим же хвалу Святому Царю, пусть Он помолится о нас грешных!

Икона возвратилась на место. Все, как по команде, рухнули на колени и пропели величание Царю-Мученику. Потом по очереди приложились к его Образу. Подошла моя очередь. Пытаюсь разглядеть капли мира. И не вижу ничего!

Как же так?! Все видят, а я нет! Неужели настолько грешен?!

Смотрю на икону и так, и сяк. Кажется, вижу несколько очень маленьких капелек... А может, только кажется?!

Нет, не может такого быть, чтоб двадцать человек увидели, а один нет. Да, я грешен, но не сатанист же я!.. Нет, действительно, капельки мира. На скипетре. Как будто и благоухание чувствуется...

Оказывается, чтобы увидеть капельки мира, надо под особым углом смотреть на икону. В храме немного темновато. А капельки мира очень мелкие. Словно кто-то прикасался в разных местах к образу иголкой, и капельки мира стекали с ее кончика. Капелек не столь уж и много. Немного, рассыпью, в правой части иконы. Немного в левой. Несколько капелек на скипетре и на губах царя. То есть, икона мироточит не столь явно, как я видел на антипапском крестном ходе. Тогда Образ Царя-Мученика буквально весь «запотел». Но ведь

мироточит же! Мироточит!

Составили рапорт правящему архиерею о мироточении иконы. Все присутствующие поставили свои подписи. Отец Леонид тут же отбыл в епархию.

Выйдя из епархии, спустя несколько часов, он был бледнее обычного. Широко перекрестившись на позолоченные купола епархиального Собора, он вздохнул и, ни на кого не глядя, направился к своему старому разбитому «Жигуленку». По дороге попытался было творить Иисусову Молитву. Но молитва никак не шла, из-за нахлынувших в голову мыслей.

Как никогда, отец Леонид чувствовал, что стоит у некоторой решающей черты – либо полное смирение перед архиереем, то есть, не высовываться, быть самым обычным попом, либо выдержать удар, перенести все гонения и прещения со стороны епархиальных властей, но остаться чистым перед своей совестью.

А мысли разгоряченным потоком неслись в голове:

... Открыто епископ запретить мироточение иконы не может... Да, в двойственном положении наш владыка. С одной стороны – икона мироточит! Это же событие для епархии. С другой: чей Образ мироточит, и у кого, у этого батюшки?!

Да, поддержать меня он никак не может. Это, по его мнению, поддержать непослушание ему и в его лице всей Церкви.

Надо срочно, сегодня же позвонить духовному отцу. Только бы он успел вернуться с Афона.

Что сказать сегодня вечером в Библиотеке?

Сказать, как было, но обязательно добавить, что главное – мир в душе, прямую конфронтацию с архиереем я не благословляю. Но отстаивать свою точку зрения надо. И мы это будем делать, ибо с нами Бог и святой Царь. А надлежит больше слушать Бога, чем человек, в каком бы сане они ни были!..

Отец Леонид незаметно сжал кулаки в рукавах рясы – в каком бы сане они не были – повторил он свою последнюю мысль.

Вечером все собрались в Библиотеке. Прибыл отец Леонид. Все тут же кинулись к нему:

– Батюшка, ну как!? Что сказал епископ? Признал?..

– Потом, – отец Леонид сделал упреждающий знак рукой. – Давайте лучше акафист Царю-Мученику прочтем, потом все расскажу.

Прочтали акафист, сели пить чай, и отец Леонид рассказал. Рассказал, что разговор с архиереем был долгим и весьма неприятным. Владыка, по привычке своей авторитарной, пытался давить, но у ничего у него не выходило. Да и вообще, против чуда Божьего, что ты скажешь?

– ... Я ему про Фому, он мне про Ерему, – неторопливо говорил отец Леонид, прихлебывая чай. – Я ему: вот, Владыко, икона Николая II мироточит, вот рапорт, вот подписи свидетелей. А он мне все про мою якобы самостоятельность: мол, что вы себе позволяете, почему меня в известность не ставите, почему все без благословения делаете, почему в епархии не появляетесь.

– Я говорю: ну вот я Вас и ставлю в известность: у меня на приходе начала мироточить икона Царя-Мученика, вот Вам рапорт по этому поводу, вот подписи свидетелей. Владыко на крик: что вы все мне эту бумажку суете! Я Вам о другом говорю!

– Я спокойно отвечаю: это не бумажка, это рапорт о мироточении иконы святого Царя-Страстотерпца. Он вдруг резко меняет тон и мне чуть ли не доверительным шепотом: а с чего Вы так уверены, что это именно от Бога чудо, а может, это просто полтергейст? Тут надо с трезвым умом подойти, с даром различения, от Бога ли это, или от лукавого.

– Ну так Вы, владыка и разберитесь, говорю я... А он мне елеинным таким голосом: разберемся, разберемся, батюшка. Сейчас, вон, повсюду иконы мироточат, в том числе и самочинные. Просто эпидемия какая-то. Вон, слышали, в России самочинная икона Ивана Грозного мироточит. А? Тоже, скажете, чудо Божие?

– Я ему: насчет мироточения икон Грозного ничего не знаю. Но Николай II канонизирован Соборным разумом нашей Церкви. И странно этому сопротивляться. И ничто меня не

переубедит в том, что Царь-Мученик, наш русский царь, на Небесах. И денно и ночью молит Господа о русском народе, о всей России.

– Тут самое интересное с нашим владыкой произошло – отец Леонид чуть заметно улыбнулся, – он аж позеленел и как закричит: что Вам до русского народа, батюшка! Заладили, как ворона, русский царь, русский царь. И вообще, это ваша самодеятельность, она уже мне вот где – и прямо проводит рукой по своему горлу, – русский мир, русская церковь, русский царь. Забываете, батюшка: наша церковь вселенская, в ней нет ни эллина, ни иудея! И я, как правящий архиерей, не позволю, чтобы в моей епархии создавались маргинальные группировки! Не позволю, слышали батюшка! А теперь ступайте. Рапорт оставьте.

– Я ему: так что по поводу иконы?.. А он как отмахивается: оставьте рапорт, разберемся, создадим комиссию, проверим, и если действительно чудо Божие... ступайте.

– Я чувствую, что не разберутся, просто не признают. Не нужно нашему владыке мироточение царской иконы... Ничего я ему не сказал больше. Взял благословение и вышел, – закончил свой рассказ отец Леонид.

Талмудисты

Зима на излете. Холодно и сумрачно. Грязные рваные хлопья тумана несутся над крышами высотных зданий, едва не задевая антенны. Небо затянуто мутной серой пеленой. Сыро. То дождь, то снег, то туман. Вода под ногами, вода над головой. Вода везде! Город похож на гигантский бетонный аквариум, в котором остановилось время.

От ледяного бездействия сонно цепенеет душа. Рухнуть бы сейчас на диван и спать, спать, чтобы ничего не видеть. Во сне хорошо. Сон – единственное место, где я не чувствую боли. Боли от несбывшихся мечтаний и планов. Умом все понимаю – на все Воля Божия, смирайся! Но глупая, пораженная грехом душа... Она, видите ли, тоскует, она, видите ли, болит...

Последний день зимы. Не сделано ничего! Абсолютно ничего! Так толком и не родившись, «Русь» ушла в кому. Приезд генерала вспоминается, как сон. Именно, как сон. Впрочем, таким же сном вспоминается и сама «Русь». Прошла осень, зима – ни офиса, ни оргтехники, ни регистрации, ни программы, ни-че-го!!!

Михаил говорит, что Россия нас в очередной раз «кинула». То ли не нужны ей соотечественники в ближнем зарубежье, то ли не готова она их поддерживать, так, как, например, поддерживает своих Америка. А что мы сами реально можем сделать без российской поддержки? Ни-че-го!!! Зарегистрировать партию не можем. Написать устав и программу не можем! Даже ряды свои пополнить не можем по причине постоянных идеологических разногласий и личных склок.

Такая была надежда на Библиотеку! Но отец Леонид наотрез отказался благословить партию. И все из-за левых идей «старого крыла» и самого генерала. Из-за Ленина-Сталина. Хотя, какие тут левые идеи, так, одна ностальгия.

Естественно, никто из активных православных верующих ряды «Руси» не пополнил, ибо не благословенное это дело. А больше активных верующих, кроме Библиотеки, взять негде. В большинстве приходов нашей епархии верующие, буквально, шарахаются от одного слова «политика».

Одна надежда на журнал (сколько у меня умерло этих «надежд»). Журнал отец Леонид благословил. Но и то неясно, будет ли. Даже боюсь на эту тему думать. Уже заметил – стоит мне только подумать о чем-нибудь заветном, и никогда не сбудется. Между тем, даже деньги какие-то на издание журнала в Библиотеке собирались.

Михаил целиком занят журналом. Мне поручено написать большую статью о нашем антипапском противостоянии. Казалось бы, пляши и радуйся. Но не тут-то было. Уже с месяц я нахожусь в отвратительном духовном состоянии бессилия. В обескрыленном мире. В

рабстве у блудных помыслов. Прав Витамин. Мне давно пора жениться. «Вот женишься, гораздо меньше искушений будет». Возможно. Не спорю. А пока... ну нет сил! Надо садиться писать статью. Все понимаю. Но нет сил собрать себя воедино...

Может, выпить? Нет, нельзя, нет денег. Да и минимальная доза алкоголя для меня равносильна смерти. Конечно, деньги есть, только их мало. На самое необходимое – хлеб, чай, макароны.

Еще знаю, выпью, потом поболею, потом станет немного легче. На время. Конечно, это не выход. Это, пожалуй, вход в еще горшее состояние. Стократ лучше искренне, от всего сердца помолиться, точнее, взмолиться, призывая помощь Божию. Да вот беда, не могу я во время духовной сухости молиться!

Кто-то постоянно шепчет мне голосом Витамина: – выпей, все пройдет. Сам же писал в одной из своих песен: я сначала выпью водки, чтоб исчезли дьявола, чтоб исчезли дьявола...

Все-таки сел за статью. Но не успел собраться с мыслями, как звонок в дверь. За дверью Партайгеноссе с «вечным» дипломатом в руке. Он пьян. И он не один. С ним какой-то человек, на вид ему лет тридцать пять. Человек этот невысокого роста, коренастый. У него круглое добродушное лицо, смутно мне знакомое.

– Здравсти, – стеснительно говорит человек и улыбается до ушей.

– Можно? – спрашивает меня Максим. Потом спохватывается, – ах, да, забыл представить. – Делает шаг назад и с театральным (прямо как у полковника Нефедова), жестом руки говорит:

– Господа, прошу любить и жаловать. Валерий. Юрист. Мой старый, проверенный в боях друг. Мистик. Эзотерик. Одним словом, вам будет о чем поговорить.

– Да ладно тебе, Максим, – стеснительно говорит Валерий, а сам улыбается еще шире. – Ты, вот, даже не поинтересовался, может, человек занят, может, нам лучше уйти?

– Ни в коем случае, – с малодушной вежливостью говорю я (про статью уже забыл), – проходите... Я, конечно же, никого не ожидал в такую погоду. Но, честно сказать, вам очень рад. А то уже крыша едет от одиночества.

– Ну, это дело поправимое, конечно, пока наш бронепоезд стоит на запасном пути.

Партайгеноссе проходит на кухню и выкладывает из дипломата двухлитровую пластиковую бутылку с густой темно-красной жидкостью.

Вино! – сразу же догадываюсь я.

Из кухни несется голос Максима:

– Есть какая-никакая тара, стаканы, там, чашки...

В емкости, принесенной Максимом, действительно оказалось вино. «Крымский портвейн» взятый на разлив в винном магазине-баре с красноречивым названием «Бахус». Наполнили стаканы, и Максим принялся было по новому кругу знакомить меня с Валерой.

– Вообще-то мы знакомы, – сказал Валера. – На твоей, Максим, свадьбе...

– Постой, – перебил я смутно припоминая, – так ты... ты... ты и есть тот самый человек Розы Мира? Так тебя Михаил назвал. Помнишь?

– Да, – скромно ответил Валера-Юрист и покраснел, как девушка.

– За эзотерику! – прокричал Максим и помахав стаканом в руке добавил, – нам, проклятым милитаристам, сия область не совсем понятна, но раз два эзотерика собрались вместе... все... молчу... молчу.

Выпили.

– Не верю я в то, что Россия нас кинула, – сказал Максим морщась, – не верю, хоть убей.

– Ну почему, Максим, очень может быть, – примирительно говорю я, чувствуя, как живительным теплом растекается внутри вино. – Россия еще довольно слаба. Она только-только поднимается.

– Я понимаю, что только-только поднимается, – вздыхает Максим. – Дело в другом, я не верю Михаилу. Это же он вопит, что нас кинули. И полковник мне не нравится. Аферист какой-то. Да и генерал этот. Станный тип. Эффект крыльев бабочки, связи в российском правительстве, всю Украину на уши поставим. А сам свалил, и ни слуху о нем, ни духу. Как

посмеялся над нами, дурачками.

– Да, согласен, генерал странноватый какой-то. Я, вообще, подумываю, что вся затея с «Русью» могла вполне родиться в кабинетах СБУ. Приехал, воду намутил, а сам нас на карандаш. Как возможную пятую колонну России. И действовал он в паре с полковником. Полковник собирал любителей России, а генерал уже их на карандашик, на карандашик.

– Грустно, – сказал Партайгеноссе, – выпьем.

Выпили.

– Ну а Михаилу-то чего ты не веришь. Михаил-то здесь при чем?

– Михаил? – Переспросил Партайгеноссе, вздрагивая и вытирая рот носовым платком. – Слишком он какой-то талмудический.

– В смысле?

– Ну, сам себе на уме. Ищет в первую очередь выгоду себе. Хотя и говорит постоянно об общем деле... Ладно, – Максим пьяно икнул, – не буду осуждать. Хи-хи. Талмудический Михаил.

– Вот и не осуждай, – подал голос молчавший Валера-Юрист и, покраснев, добавил, – ты же на себя отрицательную энергетику притягиваешь. Максим! Потом пьешь.

Ого, запахло эзотерикой, – подумал я. – Давненько я этого словечка – энергетика – не слышал.

– Виноват, о, великий эзотерик, фоню. – Партайгеноссе театральным жестом поднес руки к груди.

– Максим, не стебись, – Валера обиделся и покраснел еще сильнее.

– Все мы ищем выгоду себе, – философски изрек я, чувствуя первое сладостное опьянение вином.

– Кстати, насчет выгоды, совсем забыл, – Максим хлопнул себя ладонью по лбу – как у тебя с работой?

– Глухо, – ответил я, – работа эпизодическая, то есть, то нет.

– Что ж, – Максим потер руки – тогда есть тебе предложение. Не хочешь со мной у коммунистов поработать. Через месяц с небольшим, как известно, выборы.

– Выборы?! Совсем забыл. И что надо делать у коммунистов. Митинговать?

– Ни в коем случае. Работа – не бей лежачего. И оплата нормальная, без задержек. Раз в неделю. Вся работа точечная. В одном рабочем районе. Там у коммунистов везде свои люди. Приходишь, приносишь литературу, объясняешь, как и за кого надо голосовать... Ну как?

– Наверное, идет. Ну, давай еще обмозгуем. На ясную голову. Завтра с утра мне позвони.

– Хорошо, – согласился Партайгеноссе и вдруг спросил, – как ты думаешь, получится?

– Что? Работа?

– Нет, журнал у талмудического.

– Если это не получится, то ничего не получится! Максим, это единственное, что реально. Это то, что мы можем, в смысле, бумагу пачкать. Ну какие из нас политики?

– Политика – грязное дело, – поддержал меня Валера.

– Уже деньги на журнал в Библиотеке собрали, – закончил я.

– В Библиотеке?! – Удивился Максим. – А как же борьба с этим нехорошим епископом. Как же крестные ходы, молебны, пикеты?

– Максим, ты в своем амплуа. Какая борьба с епископом?! Библиотека – не «Богородичный Центр». В Библиотеке люди православные!.. Ну, бывают недоразумения, епископ своих людей посылает, и те пытаются воду мутить. Но это все второстепенное. Главное сейчас – журнал!

– Кстати, ты бы тоже мог написать статью на историческую тему. А то у Михаила проблемы с публицистами... А? Чтоб меньше качать с Интернета. Например, о русско-турецкой войне, о том, как Россия осваивала эти земли.

– Да, надо бы, – мечтательно вздыхает Максим.

– Вот видишь, – сказал Валера, – Михаил большое дело делает, а ты его осуждаешь.

– Простите друзья, – ответил Максим уже серьезным голосом, – есть такой грех. Осуждаю.

Но поделаться с собой ничего не могу. Хоть убей меня, талмудистов не любил и не люблю...

О «Розе Мира» и не только

На экране мобильного телефона бегают виртуальный человечек, увертывается от падающих на него с виртуального неба камней. Человечек похож на червячка с едва видимыми ручками и ножками. Движения у человечка дерганые, короткими рывками, как у рэп-певца. Как будто его одновременно резко тянут в разные стороны за невидимые ниточки. Зато камни летят плавно и величаво. После падения определенного количества камней звучит издевательская строка популярной английской песенки, которая примерно переводится, как: я буду жить вечно, я буду жить всегда...

Телефон принадлежит Валере Юристу. Из этого факта я сразу заключил, что человек он не бедный. Сотовые телефоны и в нашей провинции уже не редкость, но вещь все-таки еще не очень распространенная, дорогая. А тут еще телефон с «навороченной» игрой!

Валера-Юрист небрежно извлек телефон из внутреннего кармана джинсовой куртки. И попытался кому-то звонить. Произошло это в момент, когда я и Максим завели спор с Валерой. Речь шла, как всегда, о России. Валера говорил, что он любит Россию и желает этой стране всех благ, но он резко против возрождения имперских амбиций. Потому как излишняя государственность – это плохо, это насилие над личностью.

Согласно той же «Розе Мира», за любым государственным институтом маячит демоническое существо, «уицраор». И тем более такое существо стоит за имперской государственностью. Уицраор безудержно стремится к распуханию до всепланетного масштаба. А это захватнические войны вовне и контроль над личностью внутри государства. Для такой великой страны, как Россия, это очень опасно, это новый Сталин...

Максим вспыхнул мгновенно и обвинил Юриста в пацифизме и гнилом либерализме. Тут же вмешался я, стал объяснять Валере, что идея государственности, даже та, что изложена в Розе Мира, гораздо сложнее, чем он думает. Сильная государственность необходима, иначе страна будет разорена иноземными хищниками. Заграничными уицраорами. Которые так же, как и все уицраоры, стремятся к всепланетному господству. И отнюдь не против полакомиться такой огромной территорией, как Россия. И то, что это так, свидетельствует весь трагический опыт безбашенной демократии 90-х.

Вспомним, как тогда Россия сдавала позицию за позицией а взамен от своих западных партнеров слышала лишь одни обещания. И чем слабее Россия становилась, тем наглее и циничнее действовали западные человекоорудия своих уицраоров. Наконец, дело дошло до того, что на Западе стали вести себя так, будто такой страны, как Россия, вообще на карте не существует.

Так что если выбрасывать на свалку истории государственные институты, то делать надо это сообща, так сказать всем миром. А это уже утопия, ну то есть, замена государств неким всемирным братством. Это в нашем миропорядке невозможно...

Одновременно со мной говорил Максим. Проводил параллели с Соединенными Штатами:

– Соединенные Штаты – империя или нет?! Скажи-ка нам либерал Валера, империя или нет?! А!? – Надрывался Партайгеноссе. – Почему им можно все, а другим ничего нельзя! А?!..

Валера-Юрист с деловым видом поднес телефон к уху. Мы, естественно, тут же умолкли, чтобы не мешать человеку звонить. Валера-Юрист совсем немного подержал аппарат у уха и с небрежным видом положил на стол.

Я иронично улыбнулся. Вспомнился роман Пелевина «Поколение Пи». Главному герою рассказывают, как правильно «пускать пыль в глаза», имидж делать. Мол, во время разговора как бы невзначай вспомни, что тебе кому-то надо срочно позвонить. Ну, а дальше с небрежным видом вытаскиваешь дорогой мобильный телефон, совершаешь звонок,

небрежно стучишь дорогими часами об стол и т. д... В общем, смешно все это, взрослые дяди в песочнице...

– Можно... поиграть, – просит Максим. Имперского величия как не бывало.

– Конечно, – снисходительно отвечает Валера и, что-то там понажимав, передает телефон Максиму. На экране «мобильника» уже бегают виртуальный человечек. Вот летит первый камень, вот второй, и Максим уходит в игру.

Пока Максим занят игрой, я общаюсь с Валерой-Юристом. Говорим о «Розе Мира». Выяснилась не очень приятная вещь: говорим об одной и той же книге, но понимаем ее совершенно по-разному, едва ли не противоположно.

От Юриста подозрительно пахнет рерихианством, – размышляю я. – Всем этим сатанизмом для интеллигенции. Ишь ты: все люди братья, все религии ведут к одному Богу, все государства надо упразднить, все национальные границы стереть, всем обняться и делать друг другу добро. Утопия! Причем вредная. Сколько зла за фасадом этой утопии совершается

– Ты пойми, каким бы мистиком Андреев ни был, – вещаю я, – но он еще остается сыном своего времени. То поколение интеллигенции, к которому Андреев принадлежал, можно условно назвать «дети февраля». Поколение, почти бессознательно опьяненное лживым хмелем либеральной февральской революции. Отсюда негативное отношение к государству, к царю, вообще к русской великодержавной идее. Отсюда главная утопическая идея упразднения государств, соединения христианских церквей на базе всемирной церкви Розы Мира, создания человека облагороженного образа (от этой идеи вообще коммунизмом пахнет, как и от утепления полярных областей), развитие речи у высших животных... и прочее, прочее, прочее.

– Так ты, ты... ты не веришь в Розу Мира?! – Валера нервным движением наливает себе вино.

– Что значит, не верю в Розу Мира? Я верю во Христа. В то, что Он Бог и Спаситель. Может быть, слабо верю, но верю!

– Это понятно, – разочарованно отвечает Валера-Юрист и выпивает залпом вино. – Ну, а как же Андреев, как же идеи Розы Мира? Ведь они не противоречат Христу! Ведь есть же другие светлые иерархии, другие метакультуры и религии! Разве они противоречат Христу?!

– Конечно, есть великое множество иерархий, миров, есть другие метакультуры, религии. И в Евангелии Христос говорит, что в доме Моего Отца обителей много. Все это так. Дело не в этом...

– В чем же! – перебивает меня Валера, размахивая рукой с зажженной сигаретой (кажется, он начинает нервничать). – Вот же и Евангелие говорит.

– Да, говорит, – отвечаю я Юристу и чувствую в голове моей мглисто, пьяно и хаотично.

– Понимаешь... – изо всех сил пытаюсь сформулировать мысль, – Андреев, несомненно, имел мистический опыт. Но опыт этот многолетний и довольно многоликий, что ли. Есть в этом опыте взлеты в выси небесные, а есть и демонические подмены и провалы, есть и отсебятина.

Заведя глаза к своему мутному кухонному потолку, пытаюсь подобрать слова, чтоб доказать недоказуемое. Чувствую себя между молотом и наковальней: и Роза Мира мне еще нравится, и Православие для меня уже несомненная полнота Истины:

– Понимаешь, Даниил Андреев поэт. И у него, как и у всех поэтов, богатое воображение. Поэтому принимать всю его книгу за Истину – большая ошибка... Так со мной тоже было. Я когда-то принял всю его книгу за истину в последней инстанции. Потом все сидел, все ждал, что вот-вот наступит эпоха Розы Мира, как она в книге описана. А она все никак не наступает!

– А потом уже в Москве прочитал интервью с его женой, где она умоляла, буквально умоляла никакую Розу Мира не создавать. Потому что это все оккультизм, тени во мгле, игра с падшими духами. Поэтому ничего не надо придумывать, все уже есть. В Церкви. Я когда это прочитал, думал, с ума сойду. Такой облом у меня был! Понимаешь? Немало

потребовалось времени, и дров немало было наломано, пока я не понял, что Алла Андреева тысячу раз права!

– Что же касается самой «Розы Мира», – я затушил бесполезно истлевшую сигарету и закончил: – В «Розе Мира» истинно все, что по духу согласуется с христианством. Ближе всего к христианству у Андреева, на мой взгляд, описание демонических слоев и самой сути демонической природы. Еще, он гениально противоречие между благодатью Божьей и лютыми адскими муками разрешает.

– Кстати, именно это противоречие между Богом-Любовью и Страшным Судом, не давало мне раньше и близко к христианству подойти. Я считал христианство нелепой религией. И только после того как Андреев своей «Розой Мира» разрешил мне это противоречие, только тогда я впервые смог и в церковь войти и книгу православную в руки взять. Вот. Ну а дальше всего от учения церкви, у Андреева, как раз и есть утопическая идея всемирной церкви «Роза Мира».

– Так ты считаешь, Розы Мира никогда не будет? – обреченно спросил Валера.

– Как всемирной церкви, никогда. Я еще могу признать Розу Мира, как, скажем, некое универсальное мировоззрение дающее мне ощущение полноты бытия. Ощущение некоего всепланетного единства, естественно, не в пошлом теософском смысле. Это глубоко внутреннее ощущение. И, кстати, глубоко нравственное. Да.

– Вот в этом плане творчество Даниила Андреева еще можно принять. Но зачем создавать какую-то всепланетную церковь. Это совершенно ложная идея. Хуже того, идея оккультная – отрезал я.

Повисла неловкая пауза. В наступившей тишине виртуальный камень наконец-то настиг виртуального человечка. Виртуальный человечек пискнул и умер. Партайгеноссе разочарованно вздохнул и вернул телефон Валере. Посмотрев на меня и Юриста протрезвевшими глазами, он вдруг сказал:

– И я признаю, что Истина одна – Христос. И Истина эта в нашей Церкви. Я православный, может быть, очень плохой, но православный. И так как я человек плоский и материалистический, считаю, что не имеет смысла изобретать заново велосипед. Ну, то есть, религию новую выдумывать. Ту же «Розу Мира».

Валера-Юрист обвел нас обреченными глазами. И тут его прорвало:

– Ну почему, почему Истина только в Православии?! – прокричал он внезапно прорезавшимся тонким визгливым голосом. – Почему право только христианство?! Кто это придумал?! Может, я хочу славить Христа во всем многообразии этого мира! Почему я должен запереть себя в стенах Церкви. Почему я должен отказаться от всего, от Небесной России, от миров просветления, от сотен дружественных мне иерархий; и все потому, что обо всем этом не писали святые отцы! Почему?!

– Да, да Христос, Бог! Все понятно. Кто спорит. Но почему я должен ради этого умертвить свою плоть. Зачем она тогда мне дана. Почему?! – с отчаянием в голосе возопил Валера-Юрист. Вдруг резко осекся. И опять на минуту воцарилась тишина. Только капли ледяного дождя барабанили по карнизу, и где-то далеко сигналила машина.

– Простите меня, друзья, – сказал Валера своим обычным голосом. – Сам не знаю, что на меня нашло. Простите... Особенно у хозяина квартиры прошу прощения.

Валера-Юрист посмотрел на меня. В его больших карих глазах застыло страдание, если не отчаянье. Я это прекрасно понимал. Я вспомнил, что испытал сам, когда рухнула моя «Роза Мира». Юрист чем-то напоминал мне самого себя года три, четыре назад. Ну, только разве что я был гораздо менее удачлив в материальном плане.

– Валера, дорогой, никто здесь на тебя зла не держит, – произнес я как можно более мирным тоном. – Мы на тебя не обижаемся. Так что, прощать тебя не за что. Успокойся, дорогой, забыли. Моя кухня и не такое видела.

Партайгеноссе разлил остатки вина. Выпили за полное понимание. Помолчали. Тут Валера предложил:

– А давайте для журнала, что Михаил делает, что-нибудь напишем. Небольшую статеечку.

– Ну, можно, – неуверенно сказал я и спросил – а на какую тему?
– Давайте, что-нибудь про Путина, – предложил Партайгеноссе.
– Нет, про Путина не пойдет. Про Путина там наверняка что-то будет, – возразил я.
Валера-Юрист закурил и почесал свой большой лоб:
– А давайте, давайте... о виртуальном Бен Ладене.
– Точно! – закричал Максим, – гениально! Виртуальный Усама бегает по виртуальной Торе-Боре. А в это время наши подводные лодки...
– Подводных лодок не надо, – поморщился Валера. – Только о виртуальном Бен Ладене.
– Только о виртуальном Бен Ладене мало – возразил я. – У статьи должна быть тема, идея. Виртуальный Бен Ладен – это всего лишь начинка... О, кажется, придумал тему. Ну, примерно так, там доработаем по ходу пьесы. Э-э-э, значит, современный западный человек живет в придуманном виртуальном мире.
– В котором ему придумали Бен Ладена, – дополнил меня Максим.
– Все, садимся писать, – подытожил я. И мы сели писать...

Американский антитеррористический мультик:

Джордж Буш и Колин Пауэлл изо всех сил стучат в барабаны на фоне «Белого Дома». Кадр меняется. В нарисованном небе, как стайка воробьев, кружатся разноцветные ракеты. Пытаясь попасть в Бен Ладена, ракеты срываются со своих небесных орбит, втыкаются заостренными лбами в барханы, хлопают, как новогодние петарды.

Размахивая декоративными ручками и ножками, по пустыне мечется Бен Ладен. Пытается уклониться от взрывов. Забегает то в одну пещерку, то в другую. Наконец в него попадает ракета. Все взрывается.

На экране – голубая планета с небольшой темно-коричневой червоточинкой на боку. Червоточинка с надписью «Афганистан» медленно откалывается от планеты, улетает в открытый космос.

На фоне «Белого Дома» Джордж Буш и Колин Пауэлл весело стучат в барабаны: трам-та-ра-ра, трам-та-ра-ра, трам-та-ра-ра. Высоко в небе, махая ангельскими крылышками, пролетает изумленный Бен Ладен: Что, уже все кончилось?

Рекламная пауза... И опять все сначала...

Мультик крутили на большом плазменном экране, что возле кинотеатра «Родина». Было это в конце ноября прошлого года. В тот день был сольный концерт Гарика Сукачева, в «Родине». Витамин обещал провести Максима без билета. От имени рок-клуба.

Максим час прождал Витамина у входа в кинотеатр. Как раз напротив плазменного экрана. И весь этот час лил проливной дождь, а на экране крутили один и тот же мультик с Бушем, Пауэллом и Бен Ладеном. Так что мультик Партайгеноссе запомнил надолго. Его-то мы и запечатлели на бумаге. А дальше я уже писал сам.

Получилась небольшая статейка на тему: как Голливуд прогнозирует будущие катаклизмы и теракты. Например, было пару фильмов с угоном террористами самолетов и разрушением небоскребов, а потом оно взяло и случилось в реальности. Но так по-киношному! Не все и поверили, мол, рекламный трюк, компьютерная вставка, монтаж, виртуальная реальность.

Журнал

– Киев, – облегченно говорит Михаил, – наконец-то!

Выгружаемся из поезда на перрон. Прогибаясь, несем с Михаилом огромный «баул», он за одну ручку, я за другую.

В огромной сумище почти весь тираж «Новороссийского Вестника».

Свершилось!

Первый номер журнала увидел свет. Более того, на подходе второй номер. Осталось сделать макет. И в нем будут мои две статьи...

Пытаемся втиснуться в киевскую маршрутку. Не так-то это просто с такой сумкой, как у нас. Михаил нервничает. В девять утра открывается большой политический съезд «Русского Союза». А поезд, как специально, опоздал почти на полчаса. А надо еще завезти свои вещи к двоюродному брату Михаила и отыскать место проведения съезда. И успеть перед началом съезда хоть немного журналов раздать. На языке Михаила – «попиариться».

В отличие от Михаила я беспечен и спокоен, как удав.

Прекрасный солнечный день конца мая. У нас уже пекло, душный и пыльный воздух, выцветшее небо, желтеющая колючая трава по обочинам дорог. А здесь, судя по свежему воздуху и обилию росы, еще нежарко.

Прекрасная погода, прекрасное настроение. А чего еще желать? Журнал получился, меня, наконец, напечатали (все-таки не зря копчу небо, хоть какая-то от меня польза). И главное: кажется, начинается на Украине серьезная борьба за Русский Мир. По словам Михаила, «Русский Союз» – партия с размахом.

Наконец-то влезли в маршрутку. Пришлось придавить нашим баулом пару киевлян. Киевляне вежливо промолчали. С горем пополам втиснули сумку под ноги.

Маршрутное такси бодро летит по широким киевским улицам. Киев не изменился. Как и год назад, мелькают тенистые ухоженные скверики, офисы, банки, магазины и... даже попадающаяся навстречу машина, щедро поливающая водой газоны, кажется той же самой, с тем же самым водителем.

А наш водитель врубает на полную катушку какой-то лютый «рейв». Что-то вроде «rrodigy», но гораздо тупее – однообразный и очень низкочастотный пульсирующий ритм. «Унц, унц, унц» – ощущение будто тебя методично бьют под дых. Музыка гулко отдается в районе груди. Мысли в голове мешаются. А ноги уже непроизвольно выстукивают ритм: «унц, унц, унц».

– Да уверните Вы свою музыку! – срывающимся голосом кричит Михаил. – Я что деньги платил, чтобы эту бесовщину слушать?!

Все – думаю – приехали. Сейчас будет грандиозный скандал и нас точно выкинут из маршрутки.

Однако пассажиры в салоне сохраняют гробовое молчание. Никто даже голову в нашу сторону не повернул! Водитель, на мое удивление, молча увернул звук. А потом и вовсе выключил музыку.

Европа, однако.

У Петра, так зовут киевского брата Михаила, успели не только оставить личные вещи, но и позавтракать. Он же провел нас на автобус, который проходит как раз мимо места, где все будет происходить. Автобус высадил нас перед большим ухоженным сквером с пышными широколиственными деревьями и аккуратно подстриженными кустами («европейское» впечатление портил разве что мусор в этих самых кустах). Сразу за сквером в гордом одиночестве высилось приземистое тяжеловесное темно-серое здание (типичная сталинская постройка, не запоминающаяся никак). К зданию от остановки вела гладкая асфальтированная дорожка, почти без единой выбоинки.

– Гостиница, – пояснил Михаил, махнув рукой в сторону темно-серого дома.

Собственно я знал, что съезд проходит в гостинице. В поезде Михаил все уши прожужжал. Мол, Соловьев такой конкретный «барсук», арендует под съезд целый этаж в гостинице, с рестораном и конференц-залом...

Вот и фойе. Ищем место, где бы определить нашу сумищу и заняться самым главным – журналом. Какой-то кряжистый, коротко стриженный человек, лет сорока, кидается к Михаилу, сгребает его в охапку. Потом жмет мне руку. Представляется:

– Виктор... Шестаков.

Михаил добавляет:

– Он же Витя Панк, личность легендарная, участник панковской группы «Дети Обруба».

– Дети Обруба! – делаю изумленное лицо и с внутренним удивлением отмечаю, что ничуть не изумлен. Как будто бы так и должно быть; на съезде русской партии в киевской

гостинице обязательно должен присутствовать представитель панк-группы из России. – Это ж Россия, – говорю я.

– Конечно Россия, – радостно соглашается Витя Панк, – только я теперь не Россия, а украинская Винница. Работаю, верней, работал скромным учителем истории в скромной русской школе, однако школу очень нескромно сделали украинской. И я вот, – бывший панк виновато разводит руками, – решил заняться политикой. Дело грязное, но панки, как известно, грязь любят.

– Ты эти шуточки панковские брось, – то ли в шутку, то ли всерьез говорит Михаил. – Политика либерастов... да, дело грязное. Еще и кровавое. Наша же политика, особенно политика информационного прорыва – дело почти святое!.. Лучше зацени.

Михаил быстро расстегнул сумку и извлек из нее журнал.

Вот оно, наше достояние! Черно-белая обложка с броскими картинками и заголовками. Центральная картинка: две могучие руки двух братских народов, украинского и русского, сплелись в крепком рукопожатии, смяли полосатые пограничные столбики.

Сбоку нечистая сила с темным оскаленным ликом, с рожками на голове, в косматом и черном клубящемся облаке с инопланетными «тарелочками» позади. Нечистый хочет помешать братанию двух православных народов, он взмахнул огромным топором. Но уже огненное разящее копьё Ангела, (Ангел вверху картинки), уперлось ему в голову.

Справа от картинки огромными жирными буквами – ПРОТИВОСТОЯНИЕ

Это заглавие моей первой программной статьи.

Помню, как меня чуть не вспучило от гордыни, когда впервые увидел обложку журнала. Но пучило меня, слава Богу, не очень долго. Вспомнился мой нечестивый ропот на судьбу, пьянки, блудное помрачение ума, постоянный скулеж: все плохо, меня все покинули, ничего не вышло и не будет. А роптал-то, получается, не столько на абстрактную судьбу, сколько на Творца. Опять то же нежелание нести Крест... Стало стыдно, и я возблагодарил Бога, что Он так все чудно устроил.

В самом верху обложки карикатура международного террориста в виде марионеточной куклы. Только вместо ниточек полосы американского флага. Внизу цитата номера о том, как легко нынче перепутать спасение человечества со спасением корпорации «Дженерал Моторс», или ей подобной.

Помнится, вначале мы хотели вообще вставить суру из Корана: «Увлекла вас страсть к умножению, пока не посетили вы могилы...» Да отец Леонид отговорил, мол, не сходите с ума, вы же православные люди, а не мусульмане какие.

Виктор с жадным блеском в глазах листает журнал:

– Неплохо... неплохо... есть, что почитать... драйв...

– На, возьми. – Михаил протягивает ему небольшую пачку журналов. – Тебе и твоим соратникам.

– Вот спасибо, – говорит Виктор и демонстративно, повернувшись лицом к фойе, а спиной к нам и стене, кричит:

– О, вот и соратник!

Сует журнал какому-то худому пареньку с биркой «пресс-секретарь» чего-то там (не успел прочитать) на лацкане пиджака. Потом еще седоватому представительному дядечке. Одним словом, как на рынке.

Михаил, уразумев стратегию Вити Панка, выхватывает из сумки пачку журналов и начинает раздавать всем встречным-поперечным. Вокруг нас, по старому советскому инстинкту «что-то дают!», образуется небольшая толпа. За пятнадцать минут до начала съезда уходит около пятидесяти номеров. Михаил доволен. А тут уже и на съезд приглашают.

Политика

Небольшой и уютный конференц-зал мест на сто пятьдесят, двести. Мягкие удобные кресла, просторная сцена с одинокой трибуной, над трибуной – тяжелый темно-багровый занавес, а на стене, справа от сцены, огромный плакат с тройкой легких воздушных коней, несущихся в неведомую голубую даль. На плакате надпись: «Русский Союз».

На сцене худощавый человек, лет пятидесяти, с простецким рязанским лицом (нос картошкой) и в самой что ни на есть народной одежде – джинсы, белая, немного мятая рубашка-безрукавка. Совсем не официальный вид. Однако Михаил мне на ухо шепчет, что это и есть Соловьев, безоговорочный лидер партии (партия-то создана на его деньги), и что за глаза его приближенные называют своего вождя не иначе, как дуче. И вообще, в партии управляемая демократия.

Соловьев что-то отхлебнул из поднесенной ему небольшой чашечки, коротко поприветствовал участников съезда и без лишних любезностей начал свою речь. Говорил он быстро, но четко, не заглатывая окончания, при этом голос у него был тихим и как бы сонным, совсем не командирским. Но начал он очень интересно:

– Нам пятнадцать, а то и все восемьдесят пять лет СМИ вешают лапшу на уши... У народа разорвано сознание... Люди смотрят картинку по телевизору и видят, что она как-то не совсем стыкуется с окружающей действительностью. А другого источника информации нет... В итоге, целая нация, народ, огромная страна впала в депрессию, антиполитичную апатию, растерянность. Антиполитичная апатия населения выражается, примерно, следующими словами, которые приходится слышать все чаще и чаще: все, кто сидят наверху, воры и негодяи, но от нас самих ничего не зависит, потому что все давно решили без нас. И чем чаще проводятся выборы, чем громче власть кричит о демократии, тем сильнее укрепляется состояние апатии общества.

Соловьев перевел дух и что-то отхлебнул из чашечки. И пока он отхлебывал и переводил дух, я подумал – очень хорошее начало, очень обнадеживающее! Первый известный мне политический лидер (нашего поля), признавший информацию главным политическим орудием нашего времени. Признавший сам факт информационной массовой манипуляции сознанием. Это то, что мы постоянно пытались внушить тому же старому крылу «Руси», тем же «Пушкинистам».

Информационные технологии – вот основное орудие нашего порабощения, и прорыв информационной блокады – первостепенная задача. Все остальное: борьба за русский язык, митинги против насильственной украинизации, или покупка учебников для русских школ – дела нужные, но второстепенные. Прорыв информационного гипноза – вот главная задача! Главнее ее может быть только спасение души!

А Соловьев между тем заговорил о совсем интересных вещах. Мол, нынешний расклад политических сил на Украине, весьма необычный. С одной стороны, прозападная националистическая «Наша Украина», которую уже почти открыто поддерживают США. С другой стороны, украинская олигархия, группирующаяся вокруг нынешнего президента.

Необычность же ситуации в том, что теперь оплотом незалежности являются не крикливые галицийские националисты из «Нашей Украины» (эти, чтоб напакостить москалям, готовы продать Украину кому угодно), а олигархи. Незалежная Украина – их проект. Ибо только благодаря распаду Советского Союза и обретению «независимости» они стали олигархами. Хозяевами заводов, шахт, пароходов.

– ... Итак, Вашингтон хочет посадить своего человека в Киеве, – подытожил Соловьев – например, того же Ющенко. А может, и Тимошенко. Это нужно Америке для более успешного противостояния России. В связи с этим украинская олигархия получила уникальный шанс взять курс на интеграцию с Россией. На восстановление позиции Украины в Восточнославянской Православной цивилизации...

Последние три слова, особенно второе, бальзамом легли на мою душу. Соловьев сразу вырос в моих глазах – да он не только об информационных технологиях знает, но и о противостоянии цивилизаций, и о том, что в основе нашей лежит Православие. Да, это уже что-то!

– ... Но кучмовская бесхребетная олигархия, – продолжал Соловьев, – предпочла и дальше играть и нашим и вашим. Как она и привыкла. Насиловать общественное сознание несуществующим «общеевропейским выбором». И блокируя любой другой выбор. В итоге, маемо то, шо маемо.

Соловьев сделал паузу. В зале повисла гробовая тишина. Соловьев заговорил снова, но теперь слова он ронял медленнее, как бы акцентируя каждое слово:

– Как показали последние выборы, для любой силы, олицетворяющий собой Восточнославянский прароссийский выбор, пусть в СМИ заказан. А это значит, что при отсутствии информации из первых уст, можно безнаказанно создавать какую угодно лживую картинку о нас.

– Наша задача: прорвать националистическо-олигархическую информационную блокаду. Поэтому нами, – слово «нами» Соловьев подчеркнул особо, – принято решение о создании Русского медиа-холдинга. Объединение средств массовой информации, стоящих на позиции общерусского единства.

– Нам нужно воссоздать тот пласт информации, который отражает мнение большинства населения, придерживающегося идеи единства Восточнославянской цивилизации. А воссоздать мы можем его лишь сообща. Вот поэтому мы и пригласили вас на съезд...

– Наконец-то сказал самое главное, – жарко шепнул мне на ухо Михаил.

Неужели, – подумал я, – неужели все наши «библиотечные» и «кухонные» надежды имеют шансы осуществиться!

Я огляделся. Все вокруг стало таким значительным. И немного таинственным! И конференц-зал, и делегаты, и руководство партии, и ее эмблема в виде трех лошадок; даже стул на котором я сижу.

Все неспроста. Все продумано...

Соловьев поблагодарил за внимание. Раздались бурные и весьма дружные аплодисменты.

Следующий выступающий выглядел вполне представительно. Полноватый такой дядечка в костюме и при галстукe, с профессорской бородкой. Где-то тех же лет, что и Соловьев.

– Валуев Александр Васильевич. Главный идеолог партии.

Михаил не ошибся. Александр Васильевич прокашлялся и с ходу заявил, что речь пойдет об идеологической платформе «Русского Союза». Ибо одна из причин неудачного проведения избирательной компании есть отсутствие четкой идеологической платформы. Вместо нее – туманная смесь левых лозунгов, ностальгии по СССР, пролетарского интернационализма и прочих заимствований из программ левых партий.

– ...Идеологическая мешанина привела к кадровой неразберихе. Так некоторые наши соратники во время избирательной компании перевернулись к социалистам и коммунистам. – В этом месте главный идеолог партии посмотрел именно на меня (или мне показалось?) Но глупейшие, смешные мысли полезли в голову.

А если сейчас Валуев скажет – вот, например, Булычев, сидящий в восьмом ряду. Да-да, не стесняйтесь, поднимитесь-ка на сцену. Расскажите-ка, как Вы продали душу коммунистам. Сколько они Вам заплатили? И что Вы делаете на нашем съезде?..

И что я скажу?

Скажу – заплатили копейки, если мерить депутатскими мерками. Но при моей нищете – нормальные деньги. К тому же, платили вовремя, что очень важно. И работка была непыльная, как Партайгеноссе и обещал. Надо было проташить через выборы на одном из избирательных округов нашего города одного мордворота из компартии. Личность совсем непролетарского вида – здоровый, чернявый, весь лоснящийся жиром. Ездил он на шикарной иномарке. Деньги платил из личного кошелька, (верней, из барсетки).

Да, мне близка идеология «Русского Союза» – скажу я. К тому же, предвыборный штаб «Союза» в нашем городе возглавил ни кто иной, как наш интеллигент Сергей! Когда я об этом узнал, не сильно-то и удивился. Сразу вспомнился разговор Сергея с генералом по поводу Соловьева и его «Союза». Генерал его предупреждал, очень предупреждал... Но теперь его предупреждения не звучат слишком серьезно – где генерал, где «Русь»?! А

«Русский Союз» вот он, живет, дышит еще и на выборах как самостоятельная сила участвует.

Сергей перетянул в предвыборный штаб Михаила. Михаил позвонил мне, предложил работу, но уже не в штабе, «чернорабочим»: клеить по ночам плакаты и распространять на рынках листовки. Все это за копейки. А уже начиналась непыльная и гораздо более денежная работа у коммунистов. Я пометался между работой на мамону и на идею... и выбрал первое, коммунистов...

А вообще-то тусклый блеск монет тогда изрядно подпортил наши взаимоотношения. Да, все по-прежнему общались друг с другом, кто чаще, кто реже. Но, как-то перестали доверять друг другу. Сколки пошли, подозрения появились. И все это порой на ровном месте.

Максим обиделся, и именно на Михаила, что, мол, втихаря поделили деньги Соловьева и должности, а нас пригласили на низовую работу. Михаил стал подозревать меня в идейной нестойкости, а Максима обвинять в злословии. Впрочем, после выборов все подозрения сошли на нет, меня и Михаила объединило одно общее дело – журнал. А вот Сергей в издании первого номера не участвовал, потому что крупно поругался с Михаилом во время предвыборной компании... Одним словом, силен золотой телец...

Голос главного идеолога партии вернул меня в конференц-зал. Александр Васильевич продолжал громить левых:

– ...Самая главная идеологическая ошибка во время выборов, это стремление переагитировать часть левого электората. Пустая трата времени! В России на этот счет провели серьезные исследования и выяснили, что избиратели Зюганова никакому переубеждению подвергнуты быть не могут...

Сразу же вспомнился наш Санчо Панса с его «я все понимаю, да, Русская идея, да Православие но... Ленина не трогать»...

– ... И вообще левые лозунги – это вчерашний день. Будущее за правой идеологией. Только правая идеология позволит нам сохранить свой язык, свою традицию и свое место под Солнцем. И у нас, на Украине, и в России правая ниша не занята. Прошу обратить особое внимание! – Валув поднял вверх указательный палец, он говорил так, словно читал лекцию своим студентам. Так называемый «Союз Правых Сил» Немцова и прочие либеральные партии, именующие себя правыми, на самом деле таковыми не являются. Это все те же левые партии, потомки эсеров, кадетов и меньшевиков. Пора выходить из коридора марксистской политэкономии. Конкретный выход предлагает нам Сергей Кара-Мурза...

В этом месте у меня совсем потеплело на душе: Кара-Мурза весьма популярен в нашем узком кругу.

– ... Он предлагает вернуться к развилке «общество рынка – общество семьи». В таком случае наша партия, декларирующая традиционные ценности, будет отстаивать ценности общества, семьи. То есть, правые ценности. Итак, подведем итог, – сказал главный идеолог, – будем определяться. Либо мы очередная левая партия, которая приведет страну к тому, к чему привел Молдавию Воронин. Либо мы принимаем жесткую правую программу и занимаем незанятую правую нишу... Благодарю за внимание.

Валуев слегка поклонился и быстро сошел со сцены. Главное, по-видимому, было сказано. Теперь выступали все, кому не лень.

На трибуну выбрался молодой парень с широким скуластым лицом и горящим взором. Парень был в черной рубашке, застегнутой на все пуговицы. Я еще подумал: вот кому бы настоящему кличка «Партайгеноссе» подошла бы.

Новоявленный Партайгеноссе, эмоционально покачиваясь за трибуной, начал рассказывать делегатам почему он покинул ряды коммунистов. Я еще подумал – когда же ты у коммунистов успел побывать? Доверия к молодому Партайгеноссе у меня не возникло, я слушал юношу вполуха. Собственно, ничего нового в его речи не было. Это была та же тема Валуева, продолженная далее.

Мол, рядовые члены компартии честно платят взносы, порой из своих последних сбережений. Честно ходят на митинги, на которых клеймится антинародная власть. А в это

время их вожжи, отнюдь не бедствуя, голосуют в Верховной Раде за антинародные законы этой самой антинародной власти. В итоге получается этакий гигантский свисток паровоза в масштабе всей страны. Люди ходят на бесконечные митинги, как на рок-концерты, спускают там «протестный пар», а паровоз по имени Украина и дальше продолжает себе спокойно двигаться в пропасть...

Выступили еще несколько человек с незапоминающимися речами. Наконец к трибуне пробрался Михаил. Представившись главным редактором журнала «Новороссийский Вестник», он произнес короткую, но эмоциональную речь на тему, доселе здесь не звучавшую (почему она и запомнилась).

Тему можно обозначить так: Церковь вне политики. То есть, как я понял из выступления, этот тезис постоянно вдалбливается в головы верующих, в итоге уже само слово «политика» стало чем-то ругательным. Прикрываясь закливанием (Церковь вне политики), либералы и связанные с либералами церковные бюрократы вдалбливают в головы верующих, что отстаивание своих интересов есть признак гордыни, непослушания и так далее.

– ...Но что значит, Церковь вне политики?! – спросил делегатов съезда Михаил. – Тело Христовой Церкви, действительно, вне политики, как и вне стихий мира сего. Но сама земная Церковь может ли быть вне общественного служения, вне той же политики?

– И если Церковь вне политики, то куда тогда девать святого Александра Невского, Иосифа Волоцкого, или совсем недавно прославленного Федора Ушакова. И стоит ли нам, шарахаясь от слова «политика», добровольно загонять себя в резервацию. Как того и хотят от нас наши враги. Ведь если мы не займемся политикой, то политика тогда сама займется нами.

Закончив, Михаил от волнения едва не свалил трибуну. Раздались аплодисменты и довольно громкие.

После Михаила выступала какая-то девушка, кажется, из славного города Одессы. Говорила что-то о Пушкине и Достоевском в контексте современной украинской политики. Наконец, долгожданный момент; тяжелый занавес падает, скрывая трибуну. Всех приглашают в ресторан... Собственно, рестораном и закончилась для нас киевская часть русской политики.

Синедрион

Отец Леонид ожидал вызова к архиерею на первом этаже епархиального управления. Стоял он возле самого входа в двухэтажное здание у распахнутой настежь входной двери, на сквознячке. Разгорался жаркий южный день середины лета. Ночью прошел ливень с грозой, и пока с утра еще тянуло редкой в это время года прохладой. Но день обещал быть жарким и душным.

Текли томительные минуты ожидания, владыка как будто проверял характер опального батюшки на прочность. Отец Леонид в который раз с тоской поглядел на лестницу, ведущую в приемный покой архиерея, кабинет секретаря епархии и в большую просторную комнату, где проводились епархиальные заседания. Только конвоя по бокам не хватает, – с горькой иронией подумал он.

На лестнице послышались шаги. Это спускался секретарь епархии. Секретарь был молод, моложе отца Леонида. Но его невысокая кряжистая и широкая, как у какого-то сказочного гнома фигура, весьма уверенно стояла на земле. Она как бы говорила: своего на этом свете я не упущу. Странно не вязалась эта фигура с утонченным и бледным от постоянного сидения в кабинете «интеллигентным» лицом и светло-голубыми, осторожно заглядывающими в душу глазами. Однако, сейчас секретарь старательно прятал взгляд от отца Леонида.

– Пойдемте, батюшка, – не очень дружелюбно буркнул он.

Ишь, отъелся – раздраженно подумал отец Леонид. И тут же спохватился, вспомнилась последняя беседа с духовником, вчера вечером. Он просил молитв и совета, как вести себя

перед архиерейским собранием. Архимандрит Илларион обещал помолиться и дал один совет. По возможности молиться самому.

Лучше всего, творить Иисусову молитву и ни в коем случае не поддаваться страстям. Никого не осуждать, быть спокойным и доброжелательным. На вопросы по крайней необходимости отвечать: «да-да, или нет-нет». Держать в сердце пример, поданный Господом нашим – как Он стоял пред судилищем, пред синедрионом.

Поднимаясь по лестнице, отец Леонид услышал голос архиерея. Владыка что-то читал, громко и раздельно. Слышно было очень хорошо, из-за жары все двери были раскрыты. До слуха отца Леонида долетели слова:

– ...Серьезной проблемой остается так называемое младостарчество – явление, связанное не с возрастом священнослужителя, а с отсутствием у него трезвого и мудрого подхода к духовнической практике.

– Вот, например, деятельность священника нашей епархии отца Леонида... – Голос владыки звучал теперь менее уверенно, видимо это он уже не зачитывал, а говорил от себя. – ...Этот батюшка создал вокруг себя самочинное сборище, так называемую Библиотеку, где за чаепитием постоянно критикуется священноначалие и сеется смута и разлад среди верующих...

На этих словах секретарь вместе с отцом Леонидом вошли в просторную комнату, где за длинным столом сидело с десятков священников. Во главе стола под иконой Спасителя восседал сам владыка. Повисла пауза. Владыка задумчиво разглядывал какой-то листок с мелко отпечатанным текстом (видимо, послание патриарха). Остальные присутствующие старались не смотреть в сторону опального батюшки.

Отец Леонид пытался выглядеть как можно спокойнее, он творил Иисусову молитву. Но мысли произвольно вторгались в сознание, проносясь параллельно со словами молитвы. И все же молитва не давала уму воспарить в мечтательность, вызвать ненужные страхи, или наоборот, раздражение и гнев. Стесненный ум работал, как глаз птицы – все подмечал, но глубоко не анализировал.

Отец Леонид с ходу заметил, что священники собраны наспех, сумбурно. Почти все они люди епископа, за исключением нескольких, которых он считал своими. Епископ поднял на отца Леонида свой тяжелый, уставший взгляд и с болезненной grimасой на лице спросил:

– Вы слышали, что я читал, батюшка?

– Да, – коротко ответил отец Леонид.

– И Вам нечего сказать?

Отец Леонид промолчал. Тогда архиерей сделал знак рукой. Поднялся молоденький розовощекий батюшка.

Отец Василий – вспомнил отец Леонид.

А привел его в Библиотеку не кто иной, как отец Геннадий. Мол, свой человек, пусть посидит, послушает. Свой человек и сдал все наше собрание епископу.

Отец Василий бросил испуганный взгляд на отца Леонида и, потупив очи долу сказал, мешая украинские слова и русские:

– Отца Леонид у своей Библиотеке казав, шо не треба слухать епископа.

Ложь! Никогда я ничего подобного не говорил, – вспыхнуло в уме отца Леонида... и погасло. Отец Леонид продолжил невозмутимо творить Иисусову молитву.

А епископ, тем временем, обратился к молоденькому батюшке, и в голосе его прозвучала отческая теплота:

– Ну и как он казав? Расскажите-ка нам, не бойтесь.

Запинаясь, отец Василий начал свой рассказ. Мол, собрал как-то отец Леонид в своей Библиотеке батюшек, недовольных архиереем. И решили они все вместе ехать в соседнюю епархию жаловаться тамошнему владыке, члену Священного Синода. Мол, не дают развернуться, кидают с прихода на приход, нет миссионерской деятельности, душится всякая инициатива, на ключевые места ставятся «свои люди» (земляки епископа), а местные батюшки оттираются... и так далее.

Претензий и жалоб накопилось много. Но пожаловаться не пришлось. И все стараниями отца Василия. В этот же день о заговоре против архиерея стало известно самому архиерею. Поездка потеряла смысл.

Закончив рассказ, отец Василий сел, отирая пот со лба.

– Вам есть что сказать? – обратился к отцу Леониду епископ.

Отец Леонид промолчал.

Тогда встал следующий батюшка. Потом еще один. И еще один. Все они произносили краткие обвинительные речи, вспоминали, где и что отец Леонид сказал что-то против архиерея или нарушил церковную дисциплину.

Было и обвинение в небрежении церковной соборностью. То есть, делает все отец Леонид как-то слишком своевольно, не посоветовавшись с Соборным разумом Церкви и не испросив благословления. Еще в епархии бывает крайне редко. Живет непонятной, отдельной от церковной полноты жизнью.

Опальный батюшка слушал обвинения в свой адрес вполуха. Он продолжал творить Иисусову молитву.

И вот встал важный иеромонах с ухоженной вороной бородой. Звали иеромонаха отец Иоанн. Он был одним из ближайших людей епископа. И заговорил он, ни много ни мало, о мироточении иконы святого Царя-Страстотерпца Николая Второго. У отца Леонида сразу потемнело в глазах. Молитва сбилась. Сердце сжалось от холода, а потом закипело от негодования.

Отец Иоанн замахнулся на святая святых! Ничуть не смущаясь, заявил, что не было никакого мироточения иконы Царя. Опальный батюшка разыграл фарс для поднятия своей популярности. А народ наш после времен безбожных и атеистических падок теперь на всякие там чудеса.

Как не было мироточения иконы?! – захотелось закричать отцу Леониду. – А свидетели, а их подписи, это что, ничего не значит?!

Епископ словно почувствовал изменившееся внутреннее состояние отца Леонида, его мысленный крик. Он пристально на него посмотрел, и взгляд его как бы говорил: ну давай, не молчи, выскажись, а мы запишем. Но отец Леонид промолчал. Он словно окаменел, окаменело его тело, окаменели чувства. Иссякла молитва, и одна страшная мысль пронзила сознание; погасив собой яркий солнечный день за окном, горящий золотым огнем купол Храма:

Да они же все здесь безбожники, да у них же нет ничего святого! И посему готовься к самому наихудшему...

Тут же последовал следующий удар. Встал отец Александр, которого он считал своим. С трудом выдавливая из себя слова, отец Александр стал жаловаться на то, что у него отец Леонид забирает требы. Жадный, значит. Своих треб ему мало, он чужие гребет.

Да как он может, да это чудовищная, мелочная и от того вдвойне подлая ложь! – кричало все в отце Леониде.

Один раз я хоронил на твоей территории свою собственную тещу, твою прихожанку. Ну, так это была моя теща! Я ее исповедовал и причащал перед смертью, и последняя воля умирающей была, чтобы я ее отпел. Я! А ты бегал все вокруг, все свои услуги предлагал... И так все теперь перевернуть с ног на голову!

– Отец Александр, ты сошел с ума, – вырвалось из груди отца Леонида, почти помимо его воли.

Отец Александр запнулся и сел, не закончив мысли. Но еще не успел он облегченно вздохнуть, сев, как в дверях возник староста кафедрального собора. Вместе с секретарем епархии.

– Вы, кажется, что-то хотели нам сказать, Сергей Петрович? – спросил его епископ.

– Да, владыка, – живо откликнулся староста храма и поддался корпусом вперед. – Несколько месяцев назад отец Леонид в личной беседе со мной назвал Вас бичом. Да, так и сказал: был у нас раньше, до Вас, хороший епископ, а теперь бич какой-то.

– То есть, божж, – уточнил епископ. – Очень интересно. Что скажете на это, батюшка?

Отец Леонид стремительно терял самообладание. Кровь бросилась ему в голову. Еще секунда, и он сорвется на крик, скажет что-то колкое в адрес архиерея и собрания. А потом покинет епархиальное управление и никогда больше не вернется. И прочь, прочь из епархии в леса, в скит!

– Я не понимаю, что здесь делает мирянин? – Последним усилием воли отец Леонид убрал из своего голоса все эмоциональные нотки, голос стал ледяным, безжизненным.

– И как он смеет так нагло лгать на священнослужителя? Это наглая ложь! Я вообще не понимаю, к чему весь этот спектакль, владыка? Я здесь как подсудимый, или как брат во Христе?

– Конечно, конечно, как брат во Христе, – изрек епископ самым благожелательным тоном, а сам извлек из ящика стола какую-то бумажку. Весь вид архиерея как бы говорил, давай-давай, не молчи. А мы все зафиксируем. И отец Леонид действительно решил высказать все, что он думает по поводу «папистских и иезуитских» методов правления епископа. И вдруг перед его мысленным оком предстало лицо архимандрита Иллариона, вспомнились его наставления: не поддаваться на страсти, а на все вопросы отвечать «да-да, нет-нет».

А потом в голову очень простая мысль пришла – владыке нужен компромат на него. Наверняка готова бумага о его непослушании и неподчинении, и в ней, скорее всего, подписались все здесь присутствующие духовные лица. Осталось запротоколировать сам факт непослушания. Вот почему и пытаются его вывести из себя, чтобы он чего лишнего наговорил...

– Если я вам брат во Христе, тогда мне больше нечего сказать, – голос отца Леонида остался ледяным.

Епископ был разочарован. Он велел ожидать решения своей участи внизу, во дворе. Отец Леонид спустился вниз, вышел во двор и сел на скамеечку. На душе теперь было на удивление спокойно.

Лишат ли его прихода и перебросят в место «где Макар телят не пас», или вообще запретят служить, или еще что-то – сейчас ему было все равно. Где-то на периферии сознания мелькнула мысль самому подать за штат, а потом перейти в другую епархию. Но и она погасла. Отец Леонид решил во всем положиться на Волю Божию. Он достал из бокового кармана подрясника четки и принялся заново творить Иисусову молитву.

И Бог судил по-своему. Через час отец Леонид вместе с секретарем епархии и несколькими особо приближенными к архиерею лицами ехал к себе на приход. План был прост – раз не удалось выявить непослушание отца Леонида на месте, надо, значит, проверить, что делается у него в храме. И если что-то не так, можно будет как-то опального батюшку наказать.

Приехав на место, обследовали чуть ли ни каждый метр храма. Важный иеромонах Иоанн даже дотошно изучил икону Святого Царя. Видимо, искал в ней какой-то тайник, скрытый механизм, источающий мир.

Наконец, крамола была найдена. В алтаре, на Антиминсе были обнаружены крошки от Святых Даров. «Это что ж получается: недолжное отношение, непочтительное отношение к Святым Святым, Телу Христову! Вот Вам и налицо скрытый антиклерикальный модернизм отца Леонида».

– Все, батюшка, – сказал повеселевший секретарь, – готовьтесь к снятию с прихода.

– На все Воля Божья, – ответил отец Леонид и сам подивился своему спокойствию.

Секретарь тут же вышел на улицу доложить по сотовой связи о крамоле епископу. Епископ должен был подъехать с минуты на минуту, но все что-то никак не ехал.

Прошло полчаса, час, наконец, в церковь влетел владыка. Весь мокрый от пота и, похоже, чем-то встревоженный. Войдя в алтарь, он тут же потребовал пишущую ручку.

– Владыка, крошки на Антиминсе, – осторожно напомнил секретарь.

– А-а-а, – отмахнулся епископ, – аккуратнее надо быть, батюшка.

И владыка, не говоря больше ни слова, поставил на этом самом Антиминсе свою

залихватскую подпись.

– Служите, батюшка, – бросил он отцу Леониду и вышел из храма. Вслед за ним вышла его свита.

Хлопнули дверцы машин, раздался гул моторов. Потом все стихло. Отец Леонид остался один на один со звенящей в ушах тишиной. Ни звука, ни движения, ни дуновения ветерка.

Уж не приснилось ли мне все это – подумал отец Леонид.

Вот и вся политика

Полковник в отставке Нефедов Николай Константинович возглавил городское отделение «Русского Союза» где-то в середине лета. Михаил как раз заканчивал верстать третий номер «Новороссийского Вестника». Журнал по-прежнему был черно-белый. Несмотря на все заверения по поводу Русского медиа-холдинга, средства на журнал выделялись мизерные. Партия, мол, испытывает временные финансовые трудности. Украинские власти «перекрывают кислород», насылают, словно саранчу, бесчисленные орды «налоговиков» на предприятия, принадлежащие Соловьеву.

И все же, несмотря на внутривластный финансовый кризис, журнал становился все толще и толще. Увеличивалось число пишущей братии, статьи становились все объемнее, а аналитический анализ глубже. Журнал приобретал все большую популярность в узкой, но довольно активной и мыслящей политической, церковной и околоцерковной среде.

Не обходилось и без критики. Журнал критиковали (и вполне обоснованно) за тематическую эклектичность. Да, «Новороссийский Вестник» был пестрым и немного хаотичным: Лимонов и Дугин, Кара-Мурза и Назаров, Кураев и Душенов, идеи итальянского фашизма и православная эсхатология, исламский фундаментализм и христианская государственность – все находило свое место на страницах журнала.

Подборкой материала занимался лично Михаил, и в итоге журнал, по едкому замечанию Сергея, напоминал вывернутую наизнанку хаотично-целеустремленную душу главного редактора.

Тематическая непредсказуемость журнала не очень нравилась киевскому руководству. Им хотелось, чтобы было проще, понятнее, как рейшина, как магистральная прямая партии. Увы, не в восторге от журнала был и наш интеллеktуал Сергей:

Журнал не решает общеполитических задач «Русского Союза»; вместо того чтобы объединять всех под знаменем общего дела, создает вокруг себя «небольшую тусовку жаждающих печататься графоманов». И вообще, это несерьезно. Журнал нужен Михаилу, чтобы пиарить себя, любимого...

Вокруг Сергея сложился свой круг людей, любителей политтехнологий и масштабных проектов. Долгими «кофеиновыми» ночами рождались головокружительные идеи, от массового незаметного привлечения к «русскому делу» самых широких масс под видом, например, посадки деревьев, до создания автономного поселения. Чего-то среднего между эко-поселением и православной общиной.

Постепенно давал о себе знать и третий круг лиц – люди отца Леонида, монархисты. Ярые сторонники правой идеи (Православие, Самодержавие, Народность), борцы с коммунизмом в любых его проявлениях, романтики дореволюционной «золотой» России. А тут так совпало: Библиотека, журнал, Михаил, разговоры об общем деле. Сам Бог велел примкнуть к этому делу в рядах «Русского Союза».

Вот только стало ли дело общим?

Каждый видел спасение Русского Мира по-своему; одни – в прорыве либеральной информационной блокады, другие – в разработке политтехнологий, что неким чудесным образом всех объединят воедино, третьи – в немедленном воцерковлении всех русских и в приходе русского царя, четвертые – в социализме с «русским лицом», пятые – в спасении русского языка. Общее дело распадалось на клубы по интересам. «Русский Союз» трещал по

швам... И вот тут-то, словно из небытия, и возникает полковник Нефедов, сам, без Санчо Пансы, своего верного оруженосца.

Кажется, это была идея Сергея – привести старого знакомого, под руководством которого когда-то начинали спасение Русского Мира. Он и старше нас, и человек военный, полковник как-никак, ну, а что было тогда плохого, уже успело позабыться.

Я, Михаил и Партайгеноссе испытали даже волну ностальгии, когда Нефедов появился в «Русском Союзе». Он почти не изменился. Был так же худощав, те же бегающие черные глаза на смуглом южном лице, нервные движения руками. Тот же стиль разговора, та же эмоциональность. Все то же самое, ну, разве что, седины в волосах добавилось.

Полковник принес печальную весть. С полгода назад в автомобильной катастрофе трагически погиб генерал разведки в отставке Поляков Александр Григорьевич. Он возвращался из Москвы после удачных переговоров. Вот-вот должна была расправить свои крылья «Русь». Увы, вражеская стрела попала прямо в сердце.

Мы сочувственно покивали головами. Мне и Максиму стало стыдно за наши нелепые подозрения в связях генерала с СБУ. Михаил обещал молиться за раба Божия Александра...

По задумке Сергея, полковник, став председателем «Русского Союза», должен был, подобно монарху, воспарить над всеми нашими внутривнутрифракционными разнобойчиками и всех нас помирить. Киевское руководство ничего не имело против. Спустя две недели, в необычайно знойный день полковник стал председателем «Русского Союза».

– Будем работать, – сказал он, отирая пот со лба. – У меня все просто, по-военному, без плетеных словес. Дисциплина превыше всего. Одно общее дело делаем... Журнал? Пусть будет журнал! Митинг? Митинг. Какая-нибудь акция, внедряем. Церковное мероприятие – вперед!.. Главное, не ссориться, – Нефедов сделал широкий жест рукой, словно очерчивая магический круг в воздухе. – Одно дело делаем, – повторил он.

И дело, вроде как, началось, да только шло оно совсем недолго. И было не столь уж и общим. Люди отца Леонида отнеслись к Нефедову холодно. Они заподозрили в нем человека мирского, почти неверующего и вдобавок разделяющего левые идеи, сочувственно относящегося к большевистским вождям. (Полковник имел неосторожность в присутствии людей отца Леонида высказать свои симпатии по поводу Сталина). Люди отца Леонида почти прекратили появляться в штабе (разве что за новыми номерами журнала заходили).

Само же «дело», призванное по замыслу Нефедова «объединить всех», заключалось в бестолковой суете по поводу поиска нового офиса партии. Увы. Побегали, пошумели, поделали деловой вид, и уже через месяц опять распались на клубы по интересам.

Кто-то занялся детальным изучением русской и церковной истории эпохи смут и расколов для нового номера «Новороссийского Вестника». Кто-то вдруг с партийного строительства переключился на строительство яхт. Кто-то встал на защиту отца Леонида, на которого восстал «яко рыкающий лев» князь Церкви в лице архиерея. А в штабе партии, тем временем, стали появляться странные люди, похожие на суетливых завхозов.

Первым появился пожилой, седовласый и представительный человек, чем-то смахивающий на важного грифа. Появился он как раз в то время, когда мы носились с поиском офиса. Представился старым приятелем полковника и директором какого-то там предприятия (название предприятия и род его деятельности сразу же вылетели из головы).

Предложил помещение под офис – целое здание! Аккуратное с виду, небольшое, двухэтажное, в центре города (пять минут ходьбы от Библиотеки!) – сказка. Однако изнутри все выглядело совсем не сказочно. В здании был отключен свет, телефон и водопровод. За неуплату. Причем сумма долга была астрономической. Требовалось этот огромный долг погасить и спокойно себе вселяться.

Полковник и человек, похожий на грифа, уже почти что ударили по рукам. Полковник даже обежал вокруг здания, присматривая место, куда можно будет воткнуть флаг партии. Но сумма долга оказалась для партии неподъемной. Киевское руководство на сей счет сообщило, что дешевле приобрести однокомнатную квартиру под офис, чем такой долг оплатить. Идея с переездом была благополучно похоронена. Седовласый и

представительный директор «не пойми какого предприятия» временно пропал.

Прошел месяц. За окном был самый конец августа, измотавшая всех жара, наконец-то, спала. Стояли теплые и солнечные безветренные дни, «бархатный сезон». У редколлегии журнала пробуждались новые творческие силы. В штабе партии царило оживление, мирное и тихое, как погода за окном. Однако творческое оживление захватило, как выяснилось, не только нас.

В один из дней конца августа в офисе партии внезапно появился наш старый седовласый знакомый, похожий на грифа. И появился не один, а с еще несколькими представительными (и не очень) дядечками. Дядечки представились соратниками полковника по «Общевойсковому Союзу», компартии, соцпартии, аграрной партии и вообще по борьбе за права трудящихся.

И потекли рекой предложения и проекты, от закупки учебников для русских школ до закупки и продажи зерна. А потом потекли партийные денежки, в карман к Нефедову и далее в неизвестном направлении.

Все это изрядно нервировало Михаила, нервировал постоянный шум в офисе, нервировала пустая трата денег (а Михаил, как выяснилось, считать их умел). Михаил нервничал все больше и больше, обзывал пришлых соратников полковника завхозами и все чаще и чаще ругался с Сергеем. Мол, глупой была твоя затея с полковником. Вместо партийного единства получили каких-то сумасшедших завхозов, проходимцев, имеющих к русской идее такое же отношение, как мы к освободительному движению в Анголе.

Сергей нервничал, кричал, пил кофе, принимал успокоительные таблетки и доказывал Михаилу одну простую истину – он беспринципный эгоист, гнилой интеллигент, «пиарщик», ничем, кроме своего журнала, не интересующийся. А они, то есть, завхозы, они и есть народ, который надо правильно организовать и направить. А для этого надо уметь их выслушать, дать им реализоваться, а потом грамотно подключить их к русскому делу.

Пока они спорили, завхозы договорились до идеи продажи БТРов.

– Дело известное, – утвердительно сказал один из них, представившийся в день нашего знакомства «аграрием».

Аграрий стал рассказывать, как он продал несколько БТРов в Чечню, в первую чеченскую компанию. И как с ним на связь чуть ли не Бараев выходил... Лица наши вытягивались все больше и больше. Наконец Михаил не выдержал:

– Что Вы несете?! – прокричал он тонким срывающимся голосом, – какие БТРы, какая Чечня, какой Бараев! Да, Вы вообще, русский человек?!

– Да я... это ж... это ж было тогда, в 90-е... это, другая ситуация, – аграрий взмахнул своими коротенькими ручками на упитанном коротком теле, густо покраснел. Понял, видимо, что палку перегнул. А Михаил уже ринулся в атаку. В правой руке он держал свернутый в трубочку третий номер «Новороссийского Вестника». Размахивал им как мечом.

– Вы продавали БТРы, из которых потом стреляли в наших русских солдат. Совсем еще, кстати, мальчишек. И лилась русская кровь. И русские слезы, да, у этих солдат были еще матери, которые не дождалась своих сыновей. Ибо их сыновей расстреляли с того самого БТРа проданного Вами боевикам... И вообще, – Михаил перевел дух и закончил свою гневную тираду, – я больше не желаю участвовать во все этой клоунаде!

Михаил демонстративно покинул офис партии. Повисла неловкая растерянная тишина. Побледневший полковник мучительно всплеснул руками, словно спикер Верховной Рады пред отставкой, и скороговоркой проговорил:

– Не надо, не надо ссориться. Не надо. Одно же дело делаем, в самом деле. Одно. – Полковник сморщился как от зубной боли и обратился к аграрию, – Петр Петрович, но это ты совсем перегнул палку, совсем.

Но, похоже, палка уже не перегнулась, она переломилась. Партийный механизм полностью сошел с колес и помчался под откос. Михаил, временно, перенес верстку журнала в Библиотеку. Так в Библиотеке узнали все: и про нашествие на партию завхозов и про БТРы. Возмущение у людей отца Леонида было не меньшее, чем в те времена, когда епископ не благословил противостоять визиту римского папы.

«Вместо русского дела служение мамоне. Сплошное предпринимательство. Где гарантия, что эти люди всю русскую идею за тридцать сребреников не продадут?.. Они же духовно нездоровые личности. У них же замашки мелких коммунистических партторгов...»

Люди отца Леонида слали гневные депеши в Киев, звонили, ездили, просили переизбрать полковника. Ради сохранения «Русского Союза» в нашем городе. Подобрали и кандидатуру, что, по мысли людей отца Леонида, должна была прийти на смену полковнику. Это был человек, стоящий у самого основания Библиотеки, как бы негласная правая рука отца Леонида в миссионерском центре, хозяйственная часть этого центра. Вел он себя пока очень неприметно, однако и на «серого кардинала» явно не тянул.

Звали кандидата в председатели «Русского Союза» Владислав, или, если с уважением, Владислав Иванович. Внешность Владислав Иванович имел самую заурядную: худощав, жилист, лет около сорока. Лицо маленькое, красное, глаза карие, немного бегающие.

Владислав пришел в Церковь после длительного пребывания у баптистов. Это наложило определенный отпечаток на личность. Владислав Иванович был непробиваемо рассудочен и рационален. И очень любил Священное Писание, часто цитировал его (прямо как баптистский пастор).

Владислав Иванович любил порядок и точное следование «инструкциям свыше». Все церковные предписания и правила он, по возможности, старался выполнять со всей тщательностью и скрупулезностью. А еще он любил (и это для нас была самая удивительная любовь) часами изучать нудную, банальную бюрократическую документацию. Он читал протокол какого-нибудь заседания с упоением, как поэму, как увлекательный роман.

Однако и полковник был не лыком шит, дружил с документацией не меньше, чем Владислав Иванович. Но здесь сказывались больше не любовь к документу, а банальная военная дисциплина, сила привычки. Начальство сказала: такой-то и такой-то отчет прислать, разбейся в лепешку, но вышли. И полковник все делал вовремя и в срок.

Раз в месяц он ездил в Киев и был там пред киевским начальством сама любезность и галантность:

– ... Так точно, Александр Васильевич. Сделаем, Александр Васильевич. Согласен, надо именно в этом плане усилить работу... Уже делаем, Александр Васильевич...

При этом полковник умел весьма цветасто обставить положение дел в нашей многострадальной организации. Мог без всякого вранья и подтасовки фактов дать именно такую картинку, какую хочет видеть начальство.

Киевское руководство едва ли не влюбилось в Нефедова. И менять его на какого-то там невзрачного Владислава Ивановича совсем не собиралось. Но в партии был разброд и шатание, и волей-неволей пришлось на конец октября назначить большое собрание.

И собрание состоялось. Кого на нем только не было; помимо представителей «Русского Союза», пригласили еще «пушкинистов», вместе с незабвенной «большевичкой» Лерой Матвеевной, были и представители «Общевойскового Союза» (полковник обеспечил себе поддержку), а среди них – наш старый знакомый Санчо Панса.

Уже перед самым началом собрания появились люди отца Леонида. Олег, что когда-то боролся с самим магом Казиновским, гордо нес невиданный доселе в нашей партии огромный стяг. Знамя приковало внимание присутствующих чуть ли не мгновенно – белое вверху, желтое, огненно-солнечное посередине и черное снизу. Непривычно расположенные яркие цвета флага – то есть ими, этими своими цветами как бы само полотнище заявляло: я флаг монархический и черносотенный, а знамя красное и на дух не выношу...

Партайгеноссе, сидящий рядом со мной, подтвердил, что флаг, который внесли люди отца Леонида, есть официальный и монархический. Более того, таким именно флагом пользовался и «Союз Русского Народа». Тот самый, который враги России окрестят «Черной Сотней».

По залу прокатилась волна возмущенных возгласов: «Что это за флаг?! Что это такое?! Зачем нам монархическая пропаганда? Мы не монархисты, разве за это наши отцы кровь проливали. Кому эта монархическая пропаганда нужна?!» Возмущалась добрая половина собравшихся. Среди них я заметил и представительного дядечку, похожего на грифа. Ну а

громче всех визжала, конечно же, Лера Матвеевна.

– Начинается, – шепнул мне на ухо Максим.

Люди отца Леонида в долгу не остались. Олег громким и официальным тоном потребовал немедленно убрать портрет Ленина, который, оказывается, висел себе тихонечко в самой задней части небольшой сцены Дома Ветеранов, где и происходило собрание.

– Убрать могильщика России, – поддержал Олега Андрей и яростно блеснул своими грустными семитскими глазами.

– Сам ты могильщик, – пророкотал ему в ответ бас Санчо Панса.

Вперед выдвинулся какой-то маленький лысый человек. Смешно подпрыгнув и всплеснув руками, он прокричал:

– Ленин – спаситель России! Он спас Россию от либерального Февраля. Понятно?! Могильщик России – Ваш царь! Понятно?!

– Что?! – В один голос вскричали люди отца Леонида и стали стеной надвигаться на маленького лысого человечка.

Неизвестно, чем бы все кончилось (может быть и нормальной «депутатской» потасовкой), но тут появилось киевское начальство вместе с полковником. Полковник попросил тишины. Попросил раз, попросил два. И лишь на третий раз, когда он уже очень громко попросил тишины, разбушевавшееся собрание кое-как уgomонилось. Тут же выступил Соловьев, сказал, что никак не может взять в толк, почему мы в русскоговорящем городе не можем помириться и организовать, наконец, нормальное движение. «Почему?!» Вопрос повис в воздухе.

Собрание шло до позднего вечера. Оно было сумбурным и практически не отложилось в памяти, собственно, все свелось к многочасовому голосованию и постоянным взаимным упрекам и претензиям.

Еще перед собранием со мною и Партайгеноссе беседовал наш интеллектуал Сергей. Убедительно просил поддержать полковника. И убедил. Действительно, Владислав Иванович лошадка темная – сухой и жесткий ортодокс, бюрократ. Как он будет председательствовать? Страшно и представить. А полковник все же наш, известный человек. Его характер и привычки изучены.

– Завхозов приструним, – пообещал нам Сергей. Мол, на сей счет есть уже договоренность с полковником.

Подобную беседу Сергей провел и с Михаилом. Разве что еще пообещал помочь с версткой журнала (как раз верстался первый цветной номер). И вроде бы как Михаил нехотя согласился с аргументами Сергея. Но далее произошло следующее: началось голосование, голосовали за полковника и за Владислава Ивановича. И полковнику не хватило всего одного голоса. И голосом этим стал, по иронии судьбы, не кто иной как Михаил. Он сперва воздержался, потом голосовал за кандидата от Библиотеки, потом опять воздержался. И вот тут-то руководство и показало нам, что такое «управляемая демократия». Голосовали еще и еще, до одури. Однако результат оставался прежним.

Наконец кто-то не выдержал и покинул зал. У полковника оказалось на два голоса больше. Тут же Соловьев с радостью всем сообщил, что волеизъявлением «большинства» председателем остается Нефедов.

Люди отца Леонида уходили в гробовом «протестном» молчании. Выносили монархический флаг. И как только флаг вынесли с наших «большевиков» как заклятие сняли. Толпа кинулась поздравлять полковника с победой. Однако по растерянному лицу полковника было видно, что победа эта весьма и весьма спорная.

– Вот и вся политика, – сказал мне Партайгеноссе, – покричали, пошумели и еще больше возненавидели друг друга. Нет в нашем городе организованного русского движения. – Партайгеноссе вздохнул, – идем, что ли, на улицу.

Вышли на улицу. Люди отца Леонида исчезли бесследно. Исчез и Михаил. На душе мучительная неудовлетворенность собранием и вообще всем происходящим, опустошенность на душе. Русский Мир разделился не только вовне, он еще разделился и

внутри меня. Двоятся мысли, двоятся чувства. Одним симпатизируешь идеологически, к другим сугубо человеческая симпатия.

Несмотря ни на что, остается теплое чувство к полковнику, полковника жалко. Но еще более обидно за монархическую идею, больно было слушать обвинения в адрес Царя-Страстотерпца, как бы он ни правил, но взгляд его глаз я не забуду никогда.

Во время дурацкого многочасового голосования часто ловил себя на мысли, что монархисты отца Леонида абсолютно чужды киевскому руководству. Руководство не просто симпатизирует полковнику. Нет. Оно, руководство, симпатизирует вообще «левому лагерю» – даже не так – левому мироощущению. Тут ничего не поделаешь, эти люди сформировались как личности в СССР. И остаются такими, даже если яростно критикуют коммунистов. Это на всю жизнь, тут ничего не изменишь. И, похоже, здесь тупик любому нашему политическому движению.

Библиотеки больше нет!

Звнящая в ушах тишина, которую испытал потрясенный необычным исходом дела с Антиминсом отец Леонид, была весьма обманчивой. Впрочем, батюшка и не строил никаких особых иллюзий на этот счет. Он просто верил: так чудесно история с «крошками на Антиминсе» разрешилась по молитвам его духовного отца, и знал: владыка на этом не остановится.

И все же, что заставило епископа быстро расписаться на Антиминсе и уехать?

Через несколько дней отец Леонид узнал одну интересную подробность этой странной истории. Узнал он это от своего благочинного, который также был на собрании, но не произнес в присутствии отца Леонида ни слова (благочинный тайно сочувствовал опальному батюшке).

Случилось же следующее: когда батюшки, что были на «Синедрионе», толпой высыпали в епархиальный двор (а произошло это сразу после отъезда отца Леонида на приход), им на встречу попался отец Петр, молодой и немного испуганный человек, земляк епископа. Увидев необычайное скопление духовных лиц отец Петр вытаращил глаза:

– Шо таке? Шо трапылось? На шо вы тут все собралысь? А?! Святы отцы!

Отец Олег, большой любитель пошутить, многозначительно возвел очи в белесое небо:

– О, брат, тебе не понять, – сказал он загадочным голосом. – Слишком, слишком высокие церковные сферы здесь задействованы.

Отец Петр открыл было рот, желая уточнить, о каких именно сферах идет речь. Но, испугавшись своего же вопроса, промолчал. Потоптался еще минут пять возле батюшек, жадно вслушиваясь. Однако ничего интересного не услышал. Духовные лица жаловались на жару, говорить же о загадочных церковных сферах явно не собирались.

Отец Петр вздохнул и направился на прием к владыке. Где и доложил о «высоких церковных сферах». Епископ воспринял шутку всерьез. Кто его знает, этого отца Леонида. И если он архиерею, члену Священного Синода жаловаться пытался, мало ли что еще удумает...

Тут, возможно, и вспомнился неподписанный Антиминс. Владыка все как-то не торопился ставить свою подпись, словно она, эта подпись, неким магическим образом переведет опального батюшку в разряд «своих». А тут вот вспомнилось. И епископ, скорее всего, решил не рисковать – опального батюшку пока не трогать, а вот подпись поставить, мало ли что.

Отца Леонида оставили в покое, а вот в Библиотеке спустя некоторое время произошел один неприятный инцидент. В один из тихих теплых деньков конца августа, как раз когда «завхозы» наводнили наш многострадальный штаб, в Библиотеке появился редкий в последнее время гость – Витамин.

И все б ничего, да только был Витамин изрядно пьяный. И необычайно болтливый. Поначалу он попытался завести неоконченный еще с прошлого года спор с Андреем по поводу арийской символики православных куполов. Увы, Андрей только холодно блеснул своими грустными семитскими глазами и посоветовал Витамину никогда больше не появляться в Библиотеке в таком виде.

– Ах, так! – взвился Витамин, – какие мы здесь святоши, блин. Дак я, блин, больше и не приду сюда никогда. Хотите знать, почему? – Ответом Витамину было ледяное молчание. Витамин пьяно качнулся, и неопределенно махнув рукой, надрывно прокричал:

– Потому что Библиотеки вашей больше нет, нет больше Библиотеки! Вот так, святоши...

Витамин разразился злой и сумбурной речью, не лишенной впрочем, и правдивых нот. Действительно, как миссионерский центр, детище отца Леонида почти престало существовать. А это собственно и есть то, что народ Библиотекой назвал.

Ушли в прошлое семинары и богословские чаепития, стало почему-то не до миссионерства. Постепенно, незаметно вся энергия Библиотеки перетекла в разговоры о «таком-сяком епархиальном начальстве», «папистских и иезуитских методах управления епархией», или, об «униатском духе среди любимчиков епископа». Сам отец Леонид, как мог, пресекал подобные темы, но они отчего-то возникали с еще большей силой. А уж после «Синедриона» только об этом и говорили. А тут еще и политическая струя добавилась. А с ней пришла подозрительность – «уж не засланный ли ты казачок из епархии, как так не был, не был тут, взял, да появился...» Здесь Витамин попал в точку. А вот дальше его идеологически понесло:

– ... Все ваше противостояние с епископом, все это из разряда перманентных революций. Вся ваша общественная и политическая активность – гордыня. Ах, мы не такие как все. Избранные. Одним словом сплошной жидовский дух. И вообще, есть большое подозрение, что большинство из присутствующих здесь, мягко говоря, маланцы.

На этой ядовитой ноте Витамин гордо покинул Библиотеку.

Через три с небольшим месяца Библиотеки не стало. Отец Леонид лишился прихода, вышел за штат и перешел в другую епархию. В ту самую, где монархические и патриотические идеи приветствовались. И где сам владыка особо почитал Святых Царственных Страстотерпцев убиенных безбожной большевистской властью.

Само же снятие отца Леонида произошло довольно буднично. Была у него на приходе одна недовольная певчая. В свое время она пыталась навязать в старосты прихода своего мужа. «Он со стройматериалами поможет, он капитальный ремонт сделает, у него вообще руки золотые».

Да вот беда, «золотые руки» в церковь почти не ходили и в Бога почти не верили. И отец Леонид от «золотых рук» отказался. А певчая затаила в своем сердце обиду на батюшку.

По мнению людей отца Леонида, именно через эту женщину и действовали епархиальные власти. Ибо, ни с того ни с сего, певчая вдруг стала распространять на приходе слухи, мол, батюшку через месяц другой снимут. И поставят другого, посговорчивее... И батюшку действительно через месяц сняли.

О дне своего снятия отец Леонид узнал недели за две. От своего благочинного. Снятие свое он принял как неизбежное, как Волю Божью. А вот две недели дали ему пространство для «последнего маневра». Отец Леонид поехал в соседнюю епархию, (ту самую, где монархические идеи приветствовались), и окончательно договорился с тамошним архиереем о своем переходе к нему.

Сам день снятия прошел довольно спокойно. Пока шла полуторачасовая опись имущества люди отца Леонида читали Иисусову Молитву. Все разом, едиными устами. Как когда-то возле театра, в котором шли сеансы мага Казиновского.

Ну а на следующий день пришлось слегка блокировать приемную епископа, и это, пожалуй, единственный небольшой инцидент. А возник он лишь потому, что владыка никак не хотел отпускать отца Леонида за штат. Хотя перед тем, как снять его с прихода, прилюдно

обещал это сделать. Блокировка приемной епископа была последним штрихом в антипархиальном противостоянии. Сразу после этого отец Леонид спокойно отбыл в соседнюю епархию. Библиотека закрылась.

По прошествии еще нескольких месяцев тихо закрылся журнал Михаила. Его попросту перестали финансировать. Соловьев сказал Михаилу прямо – ему заумь и геополитика не нужны. Ему нужна прямая линия партии, ему нужна борьба. Например, разбил палатку возле лужи и митингуешь, митингуешь, пока власти эту самую лужу не уберут. Вот что нужно.

«Новороссийский Вестник» скончался совсем уже буднично и незаметно. И вместе с ним умерли наши надежды на прорыв информационной блокады, на создание Русского Мира.

Часть третья:

Суд

Оглашенные

Стою в притворе церкви. Почему-то никак не могу войти внутрь. Почему-то именно в притворе чувствую себя безопасно, хорошо – на душе мир.

Притвор церкви вроде бы самый обычный, средних, скажем, размеров (примерно как у нас в кафедральном соборе). Но внутри каким-то непонятным, чудесным образом пространство церковного притвора расширяется. Как будто те же стены, только протяни руку, но почему-то умещается за этими стенами слишком много людей. Очень много – около сотни, может, и больше. И никакой толчеи!

Возле меня людская круговерть незнакомых лиц. Люди входят и выходят. Из притвора в храм, или, наоборот, на улицу. Если открывается дверь с улицы, в спину дышит ледяной сквозняк. А если в храм – в лицо пышет райская просто теплота. Так хорошо там, внутри храма. И так красиво поют Литургию. А я все никак не могу войти. Все переминаюсь с ноги на ногу. Вот, наконец, собрался, решился! Делаю шаг, а из Храма навстречу несутся именно ко мне обращенные (что удивительно!), нежные, но настойчивые, наполненные необоримой силой слова:

– Оглашенные изыдите, елицы оглашенные изыдите, оглашенные изыдите...

И меня вместе с этими словами выносит вон из храма, как ветром, как чудовищным сквозняком. Обнаруживаю себя за церковной оградой. На душе смутное беспокойство, переходящее в тревогу и страх. Страх нарастает. Со страхом приходит холод; только тут понимаю, как вокруг меня неуютно и уныло.

Церкви уже не видно. Церковь скрылась где-то наверху, за холодной и сырой пеленой тумана, словно закуталась в облако. Вокруг меня печальный фантазмагорический пейзаж – пологий склон холма, на нем я стою, склон порос редким уродливым кустарником. Где-то на вершине осталась церковь. Под ногами узкая и скользкая от грязи дорожка, она уводит в туманную бездну, гигантскую яму или котлован. Из котлована смутно проглядывают перекошенные одноэтажные домики. Какие-то бараки, сарайчики. И больше ничего нет, кроме холма и котлована с перекошенными домиками – все остальное скрыто туманом.

Беспокойство на душе нарастает, и, наверное, от этого мне мучительно хочется курить. Вот только нет сигарет. А дорога, как нарочно, приводит меня на дно ямы, к перекошенному, как и все вокруг, магазинчику, выкрашенному в мутный зеленовато-лиловатый цвет.

Внутри магазинчика оказывается еще и «кафешка», самый натуральный «гадюшник». У меня на душе, помимо возросшего до высшего градуса беспокойства, еще и смутное неприятное интуитивное чувство: «где-то я нечто подобное уже видел», или «нечто похожее со мной уже было». Быстро покупаю сигареты. Обвожу беглым взглядом помещение кафе. Никого нет, кроме женщины за маленьким столиком в самом углу, слева от входной двери.

Женщина сидит совершенно одна. Перед ней миниатюрная бутылочка с каким-то легкоалкогольным напитком. Дама кидает в мою сторону вызывающий, манящий, обволакивающий взгляд. Моя душа бьется в этом взгляде как в липкой паутине – выхода нет. Я невидимо прикован к даме за столиком: делаю шаг, другой... Дама снимает свои очки с затемненными стеклами, а за ними ничего нет, пустые глазницы, как у черепа. Пухлые липкие руки тянутся ко мне, и от рук веет холодом.

– Ты наш, наш, наш, – не то шепчет, не то шипит она. А сама быстро увеличивается в размерах и объемах, медленно расплзается необъятной похотливой массой, заливая собой весь угол «кафешки».

Теперь «дама» похожа на жуткую уродливую куклу, раздувшуюся до размеров дирижабля. Кукла продолжает тянуть ко мне свои руки. В ужасе я пытаюсь бежать. Но воздух будто загустел, и теперь не столько бежишь сквозь него, сколько мучительно продираешься. Медленно, невыносимо медленно рву на себя дверь магазинчика. И так же медленно тянутся ко мне раздутые чудовищные руки, и в спину несется зловещей змеиный свист:

– Ты наш, наш...

Только на улице постепенно прихожу в себя. Никто меня больше не преследует. Ужас сменяется постылым отвращением, отвращением и к себе, и ко всему этому котловану, в который сдуру полез.

Куришь, видите ли, захотелось...

Отовсюду, из каждого дома и закоулка отвратительно разит тухлой стоячей водой, болотом. Распечатываю пачку, закуриваю – может, табачным дымом собью ненавистный запах? Сигарета поначалу действует успокаивающе, но вскоре я замечаю, что табачный дым только усугубляет зловоние. Раздраженно выкидываю сигарету и тут же закуриваю новую – та же картина. Закуриваю еще одну – то же самое.

Терпение мое лопається, и я выкидываю всю пачку. Тут же обнаруживаю себя перед притвором храма. Нет больше тошнотворного запаха вокруг, нет липкого беспокойства, нет жуткой раздувающейся дамы и разрывающего на части ужаса. Ничего нет, будто мне это только снилось. На душе снова мир и покой.

На этот раз двери в храм нараспашку. Необычайно красивый и очень плавный, величественный напев струится из церкви. Заполняет мир.

– Херувимская – догадываюсь я.

И решаюсь еще раз войти в храм. На глазах слезы, чувствую себя блудным сыном возвращающимся к Отцу, Домой. Делаю шаг, другой... и просыпаюсь.

Дмитрий из кооператива «Полет»

– Дима, так ты все-таки за помаранчевых, или за Януковича?

– Петр Николаевич, ну шо Вы пытаете. Сами ж знаете. За Януковича!

– Хорошо-хорошо, – примирительно говорит голос Петра Николаевича, – это я так. Щас же только об этом и говорят все. Вся страна с ума сошла. Семьи распадаются, родные люди ссорятся. Вон, недавно по телевизору слышал, семья одна распалась; муж был за Януковича, жена за Ющенко. Так они спорили, спорили, а потом на развод подали...

Голос Петра Николаевича на минуту прекратился. Потом зазвучал вновь:

– Да, а страна-то как разделилась: весь Центр и Запад оранжевый, а Восток и Юг белоголубой. А? Как по заказу... Правда, у меня сосед за Ющенко голосовал. Но все равно, такие здесь в меньшинстве... Кстати, ты ж, Дима, кажись, с Винницкой области. А? А сам за Януковича и Россию?

– Я людина православная, – с достоинством отвечает голос Дмитрия. – И в церкву хожу Русскую Православную, а ни какую там иншую. Як же я буду за Ющенко, коли у него на лбу намалевано: масон, униат, слуга антихристов.

– О, ну ты загнул, – раздается голос Петра Николаевича. – Впрочем, вот для тебя как раз новость. Вчера была такая кинокомедия в Раде! Ха-ха! Ющенко пытался присягу президентскую принести. Так...

– Як це?! Коли ж вин президентом успел стать?!

– Дима, ты слушай и не перебивай. И не нервничай, я же сказал: кинокомедия. Так вот, а суть в том, что он клялся там своей ручкой, которая никогда не крадет на какой-то очень там древней Библии. И все б ничего, но только вот клялся-то он левой ручкой. А положено-то правой. Проницательные журналисты сразу заметили. Короче, позор, скандал.

– Господи помилуй! Да шо Вы говорите.левой рукой! Шо це робиться. Правильно мне в Почаеве одна прозорливая казала: скоро в Киеве слуга антихристов сядет.

– Ну уж загнул... слуга антихристов, – в голосе Петра Николаевича появились насмешливые нотки. – Слишком много этому рябому чести. Обычный он бухгалтер, Дима. Женили его на американке и сказали: вперед. Разрушай державу. Делай все в интересах Соединенных Штатов Америки.

– Так, а в Америке-то кто? – горячо заговорил Дмитрий. – Вони, масоны...

– Ладно-ладно, – зачастил голос начальника, прерывая начинающуюся дискуссию. – Лучше скажи, как там на объекте? В норме?.. Что?! Опять двери у крайнего гаража сняли?! Я понимаю, нет света, территория большая... Как там твой напарник?... Отдыхает?... Освоился?..

А я уже и не отдыхаю, я вполуха слушаю разговор начальника со своим напарником и размышляю над только что приснившимся мне сном. Верней, не столько размышляю, сколько бесконечно жалею, что вот даже во сне не успел войти в Храм Божий. Еще я думаю – стоит ли выходить, показываться на глаза начальнику кооператива?.. Пожалуй, что не стоит. Чем меньше начальству на глаза показываешься, тем лучше...

В кооператив с ностальгическим именем «Полет» я угодил почти сразу по окончании второго тура выборов. Прямо из штаба Януковича, где работал простым агитатором. В нашем областном штабе решили, что выборы выиграны и что партия теперь в услугах агитаторов не нуждается (хотя как раз все только начиналось).

Тогда-то один из моих соратников по агитационной работе и предложил работу охранником в кооперативе. Помню, очень удивился – на дворе двадцать первый век, а еще, оказывается, кооперативы есть!

Кооператив «Полет» – это длинная, в километр, цепочка частных гаражей. Цепочка тянется по границе степи, как раз между гарнизоном и дачным поселком. Половина гаражей принадлежит офицерам морской авиации. Другая половина – дачникам. За гаражами, в степи – военный гарнизон. За гарнизоном – военный аэродром. В хорошую погоду видны мутновато-серебристые силуэты самолетов на степном горизонте.

Со слов начальника кооператива выходит, что самолеты не летают уже несколько лет, если не больше. Верней, летают только «кукурузники», поля опыляют, но это же не военная авиация. Правда, обещают, что в скором времени полеты будут, после выборов ожидаются высокие гости из НАТО.

Хозяйство кооператива в ужасном состоянии. Гаражи стоят без ограждения. В гаражах нет света, нет воды. Автолюбители в спешном порядке покидают кооператив. Местные бичи разбирают покинутые гаражи почти до основания. И ничего нельзя поделать. Почти каждую ночь совершается воровство.

Охрана давно опустила руки: в сторожке тоже нет света, нет телефонной связи (мобильный телефон есть только у старшего охранника, начальника кооператива и у одного из охранников), а в гаражах с наступлением ночи хоть глаз выколи. Единственный источник света – керосиновая лампа (подарок начальника охране), и та не горит. Нет керосина. В сторожке грязно, сыро и темно, как в какой-то первобытной пещере. Почти не верится, что за пределами кооператива – XXI век. Компьютеры, Интернет, мобильная связь...

– ... Ну, ладно-ладно. Дежурьте тут у меня, – донесся до меня голос начальника кооператива. – Посматривайте там за крайним гаражом. Я ушел. Все.

И начальник ушел.

Скрипнула входная дверь сторожки. Человек в поношенном сером плаще медленно выступил из первобытного мрака. Вот он поставил в угол огромную суковатую палку, подошел к печке-буржуйке, снял с нее тихо кипящий закопченный чайник. Чайник, буржуйка (и вообще вся обстановка вокруг), вызывает ассоциации с Гражданской войной, разрухой, большевиками и Лениным в Смольном.

Гулко стуча по подгнившему дощатому полу самыми натуральными кирзовыми сапожищами, человек в поношенном плаще подходит с дымящимся чайником к столу и льет кипяток в треснутую чашку. В чашке уже лежит пакетик с каким-то травяным чаем. Помешивая ложечкой сахар, человек в кирзовых сапогах садится на соседний со мной

топчан. Заметив, что я не сплю, он воздевает лицо к закопченному потолку и восклицает с мукой в голосе:

– Шо це робиться. Левою рукою на Библии. Шо це робиться!.. И это кандидат в президенты?! Во це мы дожили. Последние времена!

– Да, – почти машинально соглашаюсь я, – как говорится, оглашенные изыдите, оглашенные изыдите.

– Шо? Шо ты казав?

– А, да это я так. Приснилась.

– А, – облегченно вздыхает Дмитрий, – мне, тож, бачишь, вчера вранци приснилось, якись такой бис в левое ухо шепчет: наше время, наше время. Чуешь, выходит сон в руку. Скоро вони, масоны, своего слугу в Киеве посадят. И все. Последние времена...

Апельсиновый поп

А времена и впрямь, если не последние, то очень-очень нездоровые, очень мутные времена. Страна напоминает гигантскую харизматическую секту со штаб-квартирой на Майдане. Примеров тихого умопомешательства немало. Например, позавчера, в день, когда стало окончательно ясно, что оранжевые одерживают победу, что состоится новое переголосование (итоги второго тура признаны недействительными, чего оранжевые и добивались), в офис партии «Русь Единая» ворвался Валера-Юрист и предложил всем немедленно вооружаться автоматами и выдвигаться в Киев на Майдан.

Юрист был абсолютно трезв. По его непривычно-злому и одновременно серьезному виду было ясно, что он не шутит. И это вдвойне удивительно, ибо Валера славится своим непробиваемым пацифизмом.

В самой же партии «Русь Единая», ныне состоящей из бывших чад отца Леонида во главе с крестившимся год назад интеллектуалом Сергеем (на бумаге партией руководит Владислав Иванович, реально – Сергей) и бывших «витренковцев», ставших православными, к идее вооружаться автоматами и выдвигаться на Майдан отнеслись с юмором. Все же люди с традиционно-религиозным складом мышления меньше поддаются сектантской истерии. Валере посоветовали поменьше смотреть майданутое телебаченье. А интеллектуал Сергей, хмуро созерцая мерцающий монитор компьютера, толкнул целую речь:

– Скорее всего победит Ющенко, США просто продавят эту кандидатуру... Да, кстати, он уже и победил. Незаконное назначение третьего тура голосования и есть победа оранжевых. Но смотреть на это надо спокойно, без эмоций. А для нас это в некотором смысле даже и хорошо.

Сергей сделал паузу и, не отрываясь от монитора, продолжил:

– Во-первых, с приходом бандеровской власти обозначится, кто есть кто. Можно будет создать настоящую оппозицию. Во-вторых, закончится бесцельное и предательское метание «и нашим, и вашим». И России и Евросоюзу. В-третьих, именно Кучма сдал Украину с потрохами США. Но в этом его деянии определенно есть и Перст Божий. Да, нам придется несладко при режиме Ющенко. Но зато произойдет долгожданное разделение на овец и козлиц. Маскироваться нашим врагам станет просто незачем больше. Они начнут в открытую ненавидеть Россию и прославлять своего Бандеру... И свершится Суд Божий.

Юрист с удивлением и некоторым уважением посмотрел на Сергея. Такого неожиданного логического хода он не ожидал. Идея выдвигаться с автоматами в Киев была сразу отложена.

– Интересные рассуждения, – медленно и как бы про себя проговорил Юрист. – Это надо как следует обдумать.

Приехав домой, Валера-Юрист все же не удержался, включил телевизор. По новому новостному («пятому») каналу показывали хронику только что окончившегося Майдана (правда, палатки с самыми продвинутыми революционерами еще стояли). На экране мелькали толпы замерзших взбудораженных людей – барабанщики, лупящие по нелепым

ржавым бочкам, революционная «бабка Параска» с горящими глазами, лихо пританцовывающий сектантский проповедник из Африки Сандэй.

А в центре революции, в самом сердце Майдана, на сцене страшное «диоксиновое» лицо с погасшими глазами, застывшая маска смерти, а рядом женщина с косой. Все это на плотном фоне оранжевых знамен, языческих подков, лозунгов, обещаний.

Все так тупо, так примитивно, так на уровне желудка, – с неприязнью подумал Валера.

Хочешь жить как в Европе? Голосуй за Ющенко! Его чистые ручки никогда не крали... Долой бандитскую власть! Долой! Долой! Долой!.. Еще Интернационала не хватает... Почему нужно голосовать за Ющенко? – Вспомнилась Юристу агитка одной оранжевой газеты, – потому что он любит пчелок, а пчелки – это дети Божьи... А ведь действительно, – продолжил размышлять Валера – как все напоминает чудовищный отупляющий гипноз, массовую манипуляцию сознанием....

Размышления прервал звонок в дверь. На пороге стоял отец Иван, тот самый, которого Михаил в шутку называл «безумным черногорским попом». Глаза отца Ивана лихорадочно блестели, (ничего страшного, сейчас, как минимум, у половины страны лихорадочно блестят глаза). Отец Иван был не один. Тот, второй, так умело встал в тень за отцом Иваном, что Юрист и не сразу сообразил, что батюшка пожаловал с гостем.

– Валерчик, – эмоционально выдохнул отец Иван – прости, что без звонка. Вот, все никак не могу обзавестись мобильным телефоном. Но, уверяю, ты не пожалеешь. Я тут тебе оч-чень интересного человека привел. Знакомься.

Отец Иван сделал шаг в сторону, и тут только Валера увидел гостя. В тусклом свете подъездной лампочки ему даже на миг померещилось, что нечто темное выпрыгнуло из-за спины отца Ивана.

– Представляю тебе, брат, моего нового друга, тоже священника Украинской Церкви Московского Патриархата, отца Георгия, – торжественно произнес отец Иван.

Тут только незнакомец полностью выступил из тени. Да, он действительно выглядел как батюшка. Пожалуй, даже слишком как батюшка. Во всем его облике сквозило что-то гламурное, киношное (это свое ощущение Юрист впоследствии вспоминал часто). Отец Георгий был высок, строен, худощав. У него была аккуратная правильная бородка, не слишком короткая, но и не слишком длинная. Немного мутноватые глаза, а так все замечательно, ничего лишнего, все продумано и подогнано. Длинные волосы, длинный тонкий нос, немного вывернутые губы и длинный до пят плащ без единой складки, аккуратный «дипломат» в руках.

Отец Иван и отец Георгий прошли на кухню. Из аккуратного дипломата была извлечена изящная бутылка «Кагора» (тоже длинная). Они сели. Отец Георгий посмотрел внимательно на Юриста и изрек:

– У Вас беспокойный вид. Круги под глазами. Вы плохо спали эту ночь, видимо, у Вас из-за нездоровых эмоциональных переживаний сильно ломило поясницу.

У Валеры Юриста едва не «отпала челюсть». Действительно все было так, как сказал отец Георгий: он плохо спал, у него ломило поясницу и были сильные эмоциональные переживания. Такие, что он готов был поставить крест на всей своей юридической карьере, где-то достать оружие и выдвигаться на Майдан.

Валера-Юрист хотел поподробнее расспросить отца Георгия о своей пояснице, мол, как он догадался, духовное ли видение или хорошее знание медицины? Но гость словно забыл о хозяине квартиры. Он спокойно повернулся к отцу Ивану, откупоривающему вино, и продолжил прерванный перед квартирой Юриста разговор:

– Я проверил по своим каналам информацию, все верно. Ваш епископ владеет несколькими бензоколонками. Негласно, конечно, не напрямую.

– Ну, ведь это пока только слухи, правда, слухи упорные, – неуверенно сказал отец Иван и с глухим чмокающим звуком выдернул пробку из горлышка бутылки.

– Где слухи, там и факты, – торжественно произнес отец Георгий прокурорским тоном и вдруг весело хлопнул в ладоши: – Наливай.

Валере Юристу отчего-то вспомнились «Семнадцать мгновений весны». Правда, шпионские страсти как-то не вязались с духовными лицами. Наверное, это церковный заговор против церковных властей, погрязших в формализме и обрядоверии», – подумал Юрист и проникся уважением к батюшкам, а особенно к «прозорливому» отцу Георгию. Валера по-прежнему оставался далеким от Церкви человеком, хотя и считал себя православным. Он больше любил эзотерику. А какой эзотерик не мечтает реформировать Церковь, убрать этих епископов с их пышными византийскими одеждами и «непонятным церковно-славянским».

К тому же Валера был наслышан и о нашем епископе. А говорили разное, в том числе и о бензоколонках. Правда, слухи больше распространялись людьми очень околоцерковными, и распространялись с тем прицелом, дабы на вопрос, а чего ты в Церковь не ходишь, гордо ответить: я не хожу в церковь, потому что там бардак, там епископ торгует бензином. Потому у меня Бог внутри...

Тут батюшки вспомнили о хозяине квартиры.

– Валера, друг, где тут у тебя стаканчики или рюмочки, а? – спросил отец Иван.

Юрист выставил невысокие, но пузатые фужеры. Отец Иван наполнил фужеры «Кагором».

– Ну, за хозяина квартиры, и как говорится: прощай, разум, – сказал отец Георгий.

Отец Иван затрясся от хохота, а серьезный, как и подобает эзотерику, Валера веско заметил:

– Батюшка, кажется, тост у Вас буддийский?

Отец Георгий поставил опустевший фужер на стол и так же веско ответил:

– Для постижения Божественных вещей разум не требуется. Во многом знание многая печаль есть... Ну, наливай по следующей!..

Алкоголик, – мелькнуло в голове у Юриста. Он слегка потрянул головой, отгоняя бесовское наваждение.

Сам ты алкаш! – мысленно воскликнул Валера, крайне не любивший осуждать своих ближних. А уж духовных лиц и подавно, в особенности, если последние обладали «духовными дарами». Но вслух все же Юрист не удержался и робко заметил:

– Батюшка, так еще первую недопили. А Вы по второй?

– А-а, – махнул рукой отец Георгий, – между первой и второй перерывчик небольшой.

Наполнили фужеры:

– Ну, за успешное выполнение нашей миссии, – торжественно произнес отец Георгий. – С Богом и... как говорится, – отец Георгий запнулся.

– Прощай, разум, – закончил за него отец Иван и снова прыснул со смеха.

И Валера-Юрист действительно едва не попрощался с разумом, когда от отца Ивана услышал о сути «миссии» отца Георгия. Удостоверив «прозорливого» батюшку, что Юрист свой человек и ему можно полностью доверять, отец Иван рассказал следующее:

Отец Георгий представляет новую церковную группу, полностью поддержавшую оранжевых (в этом месте бедный Юрист икнул). Члены этой церковной группы, в том числе и отец Георгий, входят в секретариат самого украинского митрополита Владимира. И хотя сам митрополит поддержал Януковича, тем не менее, среди ближайшего его окружения немало «оранжевых». Более того, они заручились поддержкой оранжевых лидеров (которые, конечно же, победят). И как они (оранжевые лидеры) очистят страну от коррумпированных чиновников, так и группа в которую входит отец Георгий, должна очистить церковь от коррумпированных епископов.

Все. Просто и ясно. Да здравствует православная революция! А к нам отец Георгий прибыл, дабы собрать компромат на нашего владыку.

У бедного Валеры Юриста все смешалось в голове. Комната поплыла перед глазами. Еще несколько минут назад он был готов чуть ли не ноги целовать «прозорливому» отцу Георгию, в ученики к нему проситься, а теперь его охватил острый приступ гнева. На мгновение возникло желание вцепиться в этого оранжевого, апельсинового попа, схватить его за шиворот и выкинуть из квартиры.

Но гнев быстро ушел, он сменился плаксивым отчаянием.

Они победили! – кричал нервный, дрожащий голос в его голове, – все напрасно! Даже в церкви, на святом алтаре – они, апельсиновые попы оранжевой революции! Господи, какое падение Церкви! Везде политика, везде!!!

Да, бедный Валера чувствовал себя обманутым. Если бы отец Георгий ограничился только темой снятия епископа, Юрист бы его поддержал «руками и ногами». Но, политические взгляды! И что делать, если духовное лицо (даже «прозорливый»!) враг тебе по политическим воззрениям?

Внезапно Юриста «озарила» мысль: а что если его сейчас просто проверяют высшие силы на предмет мирских привязанностей. Ведь не факт, что он в последнее время слишком сильно заиклился на политических событиях. Стал слишком страстным и нетерпимым. В самом деле, что выше – духовность или мирская политика? Оранжевые, голубые; какая, собственно, разница.

Валера посмотрел на отца Георгия «новыми глазами» и тут же отметил, что батюшка хоть и оранжевый но все-таки «прозорлив», убедителен, мысли излагает красиво и четко. Так почему бы хотя бы частично не принять его точку зрения?

И чего это я так разволновался, – подумал Валера. – Автоматы, Майдан... Нет, политика весьма недуховная вещь. И телевизор поменьше смотреть надо...

Отец Георгий внимательно окинул Юриста взглядом и, видимо, почувствовав его внутреннюю борьбу, его состояние, учительским тоном произнес:

– А что тут такого? Чего Вы так переживаете? Валерий! Меньше слушайте коррумпированную пропаганду. Вам внушили, что Ющенко ставленник Америки, враг России и Православия. Неужели Вы купились на государственную пропаганду. А? Вам ли не знать, какое зло несет коррумпированная государственная машина в лице Кучмы и Януковича? И вы ей верите?

– Но ведь Ющенко против русского языка, против России, – вяло возразил Юрист с трудом подбирая слова. – Да по нему видно же все, это... Все жесты у него какие-то не наши, американские, и весь говор его какой-то бандеровский.

Отец Георгий хлопнул еще кагорчика и с умильной улыбкой произнес, похлопав Валеру по плечу:

– Милый мой человек. Ну кто тебе всю эту чушь внушил?! Государственное телебаченье и собственные ложные представления. А? Как там в буддизме? Наши мысли – иллюзия, равно как и вызываемые ими чувства и ощущения. Да... А я, грешный поп, сам лично с Ющенко общался и могу тебя заверить, что более русского, более православного человека не встречал. Поверь мне, мой друг.

Не верю!

Прошло несколько дней. Апельсиновый батюшка спокойно себе проживал на квартире отца Ивана. Прямо как у себя дома.

Приезжаю по настоятельной просьбе отца Ивана («познакомлю с интереснейшим человеком!»), звоню в дверь квартиры. Дверь мне открывает высокий худощавый человек – длинные слипшиеся волосы сосульками висят вдоль опухшего похмельного лица, выпяченные мокрые губы, заплывшие глазки, небольшая аккуратная бородка.

Отец Георгий – догадался я.

Подозрительно посмотрев на апельсинового батюшку (отец Георгий чем-то неуловимо напоминал знаменитого лже-миссию Виссариона), я осторожно спросил:

– Простите, а отец Иван где?

– Входите, – прохрипел отец Георгий. Я вошел, разулся и по привычке пошел на кухню, к обычному месту наших посиделок. Отец Георгий тем временем прочистил горло и попытался придать голосу бодрость:

– Вы, Вадим?

– Да.

– Простите, я спал. Батюшка скоро будет, в магазин пошел. Я сейчас.

Отец Георгий скрылся в ванной. Через пару минут вышел умытый, приглаженный, однако зачесанные назад волосы еще более обнажили похмельную маску на лице. Войдя на кухню, он красивым, но нелепым в нынешней ситуации жестом выбросил вперед руки, как бы желая обнять весь мир, и с деланно бодрым видом воскликнул:

– Вадим, почему Вы до сих пор не священник? Я вижу все задатки священства в Вас! Знаете, мне даже трудно поверить, что Вы не духовное лицо. Такое ощущение, что говорю с духовным лицом. – И далее, не дав мне раскрыть рта, – будем знакомы. Я отец Георгий, прибыл к вам из Киева, думаю, отец Иван Вам обо мне рассказывал?

– Рассказывал, – холодно буркнул я. И больше не проронил ни слова. Мне как рот связало. Неприятное до тошноты чувство сковало душу, почти интуитивное, или инстинктивное. Я одно время искал людей «Розы Мира» и довольно-таки походил по разным сектам и организациям. Ну, и выработалось как бы чутье на псевдорелигиозный авантюризм, на нездоровый сектантский дух (даже не знаю, как сказать).

Здесь не то, чтобы какие-то особые дарования, просто так получилось. К тому же, отец Георгий, или кто бы он там ни был, знакомясь со мной, применил типичный сектантский психологический прием, который в общем обрамлении звучит примерно так: «Брат, почему ты еще не святой! Брат, я вижу в тебе недюжинные духовные задатки. Какое счастье, что мы встретились! Будем знакомы! Поговорим как духовные люди... и т.д. и т.п.»

Да и к тому же я был наслышан и о «миссии» отца Георгия в нашем городе. В миссию эту я верил с трудом. В лучшем случае, заговор горстки оранжевых киевских священников, а, скорее всего, просто очередная апельсиновая афера отдельно взятого батюшки.

Между тем, отец Георгий видя, что его слова не принесли желаемого результата, как-то весь «сдулся», осунулся. Упав на табурет напротив, он принялся нервничать листать «иеговисткий» журнал «Сторожевая башня», (у отца Ивана была целая стопка сектантских журналов, прихожане приносили) бросая, впрочем, косые взгляды на меня.

Текли томительные минуты ожидания. Наконец-то пришел отец Иван, с двумя бутылками «Портвейна». Зрелище было довольно необычное, батюшка сам за вином никогда не ходил, да и не был он особым любителем вина.

– Ну, как, познакомились? – бросил отец Иван с порога.

– А как же, – откликнулся просиявший отец Георгий, – у тебя замечательный друг! Я просто удивлен, почему он еще не священник. Кстати, могу посодействовать.

– Не судьба, – растерянно буркнул я.

Отец Георгий выпил пару фужеров портвейна и заметно взбодрился, подтянулся, вырос, приобрел солидность. С лица исчезла похмельная маска, оно стало благообразным, возвышенным. Картину портили лишь выпяченные мокрые губы и заплывшие карие глаза, подернутые легкой мутью. А так весьма такой батюшка, даже, «батюшка в квадрате»!

Отец Георгий с самым, что ни на есть, деловым видом стал рассказывать отцу Ивану, что, мол, перед самым приходом Вадима, когда ты отлучился в магазин, звонили ему соратники из самого Киева. Мол, окончательно утверждена кандидатура, что заменит нашего архиерея, ну а ему, отцу Ивану, теплое местечко обеспечено и т.д. и т.п.

Это была такая неприкрытая лапша, что я с трудом понимал, как подобному можно вообще верить. Однако по реакции отца Ивана, (он слушал рассеяно листая газету) я понял: оранжевый батюшка ему уже изрядно поднадоел.

Насытившись портвейном отец Георгий отлучился в туалет. Я тут же кинулся к отцу Ивану с расспросами:

– Где матушка?

– В отъезде у сестры.

– Он, что, так и живет у тебя?

– Так и живет.

– Слушай, по-моему, он не совсем батюшка... Я не в смысле его оранжевых идей, а вообще...

– Да, у меня тоже стало возникать такое подозрение. Да и не только у меня, еще у нескольких людей. ... Кстати, вчера вечером, когда он в дым пьяный был, я у него, прости Господи, паспорт вытащил и все данные списал. Надо будет проверить, что он за батюшка и откуда взялся.

– Конечно, надо проверить, обязательно проверь... Но, слушай, все же, как ты купился?

Тут отец Иван мучительно прижал руки к груди и выдохнул:

– Брат, даже не знаю, просто так хочется перемен! Так устал в этой бесперспективной дыре сидеть! А тут апельсиновая революция и этот... Ну я грешным делом и подумал... Купился, как мальчишка!

Разговор наш продолжился по пути на остановку. Отец Иван решил меня проводить. Осоловевший отец Георгий не возражал. Вышли на воздух, и батюшка мне поведал, как произошло его знакомство с Жориком (так он теперь называет отца Георгия).

– В тот день супруга уезжала к сестре. Приехал муж сестры, за ней. Ну и, как водится, посидели за столом. Слегка выпили. Все разговоры, само собой, о политике, «Ющенко – Янукович, Янукович – Ющенко». Потом я пошел их всех на вокзал провожать. Проводил, ну и решил зайти, вина выпить какого-нибудь. Обычно я только пиве пью, а тут так получилось, вино пили, не захотел мешать. Вот. А зашел в ту самую кафэшку, где тебя разули.

– Символично.

– Истинно так. Слушай дальше. Взял вино, смотрю, батюшка сидит, вылитый батюшка. И тоже вино пьет. И на меня так: зырк. То есть, тоже определил, что я поп. Я и глазом моргнуть не успел, как он за моим столиком оказался. Познакомились, и тут он мне все как вывалит. Мол, я из секретариата митрополита, по особому поручению от новых сил в Церкви. Как известно оранжевые побеждают, сейчас будут огромные перемены и в стране и в Церкви. Так что, надо смириться и ловить момент... Интересный оборот – смириться и ловить момент. Он сам остался им чрезвычайно доволен, даже, как мне показалось, подмигнул мне. Ну и дальше его уже понесло нешуточно. Мол, наверху давно не довольны нашим владыкой, давно хотят менять. И вот такая возможность наступила. Уже даже кандидатуру подобрали (назвал имя, которое мне ничего не сказало). И дальше говорит, уже чуть ли не шепотом, что, мол, он хоть и маленькая сошка, но прибыл к нам с особой миссией: компромат на вашего архиерея собрать. Ну, чтобы было за что снимать. Что-то еще он говорил, все про свои связи распространялся, какие-то имена называл. У меня уже голова от него стала кружиться. А он как почувствовал, что у меня голова кружится, разум я теряю, говорит: отец, Воля Божья в том, что я тебя встретил. Мол, наши в долгу перед тобой не останутся, будет у тебя классный приход, только скажи, где тут пожить пару деньков можно.

– Ну, я душа добрая, особенно когда подопью, говорю, да в чем проблема, живи у меня. Ну, тут он совсем обрадовался, взял мне и себе еще вина, и пока мы его цедили, все мне про свое стояние на Майдане рассказывал. Какие там люди, какие там надежды, какие перемены сейчас предстоят... В общем, брат, убедил, или лучше сказать, заразил он меня. Когда из кафэшки с ним вышли, во мне такие чувства бурлили... как тебе сказать... и страшновато с одной стороны. Была даже такая безумная мысль, что, мол, Георгий – тайный человек нашего архиерея, своего рода провокатор, посланный проверить, ведешься ты, или нет, на идею снятия епископа. Кто его знает, ведь я-то по большому счету ничего о нем не знаю. Ну, тогда все, кирдык! Ну а с другой стороны, брат, я как помолодел лет на пятнадцать. Снова вихрь, снова циклон, снова можно начать с нуля. Как когда-то я начинал. Наконец, что-то должно произойти. Уже много лет в жизни без перемен, и тут раз, и все с ног на голову. Брат, непередаваемое ощущение!.. Взяли мы Кагор и как в полусне поехали в гости к Юристу. Дальнейшее ты знаешь.

– В общем, батюшка, ты меня прости, – сказал я, – но проснулся в тебе, кажется, недобитый рокер.

– Да! Ты тысяча раз прав, да!.. Как же я сам не догадался. Я решил на эти фильмы, что

матушка понаприносила. Всех этих церковных радикалов. Супер-монархистов, супер-борцов за чистоту веры, супер-прозорливых старцев. Короче, сплошной супер.

– И ведь в каждом фильме – архиереи такие-сякие, мафиози, экуменисты, модернисты; анафема, анафема всем! Тоже своего рода рок-н-ролл. Только церковный. Как там, у Летова: я всегда буду против! Ха-ха!..

Прошло еще несколько дней. Я снова посетил отца Ивана и застал у него очень интересную сцену. Впрочем, сначала я услышал смутно знакомый мне голос, когда входил в коридор:

– Батюшка, я Вам не верю, не верю. Понимаете?! Я Вам не верю, – голос звучал с таким эмоциональным надрывом, что казалось еще чуть-чуть и обладатель голоса расплечется. – Я Вам не верю, не верю, я вообще подозреваю, сильно подозреваю, что Вы не священник!..

Войдя на кухню, я увидел всю картину. Голос принадлежал очень маленькому (еще меньше секретаря епархии) человеку, который обращался к отцу Георгию, демонстративно повернувшись к нему спиной. Звали маленького человека Степаном. Он был старым знакомым отца Ивана, мастером на все руки.

Видимо, и сейчас зашел к батюшке что-нибудь починить, да нарвался на проповедь отца Георгия. Однако это надо уметь так вывести Степана из равновесия, чтобы он демонстративно сел спиной к собеседнику (еще и духовному лицу) и говорил срывающимся голосом.

Степан по природе добрейший, спокойнейший человек. Впрочем, несложно догадаться, что вывело его из равновесия – Степан последовательный сторонник единства Церкви, разговоры на тему особой, своей какой-то миссии УПЦ он на дух не выносит, а уж оранжевые проповеди – это для него адская мука.

Но меня больше поразил не Степан, а отец Георгий. Он был на удивление трезв и пребывал как бы в легком безумии (я даже про «белую горячку» подумал). Иначе как еще объяснить, что, сидя в двух метрах от Степана, он с самым серьезным видом обращался к его спине, обращался с такими жестами и мимикой, словно со спины на него в упор смотрело лицо Степана:

– Вы не верите не мне. Вы не верите в перемены! – патетично восклицал апельсиновый поп. – Не верите в демократическую революцию. Не верите в то, что теперь можете сказать этой власти – нет! Не понимаете, что теперь от Вас, от Вас лично зависят перемены в стране.

– Эх, – покачал укоризненно головой отец Георгий, – все считаете себя маленьким винтиком в огромном механизме государства. – Он остановился, пожевал выпяченными мясистыми губами, промочил горло «минералкой» и с мукой в голосе воскликнул:

– Но, почему, почему Вы не верите новым демократическим лидерам?!

– Болтовня, демагогия, – ответил, не меняя позы, Степан. И добавил: – не желаю Вас слушать, Вы, в лучшем случае – религиозный авантюрист. Ряженный.

А апельсиновый батюшка вошел в форменный раж, в экстаз! Он словно бы совсем не замечал обвинений в свой адрес (или делал вид, что не замечает). Округлив мутные глаза, брызгая слюной и размахивая в такт рукой, он стал рассказывать Степану, как стоял на Майдане, какие прекрасные, замечательные люди там были, как они верят в Бога и в новую Украину, а Степан?.. Ему искренне жаль Степана...

Степан слушал все это, слушал, наконец, молча встал, взял благословление у отца Ивана и покинул нас. В коридоре, когда провожали Степана, отец Иван мне шепнул, что отца Георгия видели на Центральном Рынке. Он ходил при полном облачении и с кадилом, освящая все подряд, сбивал с торгашей деньги.

Еще у Юриста какие-то неприятности на фирме (подробно он не хочет говорить), но начались они сразу после того, как отец Георгий за кругленькую сумму ему квартиру освятил. Еще и поясницу больную с помощью нетрадиционной медицины ему полечил.

И последнее, точно удалось установить, что в секретариате митрополита наш отец Георгий ни в коей мере не числится.

Итак, чары развеиваются.

Язык Мордора

Прошло еще несколько дней. Я как раз сдавал смену, в кооперативе Полет. Тут меня озадачил мой напарник, брат Дмитрий, тот самый, что Ющенко предтечей антихриста считает:

– Слухай, вранци мне ваш Георгий приснился. Я перед этим дюже хорошо помолвился. И снился вин мне... який такой тип с длинными волосьями, с дипломатиком и губатый такой, як Бен Ладен. Вылупився на меня своими зенками, як волк загнанный. Ну я, бачь, во сни его перекрестив так дюже хорошо. Он, бидный, як подскочит, и утек в поле... Так шо, – довольно подытожил Дмитрий, – сбежал ваш поп...

Удивил меня не сам сон: Дмитрию регулярно что-то снилось «вранци», то ангелы, то бесы, то прозорливые старцы, то просто какая-нибудь сюрреалистическая чушь, удивило меня правильное описание внешности апельсинового батюшки. Выпяченные губы «як у Бен Ладена» (очень точное сравнение, как же оно раньше мне в голову не пришло), дипломатик, длинные волосы.

Насколько я помню, внешность Георгия я Диме не описывал.

А вдруг он действительно утек?!

После работы мчусь к отцу Ивану. Отец Иван в состоянии отрешенной ностальгической задумчивости (если не сказать – депрессии!). Никогда еще его таким не видел.

Неужели Георгий сбежал, как Дмитрию приснилось? Но отчего тогда батюшка в таком неважном настроении. Интересно, что у него тут с отцом Георгием произошло?

– Сбежал Жорик, как ты, наверное, уже догадался – донесся до меня сонный неживой голос отца Ивана. – Ладно, не будем грустить, – добавил он делано бодрым тоном и чему-то там усмехнулся. – Уныние – тяжкое греховное состояние, как известно. А тебе спасибо, что зашел. А то я тут...

Недоговорив, батюшка полез в холодильник, достал бутылку вина:

– От Жорика, на память. Выпьем за его здоровье, точнее, чтоб земля у него под ногами не разверзлась.

– Так что случилось! Ты вроде как и не рад, что он тебя покинул.

– Рад, рад, очень рад, – сказал отец Иван и засмеялся нервным смехом. – Только вот он не один сбежал, а с нашими семейными деньгами... Даже не знаю, что я теперь супруге своей скажу.

– Да, этого следовало ожидать. И что же теперь?

– Да ничего, – пожал плечами отец Иван и криво усмехнулся. – Но ты не переживай, тут есть тема интересней. Как раз для тебя. Меня она очень, очень озадачила. Пожалуй, даже больше чем воровство. Спрашивается, кого я приютил... Кстати, ты помнишь Николая?

– Николая? Какого Николая?

– Какого-какого. Ну, у тебя память...

– Постой, того самого.

– Да, того самого. Николая Счастливого. И вот здесь, брат, самое интересное!..

... Николай, Николай Счастливый! Как же можно тебя забыть?! Бессменный, многолетний лидер одной местной секты. Да, именно с тебя началось мое богоискательство. И было это в начале 90-х. Я и Иван (тогда еще не священник) пришли к тебе в поиске «людей Розы Мира». И секта тогда твоя называлась – «Евангельская Церковь Розы Мира». Однако вели вы себя как обычные протестанты-харизматы («Роза Мира» почти и не вспоминалась).

И ты, Николай (еще не Счастливый), разговаривал на «языках иных», и «языки» эти звучали дико, гортанно... в общем, бесовски. И эту бесовщину ты с тупым маниакальным упорством практикуешь до сих пор! Да, а потом была «Роза Марии» (это вы подражали «Богородичному Центру»). Но меня с Иваном в ваших рядах уже не было. Я ушел в настоящий «Богородичный

Центр», а Иван стал священником. И долго о тебе, Николай, мы ничего не слышали, пока, год назад, не встретили тебя на одном из городских рынков.

Ты уже был Счастливым, и была на тебе хорошая дорогая одежда, и имел ты ухоженную окладистую бороду. А сектанты твои додумались называть себя старообрядцами, а тебя величать «тайным старообрядческим епископом»! Нелепейшая нелепость, возможная только в наш пост-модерновый век! При этом ни ты, ни твои сектанты не знают ни одной православной молитвы!..

Ты долго рассказывал нам о почитании Царя-Мученика Николая Второго и о своей любви к России. Однако все это испарилось с началом апельсиновой революции. Теперь ты называл Ющенко «жертвенным Авелем», Тимошенко, Господи помилуй, «воплощением Богородицы», а Россию, само собой, «империей зла». Да, ты поработал на оранжевых хорошо, в расчете на их милости, которые, конечно же, не получил и не получишь. Оранжевые аферисты легко забывают свои долги...

Аферисты?!..

Внезапно я догадался, какая может быть связь между, казалось бы, несоединимым: «отцом» Жориком и Николаем Счастливым.

Одно их всех объединяет, одно – оранжевая афера!

– Так, значит, Николай Счастливый, – вслух проговорил я. – Они встречались?

– Угадал, встречались, – отец Иван опять криво усмехнулся, – встреча была весьма любопытная... Пожалуй, стоит тебе о ней рассказать. Опишешь там где-нибудь ее... В своих мемуарах.

– Рассказывай, – выдохнул я.

Отец Иван задумчиво почесал бороду:

– Хорошо, слушай. Как-то я Жорик поведаль, как к священству пришел. Было это еще в самом начале нашего с ним знакомства. Ну, и про Николая речь зашла; как мы с тобой когда-то ходили к нему в секту. Сам понимаешь, пропустить эту тему невозможно. Оттуда все началось. Ну, я рассказал, значит, и сдуру добавил, что, мол, секта до сих пор жива. А Николай ходит с огромной бородачей и себя называет Счастливым. А ошивается он частенько на «Колосе». Там его сектанты точки держат. И все, что наторгуют, ему отдают дочиста. Сам понимаешь, коммуна у них. К тому же, братья не курят, не пьют, по Интернет-клубам не шляются. Зачем им деньги? А если кому-то там штаны надо новые, он идет на поклон к Счастливому и тот смотрит, стоит ли брату на штаны деньги выделять, или не стоит. То есть, все деньги у Николая и деньги, скажу тебе, немалые. А Жорик, а Жорик как про деньги услышал, сразу оживился, глазки заблестели, забегали. Познакомь, говорит, меня с этим своим Счастливым. Чувствую я сердцем, что человек этот может оказаться полезным для нашего дела. Вот чувствую, хоть убей!..

– Одним словом, достал он меня. Пришлось идти на «Колос», искать этого Счастливого, договариваться о встрече. Счастливый, на мое удивление, на контакт пошел охотно. Более того, как выяснилось, он до сих пор не оставляет надежд втянуть меня в свою секту! Или, хотя бы в свою сферу влияния. Боже мой, братишка, сколько лет прошло, представляешь. А он все бредит! В общем, согласился нас принять, прямо в своей старообрядческой коммуне. Обозначили день. Выдвинулись. Втроем, я еще Юриста прихватил, как по наитию. Находится эта коммуна, конечно, далековато. Октябрьский район, частный сектор. Там они купили пару небольших домиков, кусок земли и устроили свою коммуны.

– Ну, мы добрались, позвонили, нас, конечно же, ждали. Забегали женщины в белых платочках (неофициальные жены Счастливого), наконец, вышел он сам. Ну, вначале все шло хорошо: обмен ничего не значащими любезностями, рукопожатия. И тут вдруг Жорик наш с самым серьезным видом заявляет, что он, мол, из секретариата киевского митрополита, а также от новых властей и киевского СБУ. Мол, местными сотрудниками СБУ проведена проверка религиозной деятельности «старообрядческой коммуны» и выявлен ряд серьезных нарушений подпадающих под статьи уголовного кодекса. Но более всего возмущает, что Вы (это он Счастливому) занимаете место лидера коммуны совершенно незаконно. На вашем

месте должен быть другой человек, тот, которого Вы самым мошенническим образом разорили, разрушили его семью, сломали ему всю жизнь и пустили по миру. Друг мой, что тут со Счастливым произошло! В единый миг Счастливый стал самым несчастным существом во Вселенной. Он побледнел, потом весь покрылся какими-то лиловыми пятнами, как лишаями, потом шарахнулся от Жорика, как черт от ладана (надо сказать «отец» Жора выглядел в тот день необычайно представительно), потом как заорет на своем бесовском языке...

Отец Иван осекся, придвинул к себе чашку с вином и уставился на меня невидящими глазами.

– Изобразить? – тихо спросил он.

– Изобрази, – попросил я.

– Хорошо, – ответил батюшка и, набрав полные легкие воздуха, выдал примерно следующее:

– Ахаля-маля, гхыр-мыкхыр-быкр, дуггушр-лугкхр, ахаля-ахаля-гарбах-махр, лузгр-маля...

– Да, – сказал я после затянувшейся паузы, – ну и язык, ледяные мурашки по спине пошли. Знаешь, мне вспомнилась фраза из «Властелина Колец», что-то вроде: «язык Мордора не должен звучать в этом святом месте»... Я думаю, и этому языку не стоит звучать здесь, под иконами.

– И он не зазвучит, – сказал отец Иван, прокашлявшись. – Я это сделал только для того, чтобы ты прочувствовал всю остроту момента. Но главное не это, главное в том, что Жора ответил Счастливому на таком же языке! Запиши это в своих мемуарах: он ответил ему на языке Мордора! Что тут началось! Счастливый обратно Жорику на бесовском. Тот ему в ответ той же монетой. Орут на всю улицу. Мы уже с бедным Юристом ретировались к соседнему дому, мол, мы в этой бесовщине ни при чем. Минут десять этот собачий перелай продолжался. И вдруг резко стих. Мы с Юристом смотрим, а Жорик уже один посреди улицы стоит, вместе со своим дипломатом. Счастливого не видно нигде. Будто испарился Счастливый! Представь, совершенно пустынная улица и на ней мокрый от усердия Жорик, с дипломатиком в руке. И больше не души. Как будто все вокруг умерло... Вот в этот момент, друг мой, мне стало страшно и я понял: все, Жорика пора выселять, иначе, не дай Бог, сам одержимым стану. В общем, перепугались все. Юрист заявил даже, что теперь ему по-настоящему ясно, что такое демоническая сила и что с завтрашнего дня он из Церкви ни ногой. Еще литературу церковную у меня попросил.

– А Жорик подошел к нам и как ни в чем не бывало говорит нам с улыбочкой, что крепкий орешек наш Счастливый, растратил он все духовные силы на него и потому не мешало бы выпить... Да, в тот вечер мы все напились (а больше всех Юрист). И я опять Жорика домой приволок. Лишь на следующее утро сказал ему: хватит. Мол, я все понимаю, но совесть же надо иметь. Просился на пару дней, а живешь уже несколько недель. А у меня со дня на день жена должна приехать. Так что, брат, вот тебе Бог, вот тебе порог. Бедный Жорик, его всего перекосило. Видимо, крепко сжился он с мыслью, что будет жить у меня столько, сколько пожелает. Бедняга вскочил, забежал по кухне, потом встал напротив меня и произнес высокопарную речугу гордеца, мол, ты, отец Иван, так ничего и не понял. Если б ты знал, кто у тебя живет, и какие перспективы тебя ожидают в будущем, ты бы сам просил меня остаться. Да я, да я...

– Я думал, он опять про свое стояние на Майдане начнет рассказывать. Но он хватил дальше, он принялся вещать о своей духовной битве с лже-миссией Виссарионом. Мол, такой он весь из себя супер-духовный, что только ему и доверили эту миссию. А сам выглядит безумно: мокрые выпяченные губы, изо рта слюна летит, глаза вылезли из орбит, бегают, того и гляди, пена пойдет. Я смотрю на него, и мне опять страшно. Слушай, – говорю ему, – ты же больной человек, тебе же лечиться надо от одержимости, тебе на отчитку надо ехать. Жорик как услышал об отчитке, совсем с катушек съехал, как завизжит бабьим голосом: все великие духовные люди были больными, все казались бесноватыми и что?! Что это меняет?! Потом отступил от меня на шаг и опять на своем бесовском,

несколько быстрых слов, как заклинание какое-то, сказал, как проклясть меня хотел. Тут у меня терпение совсем лопнуло, говорю ему, чтоб убирался немедленно. Иначе поступлю очень не по-христиански. Выкину за шкуру... Он сел и как бы в себя, что ли, пришел. И вид сразу такой жалкий загнанный стал у него. Ну и говорит, мол, уйдет, только можно бутылочку вина, а то ему совсем плохо. И он сразу уйдет. Мне его опять стало жаль, и вот тут я допустил, брат, большую ошибку. Вместо того, чтоб действительно выгнать его я ему велел сидеть ждать меня на кухне, а сам за вином побежал. Ну, а когда вернулся, Жорика и след простыл. Исчез вместе с деньгами.

Отец Иван снова стал грустным.

– Сбежал, – тихо повторил он и вздохнул. – А как все хорошо начиналось. Апельсиновая революция, перемены в жизни. Сейчас такое закрутим. Закрутили.

Перекрестись!

Сегодня Дмитрий принес на смену памятку: «как правильно совершать Крестное Знамение». На помятом сером листке с не очень четкой типографской печатью изображены два человека: один в правой стороне листа, другой – в левой. У каждого из них на плечах сидит по маленькому черному бесу.

Двумя картинками ниже оба человека совершают Крестное Знамение. Как гласит текст листовки, тот, что с правой стороны, совершает его правильно, а тот, что с левой – нет.

Человек в правой стороне листка крестится широко и размашисто. Один бес у него слетает с правого плеча, другой с левого. Человек в левой стороне листка крестился небрежно, скомкано, как католик. В итоге, к концу крестного знамения у него на плечах оказывалось вместо двух бесов, аж целых четыре. (Бесы очень довольны, они танцуют прямо на плечах и высовывают свои поганые красные языки).

Вверху листа крупными буквами заглавие: «Как надо правильно осенять себя Крестным Знамением». Внизу листа мелким шрифтом подробная «инструкция»: как правильно складывать пальцы, как правильно их подносить ко лбу, как не спеша, степенно осенять себя Крестом, без нервных судорог и фарисейской показухи... Ну, и с верой, конечно же.

Текст листовки плывет в быстро сгущающихся зимних сумерках. Возвращаю листок своему напарнику Дмитрию. Сам думаю совсем про другое:

Оранжевые победили. Что теперь будет? Как проявится их политический курс, ясно, что он антироссийский, но в какой мере? И какой теперь будет сама Украина?.. Одним словом, здравствуй Новый Год!

Еще я думаю о Дмитрии. После случая со сновидением «вранци» и бегством «апельсинового попа» образ Дмитрия у меня несколько изменился. Раньше я считал, что Дмитрий, по богословской необразованности своей, выдает обычные сны за пророческие видения. Теперь вижу, что недооценил Дмитрия.

Теперь меня мучает другой вопрос – в прелести ли бесовской мой напарник, или действительно прозорлив. Или все гораздо сложнее?.. Впрочем, почему бы Дмитрию не быть в бесовской прелести. И почему я всегда все усложняю?! Вот «розо-мировская» привычка!

Если дерево познается по плодам; то какие плоды у Дмитрия – гордыня, учительство, религиозная нетерпимость, кликушество. Разве те же бесы (что перемещаются в воздушном пространстве почти мгновенно), не могли ему сообщить в сновидческих образах о бегстве Жорика. Сон приснился рано утром, Жорик также сбежал ранним утром... Все сходится. И все же, сдается мне, все гораздо сложнее. Мой напарник загадочный тип...

Но сегодня Дмитрий превзошел сам себя! Оставив мне памятку о Крестном Знамени и попросив размножить и раздать «усем нашим», он сообщил, что эту ночь стоять со мной не будет. Ему надо молиться (вместе с каким-то батюшкой), дабы Господь помиловал Украину, отвел оранжевую чуму. Убил дыханием Уст Своих слугу антихриста, который почти уже

влез в президентское кресло. Осталась инаугурация.

Поздно вечером пришлось одному обходить гаражи. Нет, в одиночку шляться по ним небезопасно: того и гляди кирпич на голову кинут. Я вернулся в крошечный мрак сторожки. Подложил уголь в ленинскую печь-буржуйку, сел на топчан.

Один, один в гнетущей сырой тьме!

На душе сделалось так тоскливо, такое ощущение тотальной покинутости поднялось со дна души. Вот, позавчера был у Партайгеноссе, – вспомнил я. – Смотрели какой-то порнофильм. Как ни накручивал себя, а чувство после просмотра омерзительное. Теперь внутри меня совсем ничего нет. Даже блудные помыслы погасли. Теперь по-настоящему клякло!..

– Господи, помоги! – вдруг мысленно прокричал я, как бы глухим голосом, словно с самого дна души. – Господи, помоги! Распадаюсь на куски! При этом, знаю, что Ты есть и что Ты любишь меня. Но почему нет Твоего прямого участия в моей несчастной жизни?! Вон, как пишут в духовных книгах: помолился – и чудо. Чудеса здесь, чудеса там. Везде явные знаки Божественного присутствия... А у меня ничего, пусто!

Я готов был расплакаться, как ребенок. Но тут вспомнил: лучшее мое лекарство от уныния – это самый обычный сон. И я лег спать. И снились мне нелепые, как моя тоска, короткие сновидения. Какие-то незапоминающиеся обрывки. Только под утро приснился очень яркий сон. Приснился отец Иван, он пришел прямо ко мне на работу, только работа моя была в другом, незнакомом мне месте – я охранял какое-то здание с большими полупустыми комнатами. Мы долго о чем-то говорили, прогуливались пустынными комнатами.

Вдруг отец Иван исчез, но я во сне знал точно, что он где-то спрятался. И тут комнаты наводнились незнакомыми мне людьми полубандитского вида. Я долго куда-то бежал (не помню, гнался ли кто за мной). Бежал, пока не оказался на широком и плоском, как блин, поле. Рядом со мной снова был отец Иван.

Смутно помню, как он мне эмоционально говорил – я тебя предупреждал, это плохие люди, они торгуют наркотиками, они могут посадить... Мы шли по полю, пока не уперлись в автобусную остановку. Остановка выглядела нелепо среди голой и серой степи.

На остановке был только один человек – высокий рослый священник с русой окладистой бородой и немного надменным, как мне показалось, лицом. Отец Иван вдруг заговорил о фарисействе в Церкви, о том, что нет старцев, нет опытных духовников. Что большинство из так называемых «духовных» носят лишь лицемерные маски на лице, подобно протестантским пасторам. И всюду интриги, фальшь, погоня за материальным благополучием, карьеризм, жестокосердие...

Пока отец Иван все это говорил, он стремительно, прямо на моих глазах, уменьшался в размерах. И совсем исчез. А я оказался в автобусе, сбоку от меня сидел тот самый рослый батюшка, с окладистой русой бородой.

– А ну перекрестись! – грозно сказал он мне.

Я встал и перекрестился, точно так, как написано в памятке, так, как там крестится человек, нарисованный справа. Автобус сразу тронулся. Потом полетел. Под нами на бешеной скорости неслись поля, леса, реки, речушки, города, поселки. Земля под нами имела выпуклую, подчеркнута шарообразную форму, мы как будто бы летели над гигантским глобусом. Наконец закругленный дугообразный «космический» горизонт окрасился ослепительно белым цветом. А еще через минуту ослепительное белое безмолвие залило все вокруг. И тогда в автобусе кто-то сказал – летим на Северный Полюс.

После этих слов я проснулся. Проснулся с какой-то непонятной, но явно ощутимой решимостью внутри. Во мне как будто пробудилась спавшая всю мою жизнь Воля. И я принял два решения: начинать писать книгу (какую, я еще не знал) и больше не сдавать смену за напарника.

Мой отказ сдавать смену за него Дмитрий воспринял внешне спокойно, только побледнел. Потом окинул меня отрешенным взглядом. И вышел во двор, тихо пробормотав – ничего не разумеет людина... який же вин православный, як и все вони, с печатями змяя...

Дмитрий не показывался в сторожке аж до самого утра! Утром он явился холоднее Антарктиды и мрачнее самой мрачной тучи. Даже молча находиться возле него было сущим мучением. Тягостная, душная, вязкая, как резина, атмосфера давила на душу.

В какой-то момент я пожалел о своем решении больше не сдавать смены за напарника. А вдруг для него действительно это очень важно. Может, он особые какие-нибудь молитвы творит, может, они там действительно молитвенно с оранжевыми сражаются... Нет, бред, прелесть, – мысленно возразил я себе. – В конце концов, должна же быть справедливость, он такой же охранник, как и я... Ну и что, что особые молитвы, духовная брань. Сказано в Вечной Книге: не человек для субботы, а суббота для человека...

Дмитрий не разговаривал со мной несколько смен подряд. Я и предположить не мог, что это его гробовое молчание (он отказывался даже отвечать на банальные вопросы, касающиеся работы), станет для меня такой мукой.

Много раз я ловил себя на мысли, что своим пыточным, стопорным молчанием, молчанием, выматывающим за смену душу, он словно бы подталкивал меня к тому, чтобы я бухнулся ему в ножки, забрал свои слова обратно и снова, как в старые времена, стал сдавать его смены. Чтобы он спокойненько в свою «церкву» ходил. И я решил также молчать, даже еще круче молчать. Игнорировать его напрочь, как муравья, нет, как микроба!

И вот уже «слуга антихристов» сел окончательно в Киеве, а мы все молчали. Наконец, спустя неделю после инаугурации Ющенко, Дмитрий исчез. Не вышел на смену. Я был убежден, он, как и обещал, отправился странствовать в Россию.

Каково же было мое удивление, когда через еще одну неделю встретил Дмитрия в кафедральном соборе. Он стоял в правом притворе, прямой, как свеча. Увидев меня, Дмитрий отвернулся. Потом перекрестился красивым плавным движением, точно так, как изображено на той самой памятке: «Как правильно совершать Крестное Знамение.»

«Апельсиновый поп и церковные проблемы»

– Книгу сделать можно, – снисходительно говорит Михаил. – В России, сам понимаешь, гораздо больше возможностей с издательской деятельностью...

Это я понимаю. Ты мне в прошлый приезд все это подробно объяснял. И признаюсь, даже рад, что именно в России больше возможностей с издательской деятельностью. Для таких, как я. Пишущих по-русски.

Итак, Россия, – размышляю я, – отчего б не дерзнуть. Кстати, оно даже и приятно будет, напечататься в России. На своей исторической Родине...

И я дерзнул. Стукнул (мысленно) кулаком по столу и заявил:

– Могу написать про апельсинового попа. Ну, я тебе рассказывал.

– Можно, – согласился Михаил. – Только вот тему эту хорошо бы расширить... Вот если б, если б ты на примере этого ряженого и в свете последних событий аккуратно так показал наши церковные проблемы... О! Это было бы интересно. И главное, востребовано.

– Ну... можно, – неуверенно мычу я, – попробовать...

Какие у нас церковные проблемы?

Ну, например, наш архиерей. Однако Михаил говорит, что он теперь к нашему владыке совершенно спокойно относиться. А почему? Да потому, что почти два года, как Михаил живет и работает в России. В одном из крупных церковных издательств. В отделе сбыта продукции. Потому и поездил он довольно уже с книжками по епархиям и России и Белоруссии. И на личном опыте убедился, что большинство архиереев такого же плана, как наш. Исключения довольно редки.

Хорошо, тогда может быть, проблема в таких непокорных, радикальных батюшках, как отец Леонид?..

– Слушай, а что ты об отце Леониде думаешь? – Спрашиваю я Михаила. – Как-то печально у него противостояние с епископом закончилось.

– Отец Леонид, к сожалению, просчитался. – Серьёзно говорит Михаил. – Архиерей, что ему покровительствовал, оказался вовсе не таким уж непотопляемым. На его кафедру поставили вроде бы русофила, но, при этом такого либерала в смысле обновленчества и еще кое-чего, о чем я и говорить не стану... Ну, отец Леонид, понятно дело, этого снести не мог. Да и новый владыка не скрывал своих антипатий к нему, равно как и ко всем монархистам. Отец Леонид не стал дожидаться, сам подал прошение за штат и вернуться в родной город. Теперь он со своими преданными людьми служит прямо у себя на квартире. Надо сказать, настроения среди его людей довольно упаднические – ИНН, конец света, мол, обложили нас со всех сторон: там антихристианский Запад, здесь оранжевая Украина, на Востоке путинская Россия, а в Церкви – митрополиты вероотступники-экуменисты... Одним словом, сплошная апостасия, – закончил Михаил и двинулся на кухню заваривать чай.

– Как ты думаешь, от чего такие апокалипсические настроения? – кричу я ему вслед.

– Не знаю, – несется с кухни голос Михаила. – Как говаривал Гэндальф: вопросы, вопросы требуют ответов.

Михаил появляется с заварным чайником в руке:

– Вообще-то, тут очень интересный момент, – продолжает он. – Я как раз в поезде на эту тему думал... вот, казалось бы, отец Леонид был прав в своем противостоянии епископу. А проиграл.

– А если взять историю нашей церкви, а? Сколько там похожих и гораздо более ярких моментов... Старообрядцы были по-своему правы? Очень правы! Дело же не в перстосложении было... Двуперстие – это так, знамя, зримое воплощение жизненной позиции. Они противились тому, что через церковные новшества в жизнь входил дух, который был очень соблазнителен. Вот представь себе, приходит завтра новый предстоятель церкви и говорит примерно так: вот что, с завтрашнего дня крестимся так, как весь цивилизованный мир – ладонью, а не щепотью. Календарь тоже свой устаревший отбрасываем. Кто не согласен – анафема! А кто станет болтать против правительства – про масонов да про Новый Мировой Порядок – в дурдома да лагерь!

Михаил взволнованно махнул рукой, резко осекся и вдруг спросил меня:

– Тебе такое понравится? Представь себя на их месте.

Не дождавшись моего ответа, Михаил продолжил:

– А посмотри на восемнадцатый век! Это же тихий ужас! Русские крестьяне из грамотных работяг превращены в быдло. Дворяне из служилого сословия, заработавшего себе право на свои льготы кровью своих предков и своей собственной, превратились в паразитов, угнетавших рабов-крепостных. А синодальная церковь помалкивала. «Владычки» пописывали дрянные стишки на латыни, норовя попасть в «свет», а приходские батюшки были таким же быдлом, как и работяги. Как на все это должны были смотреть староверы?! Как?! Будь я на их месте, я бы тоже презирал никониан.

– Раз все так уж плохо, то почему ты сейчас не перейдешь в старообрядчество? Разве тебя жена не просит об этом?

Жена Михаила была духовным чадом одного из старообрядческих архиереев.

– Нет, я не стал бы делать этого, а она, она умная, не просит..

Отхлебнули чаю, Михаил промолвил:

– Староверы попали в старую ловушку под названием «фарисейство». В современном русском языке понятием «фарисейство» ошибочно определяют то, что должно называться лицемерием. Лицемер делает одно, а думает – другое. Фарисеи – исторические иудейские фарисеи – такими не были. Не были они лицемерами. Они действительно неукоснительно исполняли свой закон. И гордились этим. Ты никогда не ловил себя на том, что, глядя на «мирских» людей, в душе благодаришь Бога за то, что ты не такой, как они, ты православный. Православный, а не какой-то там еретик, или материалист! Не как они, «мирские», Бога не знающие! Понимаешь, в чем ловушка?! Нет, я вроде бы не

превозношусь, не говорю про себя, что я – лучше, благодаря себе самому, но, все-таки, не забываю о том, что я не такой. Не забываю, понимаешь?! И вот эта самая память о том, что Господь сподобил меня быть лучше другого – в духовном плане – вот это и есть фарисейство. А дальше – больше. Дальше, по мере отдаления от дыхания Духа Святого нарастает скорлупа, а вскоре уже кроме скорлупы ничего и не остается. Человек уже перестает понимать: в чем смысл христианства? Человек начинает думать, что смысл христианского подвига – сохранить в неприкосновенности тот уклад, который – волшебным образом – гарантирует спасение. Впрочем, как можно винить в чем-то людей былых столетий, когда простая и ясная формула, выражающая суть христианского подвига, сформулированная преподобным Серафимом, вошла в сознание церковное только лишь в XX веке. Кровь новомучеников XX века и стала фундаментом возрождения Русской Церкви. Лекарством от превращения Церкви в музейный экспонат.

– А как насчет наших современных борцов с кодами. Можно их считать фарисеями? – спросил я.

– Нет, я не считаю борцов с кодами фарисеями. То есть, всех, без исключения. Но я знаю, что закрытые сообщества могут возвращать в людей именно такие психологические качества, которые позволяют лукавому улавливать душу человека в ловушку фарисейства.

– А насчет отца Леонида. Вот ты говоришь, что он немного замкнулся со своими людьми. И как на твой взгляд, есть там фарисейство?

Молчание. Видно, как осторожно подбирает слова Михаил.

– Я отца Леонида не считаю фарисеем. Я его даже не считаю младостарцем, хотя, раньше считал. Сейчас, когда я пожил околоцерковной жизнью столько лет и посмотрелся на настоящих младостарцев, я уже совсем иначе стал относиться к отцу Леониду.

– Да, он – резок, – продолжил Михаил. – Но он никогда не умаляет свободы воли человека. Он никогда не скажет: делай то-то и то-то. Я сказал!.. Но он скажет так – если хочешь избавиться от этой страсти, то руби корень А корень заключается в том-то и том-то. Хочешь подрубить корень – делай так-то и так-то... Он ведет себя как хирург, а не как колдун...

Михаил уже возлежит на своем диванчике с чашкой чая в руке. В этот момент он больше всего напоминает дореволюционного русского купца, что провернул удачную сделку и теперь, вот, не прочь и пофилософствовать, поблагодарить за чашечкой чая:

– Ты знаешь, честно сказать я не знаю ответа на вопрос почему с отцом Леонидом так получилось. А заниматься софистикой не хочу. Может быть, придет время и мы все узнаем; может, оно не придет. Может, не полезно нам этого знать. Или, вдруг, тебе что либо откроется в процессе творчества... Не знаю.

– Да, – говорю я, – все несколько сложнее. Даже не знаю о чем писать... Кстати, вот еще один яркий исторический пример! Я их называю «катакомбники», ну, скажем, радикальное крыло ИПЦ. Те, кто категорически не признал декларацию митрополита Сергия. Те, кто до сих пор в глубочайшей оппозиции по отношению к Московскому Патриархату. Но что в итоге? Критикуя нашу Церковь, даже ненавидя Ее, «катакомбники» незаметно выродились почти в секту. В душное диссидентское подполье, подвал. Вместо спасения души – борьба с Московским Патриархатом. Вон, того же Береславского и всю будущую верхушку Богородичного Центра они рукоположили! То есть, для рукоположения достаточно было того, что эти люди так же ненавидели Московский Патриархат.

– «Катакомбники», – задумчиво произносит Михаил. – Темный лес. И вообще вся эта церковная история прошлого века: сплошной бурелом. Тут еще разбираться и разбираться. Кто там прав, кто виноват. Надо ли было идти на униженное сотрудничество с Советской властью, или стоять в оппозиции до конца, Бог весть. Не советую тебе трогать эту тему. Ты лучше вот, что... Ты возьми какой-нибудь простенький сюжет, ну, того же своего апельсинового попа, и на его примере аккуратненько так проведи параллели с нашими церковными проблемами. Только не переборщи и фантастики не надо.

– Послушай, – говорю я Михаилу, – все это я знаю. Не переживай. Во-первых, я еще ничего не написал, во-вторых, если и напишу, буду очень осторожен, так как по природе осторожный человек. Мне сейчас даже думать страшно на тему церковных проблем. И в-третьих, я еще возможно и не на борту церковного корабля. Ведь я очень плохой христианин.

– Можно сказать, я хороший, – ответил Михаил зевая, и вытягиваясь в полный рост на диване (аудиенция окончена, у Михаила послеобеденный сон).

– Спасибо за чай, – сказал я вставая. – Да, последний вопрос: ты-то сам, надолго в родные пенаты?

– Надолго, – ответил Михаил. – На целых полтора жарких южных месяца. Надеюсь, обстоятельства дадут мне вволю покупаться, позагорать, поесть фруктов.

Это хорошо, – думаю я. – Тогда я успею хоть что-то сделать, в плане книги.

Возвращаюсь домой в приподнятом настроении. Воображаю себя на собственной пресс-конференции, таким скромным гордецом – ну, что Вы, Бог дал, Бог взял. Оно все чужое, весь мой скромный талант и... т.д. и т.п... Ну а общая тема конференции примерно такая: какие у нас церковные проблемы?

Дома заварил кофе, и самым умным видом сел писать. Просидев час в тупом ступоре, понял, что не могу написать и строчки. Просто не знаю с чего начать и как, начав, продолжить! Заварил кофе еще и еще час просидел в тупом ступоре. Позже заварил крепчайший чай, тот же результат: никакой ясности в голове, зато в животе тягучая муть. Подумалось даже о легких наркотиках, марихуане.

Сейчас бы «дать пятку» и точно б озарение творческое посетило...

Увы, я уже много лет не курю траву. Да и кощунственно как-то начинать книгу о церковных проблемах с «косяка».

Так я и просидел до глубокого вечера. Безрезультатно. На белом и чистом листке бумаги осталась только заглавная надпись, «Апельсиновый поп и церковные проблемы». Надпись повторялась раз десять. А в компьютере остался совершенно пустой файл с точно таким же заглавием. И все.

В камере

Мысли мои яркие и цветные. Кажется, что процесс мышления идет теперь многопланово и мощно. Память зачем-то воскресила забытую картину тринадцатилетней давности: прокуренное помещение таможи речного порта, на загаженном столе водка, консервы, какие-то фантики. В помещении пьяный украинский таможенник и два обкуренных грузинских предпринимателя. Они привезли в наш порт свои мандарины и по неясным мне причинам никак не могут их растаможить. Один из грузин, склонив ко мне свое чернявое носатое лицо, описывает достоинства марихуаны в сравнении с водкой:

– Слушай, дарагой, пакурыш папироску, пакурыш, и так думаишь, так думаишь...

...Оно мне надо. Я уже не тот, давно не тот....

Ругаю себя последними словами, но продолжаю упорно раскуривать потухшую папиросу. На ветру это сделать никак не удастся, приходится лезть в камыши. Наконец, дело сделано. Глубоко затянувшись, вылезая и оглядываюсь по сторонам.

Все хорошо, только в отдалении спускаются к лиману и идут в нашу сторону какие-то парни в спортивных костюмах. От них исходит смутное ощущение тревоги. Ничего, – успокаиваю я себя, – они еще далеко. Да и не похожи на нашу доблестную милицию. Наверное, спортсмены?.. Ну и что с того, что спортсмены! Здесь каждый второй курит...

Вспомнилось, как накурился в первый раз. Было это те же тринадцать лет назад. Помню, я поначалу сильно испугался. Мне стало казаться, будто нижняя часть тела «едет» в одну

сторону, а верхняя в другую. И что-то сильно толкает меня в живот, а душу выбрасывает куда-то через затылок. При этом в мозгах полный хаос: бессвязный мысленный потоп, полная бессмыслица ярких образов. Отчаянно колотится сердце, обволакиваемое липким страхом – еще немного, еще чуть-чуть, и материализуются мысли и унесут прочь из брэнного тела, в самую, что ни на есть, дурную бесконечность; еще немного...

Однако первый ужас быстро прошел, сменился приятной и неповторимой «травяной эйфорией». Как-то в обкуренном виде решил «изобразить» в тетради движение неподвижного Бога. Долго рисовал спирали, потом круги, наконец, получилось что-то вроде солнышка с лучиками. Солнышко с лучиками понравилось мне больше всего...

Однако, отчего мне так тревожно? Все же хорошо, и «солнышко с лучиками» закатывается по другую сторону лимана, а прямо над головой кричат чайки. И...

– Что у Вас в руке, покажите...

Так меня и арестовали, прямо с дымящейся папиросой. Тут же проверили карманы и обнаружили небольшой бумажный сверток с двумя, а может тремя жалкими головками конопли. Роковой «подарок» моего напарника по смене по кличке «Войско Польское».

Войско Польское, настоящее его имя Володя, пришел работать вместо пропавшего Дмитрия. Впрочем, сейчас это не имеет никакого значения. О генетической ненависти поляков к русским я подумаю позже. А пока в полой (за мгновение лишившейся ярких и цветных мыслей), в пластмассовой и словно чужой голове рою летучих мышей носятся смутные вопросы:

Что происходит, что за абсурд?! Кто бы мог подумать, что эти парни в спортивных костюмах – сотрудники уголовного розыска?! Как им удалось так быстро нас настичь? Хорошо, я обкурен, но тогда куда смотрел Партайгеноссе, он же не курит! Господи, как тупо попался, куда теперь?.. На мгновение мне представилось, как я улетаю с места пленения, ухватившись за связку шаров, накачанных гелием. Увы. Мысленный наркотический мираж развеялся за долю секунды.

Небольшой прямоугольный склеп, буквально три на пять метров, но с поразительно высоким сводчатым потолком. Это придает пространству особое, замкнутое, давящее на психику ощущение. В недостижимой высоте мутное зарешеченное окошко. Шершавые колючие стены, холодный цементный пол и убогие скамейки с острыми и редкими деревянными ребрами. Скамейки вмонтированы прямо в стену.

Камера забита людьми. Арестованные сидят на скамейках или лежат прямо на полу, постелив свои же собственные куртки, еще какое-то тряпье. Несчастные мученики, успокаивая свои расшатавшиеся нервы, почти непрерывно курят. Густой табачный смог (нигде и никогда больше такого не видел) зловещими змеиными клубами стелется по камере...

– Здороваться надо, – говорит мне здоровенный небритый детина, занимающий своим массивным телом, наверное, с полскамейки. Впрочем, детина выглядит вполне добродушно и совсем не по уголовному.

Я скомкано поздоровался, угрозы не было, и все равно я чувствовал себя неуютно. По телесериалам и НТВ-шным передачам про «ментов» и уголовников я помнил: обычно после этого вопроса начинают бить.

Детина окинул меня с ног до головы.

– Понятно, 309-я, часть первая, – сказал он совсем подобревшим голосом. – Ладно, траву у тебя не спрашиваю, ясно, мусора отобрали, ну а курить-то хоть есть?

Курить у меня, слава Богу, было. Отобрали все, на чем бы я с горя мог удавиться. А сигареты вот оставили. Кое-как приткнувшись на краю скамейки, разглядываю своих сокамерников. Да, большинство тут таких, как я. Статья 309, часть первая. Употребление и транспортировка наркотических веществ. Есть и уголовный элемент. Но их немного, и они держатся особняком.

И все-таки некий внутренний инстинкт самосохранения срабатывает. Никогда еще не

чувствовал себя столь «аскетично», никогда еще не был столь молчалив. «На вопросы отвечать, но самому ничего лишнего не говорить, вести себя крайне сдержано. И слушать, что говорят другие».

Кое-что я услышал. Оказывается, новые областные власти, выслуживаясь перед революционным оранжевым правительством в Киеве, решили этак одним махом, по-революционному, покончить с употреблением легких наркотиков на Юге и Востоке Украины. Вероятно, по их соображениям, прекратив употреблять марихуану, Юг и Восток станет меньше поддерживать Януковича.

Операция была проведена с надлежащим рвением. Доказательством тому большая часть моих сокамерников, идущих по той же статье, что и я. Под раздачу попали даже «металлисты» (торговцы черным и цветным металлом). Эти-то уж совсем непонятно за что! Часть металлистов голосовала за оранжевых в детской надежде, что с приходом «майданутых» Европа распахнет нам навстречу свои двери. И мы эти двери завалим цветным ломом....

Сырая и зловонная ночь затопила камеру. Разместившись, кто на ребристых скамейках кто прямо на полу, мои сокамерники постепенно заснули. Скорчившись на скамейке в самом углу, я тоже попытался уснуть. Но сон не шел. В голове продолжали копошиться тревожные мысли:

Ясно одно, с мирской точки зрения более глупого попадания в руки блюстителей закона, пожалуй, трудно придумать. Ну а с точки зрения того, Иного мира? Конечно же, даже в руки не стоило брать эту гадость! Спасибо Войску Польскому! Впрочем, его обвинять не стоит. Да, ненавидит Россию и русских, и в то же время охотно общается со мной...

Нет, мое попадание сюда – это гнев Божий на меня. И как бы человек «Розы Мира» внутри меня не сопротивлялся этому определению, крича, что Бог есть только Любовь, однако Бог ведь кого любит, того и бьет. А я, да, слишком далеко отошел в последнее время от христианской жизни. Совсем остыл, потерял стимул. Стал возвращаться на прежнее, как пес на блевотину. Раньше хоть что-то было; крестные ходы, политические баталии, журнал. А сейчас, как оранжевые к власти пришли, все окончательно встало. На всем Юго-востоке Украины полная пост-оранжевая апатия. Люди говорят:

– Все скоты, негодяи и воры. Ни за кого голосовать не будем. Ни за ко-го!!!

Ладно, даже оранжевые здесь ни при чем! У меня есть книга, которую, с Божией помощью, когда-нибудь напишу. И есть моя нынешняя ситуация, конкретный «звонок» с Неба, иначе как еще объяснить тот, показавшимся мне странным, звонок Галины, жены отца Ивана. Она позвонила, буквально захлебывалась от восторга: дошла, наконец, достучалась, докричалась до архимандрита Иллариона! И он обещал помолиться за отца Ивана...

Бедный, бедный отец Иван. Вот кому действительно плохо!

Отец Иван почти явственно представился мне на черном ночном фоне. Среди спертой камерной вони. Таким, каким я видел его позавчера. Опухшим после очередного запоя. Мутным, совсем мутным – постоянно просит пиво и рассказывает, как у него все болит.

Действительно, начинаю верить в то, что перед своим исчезновением Жорик что-то с ним сотворил, ну, как проклял, что ли. Не знаю. Не знаю, но раньше таких вещей с отцом Иваном не случалось. То недельные запои, то недельные «сухие» посты. Уничтожает себя!

А матушка, между тем, мне рассказала совсем интересную вещь, мол, она после разговора с Илларионом зашла помолиться в монастырский храм и там увидела человека один в один (больше чем две капли воды) похожего на меня. Она уже хотела подойти, почти подошла, да вовремя вспомнила, что я сейчас должен быть в ста двадцати километрах от этого места:

Что это?! Мистика? Знак? Или просто пригрезилось. Понимай как хочешь. Только уже через час после разговора с супругой отца Ивана, я был задержан блюстителями закона... Так глупо попасться! Видимо, архимандрит хорошо помолвился...

Вдруг, повинувшись неодолимому внутреннему чувству, я и сам молитвенно воззвал к архимандриту Иллариону. Попросил его молить за себя. Потом стал молиться Богоматери. С каждым разом мысленные слова молитвы становились все отчетливее и теплей. Наконец, я

задремал.

Не помню, что мне снилось, может, что-то большое и значительное, может, ничего не значащие обрывки, но проснулся я с ровным спокойным и мирным чувством внутри: все будет хорошо! Ничего не бойся. Скоро придут и заберут тебя отсюда.

Так и произошло. Ближе к полудню меня забрал из камеры мой участковый (впервые в жизни увидел своего участкового). Участковый отвел меня к следователю с чудной фамилией Мимикирпичев. Следователь с самой доброжелательной улыбкой мне сообщил, что мой несчастный пакетик потянул на хороший «корабль», и посему он поделаться ничего не может, дело попадает под статью.

Но статья совершенно левая, детская, смешная статья. Максимум что по ней грозит, это год условно. Так что беспокоиться совершенно не о чем, напишите расписочку о своем невыезде и идите себе спокойно, занимайтесь своими делами, ожидайте повестки в суд.

Суд

Совсем не так я себе все представлял. Думал, как по телевизору показывают, как положено – просторное помещение, адвокат, прокурор, обвинитель, свидетели и т.д. А здесь обычная комната, рабочий кабинет. Посреди кабинета стою я. Спиной к входной двери. Лицом к прокурору.

Прокурор восседает за массивным «министерским» столом, и внешность у него странная, если не сказать, страшная. Какой-то полунегр, полуараб: не пойми кто – черный и волосатый. Очень похож на притаившегося в засаде гигантского паука. Сбоку от «паука» молоденькая девушка, совсем девчужка, ну, лет двадцать, не более. Но я знаю точно: эта «малиновая девочка» ни много ни мало – государственный обвинитель...

Простите, а где мой адвокат?! Где адвокат?! Я требую адвоката!..

Чувствую себя оруэлловским персонажем. Нелепой, «картонной» жертвой. Правда, тут же всплывает в памяти то, что свое согласие на суд без адвоката дал я сам. Сам! Под гипнозом речей Мимикирпичева, мол, зачем здесь адвокат, лишние хлопоты, дело-то левое, пустяшное.

Нет, адвокат все-таки не помешал бы.

Вспоминаю, что перед судилищем собирался выразить свое полное несогласие с тем, что мне следователь «нарисовал» в деле: как можно судить человека за две несчастные головки конопля?! Я даже их не покупал! Просто, шел да нашел, сорвал ради ботанического интереса.

Увы, несогласие так и не выразил. Позорно со всем согласился, промолчал. «Паук» и «малиновая девочка» бегло ознакомились с моим делом (процедура заняла от силы десять минут), и тут же приступили к вынесению приговора. Приговор выносит «малиновая» девочка:

– Предлагаю назначить ему наказание в виде трех лет лишения свободы в колонии общего режима, – заявляет это милое создание.

Пол уходит у меня из-под ног.

– За что?! За две несчастные головки конопля! – кричу я в сторону «паука». Тот брезгливо, словно отгоняя назойливую муху, машет рукой:

– Увести.

Врываются два гориллообразных блюстителя закона, заламывают мне руки. Чувствую, как на запястьях защелкивается леденящая сталь наручников. Согнув в три погибели, блюстители тащат меня к дверям. В ужасе упираюсь ногами в пол. Я понимаю, что как только окажусь по ту сторону дверей, для меня начнется совершенно новая бесправная жизнь, жизнь, наполненная страданиями. И конец, конец всему: работе, друзьям, ненаписанной книге! О, нет. Я не выдержу. Я покончу с собой. Я брошусь в лестничный пролет, прямо в здании суда!

– За что! – продолжаю орать я. А в ответ мне несется кокетливый смешок девочки-

обвинителя. Краем глаза я замечаю, что она успела уже достать из сумочки косметику, красит губы. В этот момент мои мучители, наверное, чтобы я не орал, с силой втыкают меня головой в стену. И я просыпаюсь с замершим на устах криком – За что!

...Кажется, начинаю понимать богословие Святых Отцов. Ну, ту ее часть, что я считал «негативом», наследием Ветхого Завета. Учение о тварном ничтожестве человека, о несовместимости его падшей природы с Природой Творца. То есть, если человек сам по себе, без Бога, он никто, прах, пыль, нуль на палочке. Именно этот-то момент мне всегда давался с некоторым трудом. Даже тогда, когда я искренне считал себя церковным, православным, учение о несовместимости двух природ все равно вызывало глухое внутреннее отторжение (а как же моя интеллигентская душа, мое божественное достоинство, человек облагороженного образа и т.д.).

Вот тебе и человек облагороженного образа – дошел до наркотиков, а теперь вот от страха суда человеческого – и до кошмарных снов. А о Божьем Суде по-прежнему не радею, не боюсь Суда Божьего, не думаю о нем...

Сегодня был в храме. Странно, только сегодня заметил, как помолодела наша церковь. А вот «церковных бабулек» стало заметно меньше. Какое чинное, спокойное, не от мира сего служение у нас в церкви. Странно, как я раньше этого не понимал! Вот зачем нужны все эти пышные одеяния священнослужителей, этот мягко стелющийся благовонный кадильный аромат, иконы и вся эта литургическая спокойная степенность и торжественность? Чтобы дать почувствовать неотмирность происходящего! Чтобы человек, зайдя в Храм с серой, беспредметной, обыденной улицы, попадал как бы в Иное измерение, в преддверие Царства Небесного!..

Одна у меня Надежда на Господа и Пресвятую Богородицу, на молитвы своего Ангела-Хранителя, святых Царственных Мучеников... Господи, не попусти мне быть раздавленным катком тюрьмы!!!

Опять снился нездоровый сон. Он был как бы продолжением предыдущего сна о судилище. Я, как и обещал, бросаюсь в лестничный пролет. Лечу. Только не вниз, а куда-то вверх и немного вбок. И опять ужас перемежается с наслаждением. В небе ущербная луна, ее я вижу отчетливо. Радостное ощущение освобождения от суда земного мешается в душе с каким-то нездоровым болезненным наслаждением от самой смерти, распада, самоуничтожения. Хочется исчезнуть, раствориться в лунном свете. Кануть в небытие. И опять нечто необъятное, неопределенное начинает засасывать меня. Однако теперь сладострастный момент резко отступает на задний план. Остается всепоглощающий ледяной ужас. Я задыхаюсь. Кромешный мрак обволакивает меня. Сдавливает, душит все сильнее и сильнее...

Проснулся в холодном поту. Едва не задохнулся под собственным одеялом!

Пора к Валере-Юристу. На консультацию. Надо убедиться, что Мимикирпичев не водит меня за нос. И максимум, что мне грозит, это год условно. А потом отбросить все свои дурацкие страхи.

Попасть домой к Юристу оказалось весьма непросто. Валера теперь сам по себе, у него уединенная жизнь «мистика-эзотерика». Старые знакомые ему теперь не милы. Мол, «фонят» они все; одни религиозным фанатизмом, другие винным перегаром.

Старые знакомые напоминают о старой жизни, от которой Юрист, как может, отрекается. Не от того ли, что так быстро угас его «религиозный запал»? Исчез апельсиновый поп, и страх перед демоническими силами тут же прошел. Обещал отцу Ивану, что из храма теперь ни ногой, а в итоге хватило только на посещение пары воскресных литургий.

Церковную литературу он действительно приобрел, начал с упоением читать, но споткнулся на брошюре о будущих вечных муках и Страшном Суде. Валера, как и подобает «человеку Розы Мира», наотрез отказывается принимать идею вечных мук. Собственно, и я ее не приемлю (в том виде, как она, эта идея, подается в разных сомнительных и порой откровенно человеконенавистнических брошюрках). Но я все же давно успокоился на сей счет, я знаю, что, с одной стороны, загробные понятия не постижимы для нас, живущих по эту сторону, а с

другой – и у Святых Отцов на эту тему есть разные мнения.

Лично я перестал «болеть» этой темой после того, как прочитал у великого Отца Церкви Исаака Сирина о том, что вечные муки прекратятся рано или поздно. Ибо Милосердие Божие превыше всего, и даже дьявол когда-нибудь прекратит быть дьяволом. А если бы это было не так, если бы Бог судил по закону, как и хотят того наши «законники», то от нас давно бы и следа на этой Земле не осталось. Мы бы давно и навечно поджаривались в огне геенском (как того и хотят «законники», только они желают видеть в огне геенском не себя, а своих врагов). Но для Юриста идея вечных мук стала просто непреодолимым препятствием на пути к Церкви (будто он ничего не слышал об этом раньше).

– Скажи мне, Бог есть Любовь или он Страшный Судья? – восклицает Юрист и, вскочив со стула, начинает нервно бегать по кухне, потом так же внезапно, как вскочил, садится и продолжает:

– Он распялся, никого не осудив, или Он приберег месть до Страшного Суда? Скажи, ну вот как понимать ваших Отцов Церкви? Бог есть Любовь, или он страшный вселенский прокурор, судья, приговаривающий свое же собственное оступившееся творение на муки? Причем какие?! Мало того, что они вечные, то есть, мука всегда, мука без ослабления, без конца и начала; так еще они мучительнее по характеру любой земной муки. Да, так в церковных книгах про загробную жизнь пишут. И ты не спорь со мной. Или такое, например, как в той брошюрке: мол, Бог, который есть Любовь, в день Страшного Суда извлечет из ада уже там мучающихся грешников только для того, чтобы отправить их обратно в ад на еще более жестокие и окончательные муки. Вот это я понимаю, вот это Любовь!

– Валера, я сам не приемлю подобное толкование вечных мук и всякие сомнительные брошюрки. Мы уже с тобой на эту тему, кстати, говорили. Читай уважаемого всем православным миром Отца Церкви Исаака Сирина. Но... я к тебе по другому вопросу. По вопросу земного суда.

– А, какого суда? – Валера медленно возвращается в грешный мир, мир по эту сторону. Я не тороплюсь, мне нужна дельная обстоятельная консультация. Рассказываю ему о своей беде. Валера приносит Уголовный Кодекс. Находит мою статью, зачитывает. И у меня медленно холодеет под сердцем. Действительно, от года до трех, причем как условно, так и вполне реально.

– Как же так, – лепечу я. – Что же теперь делать?

Валера-Юрист равнодушно пожимает плечами и с холодным профессионализмом начинает успокаивать (даже не верится, что только что он с таким жаром о Боге-Любви говорил!), мол, не переживай, обычно первый раз срок не дают. Но сам понимаешь, закон у нас, что дышло, куда повернешь, туда и вышло. Представь теперь, что прокурор в день суда встал не с той ноги. А? Что ему стоит и реальный срок залепить? А? Закон-то, что дышло...

Ну, спасибо Юрист. «Успокоил». У меня снова, как в том кошмарном сне, пол из-под ног уходит.

«Что есть Истина?»

– Ты знаешь, люди стремятся не только к наслаждению, они стремятся и к боли, тайно жаждут ужасного. Жалко, что это понятие есть только в индуизме. Христианство недооценивает этот момент. Жаль... Ты знаешь, когда индуистский гуру Вивикананда сто лет назад в Америке заявил, что он поклоняется ужасному, поклоняется Кали, тамошние христиане были просто в шоке!

Индуист замолчал, тупо смотря в известную только ему точку на стене...

Вот как, оказывается, он мои страхи понял! Мол, я бегу от ужасного. А ужасное надо принять, ведь это тоже божество, точнее «темный аспект бога» – богиня Кали.

Нет, не может быть никакого синтеза религий. Религиозные мировоззрения чудовищно разнятся. Вот как сейчас, смотрим с Индуистом на один и тот же предмет, а видим совершенно разное (надо же, он предлагает мне со священным трепетом принять ту

бесовщину, что мучает меня по ночам, ведь это все Кали)...

Разговор происходит на квартире старого знакомого Юриста, на следующий день после Рождества. Юрист мне его рекомендовал, мол, он поможет, у него какие-то знакомые в прокуратуре, да и дело-то плевое. Я этого человека тоже немного знаю, но не так хорошо, как Юрист. Я даже не знаю как его имя. Все называют его Индуист.

Суд вроде бы как еще грозит мне – но почему же столько месяцев нет повестки?! И Мимикирпичев к себе больше не вызывает. Все это очень странно. Незадолго до Нового Года я стал укрепляться в мысли, что случилось Чудо, обо мне самым непостижимым образом забыли, что-то там у них не срослось! С другой стороны, меня периодически стала терзать мысль, что, мол, все это крайне подозрительно, чтобы обо мне забыли. Разве органы могут кого-то забыть? Нет, все это больше похоже на затянувшееся затишье перед большой бурей. Тем хуже для меня!

Вся эта неопределенность, постоянное ожидание вызова в суд, они меня доконали. Спасала работа над книгой. Но в канун Нового Года и она застопорилась. И я не выдержал, сорвался (все-таки сорвался!). Запил на Рождество. Перед этим съездил еще раз на консультацию к Юристу. Юрист посоветовал лечь в наркологию, якобы на лечение. Тогда я автоматически бы освободился от уголовного преследования. Увы. Этот вариант невозможен. Не-воз-мо-жен!!!

Сидим с Индуистом, выпиваем, и спорим на тему... что есть Истина и где Полнота Истины (вот парадоксальность русского человека). Индуист, естественно, считает, что сосуд Истины разлит поровну во всех религиях, ну, может, больше Истины в самом Христе, но никак не в историческом христианстве.

Я доказываю, что Христос и есть Истина, и как Он отличается от индуистских богов, так и Истина христианства отличается от истины индуизма:

–...И вообще, Вы, проклятые экуменисты и религиозные модернисты под Истиной все, что угодно имеете в виду, то, что Вам выгодно... Пойми, Истина без Христа превращается в абстрактное понятие. Может, для тебя истина – это мыло марки «Камей»?.. Я не стебусь, я серьезно... Вот я тебе и задаю вопрос Пилата: что есть Истина?..

Спор наш затягивается, но его детали напрочь ускользают из пьяной головы. Скандально известный индуистский учитель Ошо, наверное, порадовался бы сейчас за меня: сказал – и тут же забыл, вот она «жизнь вне ума, в настоящем».

В какой-то момент я цепляюсь к изображению индуистского бога Шивы под православными иконами. На красивой, похожей на новогоднюю открытку, картинке Шива изображен с тремя лицами. Одно лицо, анфас, с сонно прикрытыми веками и горящим во лбу «третьим глазом», загадочно смотрит в землю. Два других лица, в профиль, смотрят в противоположные стороны. Именно так, как доказывает мне Индуист, индусы понимают Троицу. И удалять языческое изображение из-под православных икон не хочет ни в какую.

Каким-то образом наш яростный спор переходит на тему Богоматери. Тут в Индуисте самым загадочным образом просыпается образцовый протестант... Нет, даже радикальнее - «Свидетель Иеговы». Как и положено истинному Свидетелю Иеговы Индуист выражает искреннее недоумения по поводу культа Богоматери в православии и католичестве. Мол, простая же женщина Она, чего вы там напридумывали.

В ответ я начинаю кипятиться. Кипячусь еще и от того, что пьян и не могу четко и убедительно опровергнуть оппонента. Привести какой-нибудь яркий пример.

– ... Тебя хоть раз пронзал взгляд Ее больших и печальных очей?! Пойми, Она живая, Она наша Мать, Она видит нас, бесконечно жалеет и так же бесконечно любит. Она Истинная Мать и Небесная Царица! Она единственная, кто видит всю безмерность нашего падения. И Она единственная, кто может нам помочь. Спасти от ада, умолить своего Сына. Она Мать в самом высшем смысле слова. Она...

На удивление себе толкаю величественную и весьма складную речь (почти проповедь!) на тему: что бы с нами со всеми было, если бы Мария отказалась стать Матерью Бога... И все, больше ничего не помню.

Очнулся дома у отца Ивана. На удивление нормальное самочувствие, ну, почти нормальное. Думал, что буду несколько дней умирать после такого «языческого пиршества». Однако реальность не оправдала моих черных ожиданий. Что-то произошло со мной. Нечто очень важное, но что? И как я очутился здесь? Помню, мы спорили с Индуистом по поводу «пилатовского» вопроса «что есть Истина?» Еще я что-то о Богоматери говорил; вроде того, что бы было если бы Она не захотело стать Богоматерью... Нет, Кто-то определенно за меня заступился. По всем законам физики мне сейчас положено лежать пластом и стонать: дайте водички, дайте водички...

Я встал, подошел к окну и едва узнал такой знакомый мне двор. В город пришла зима, настоящая зима! Редкая гостья в наших краях. Еще вчера днем моросил мерзкий холодный дождь, и вот теперь все изменилось – природа очистилась от грязи. Чистый свежесвыпавший снег почти нестерпимо для глаз блестит на солнце. И небо ясное, словно умытое, бездонное и голубое. И наверняка так же чист и свеж воздух за окном. И морозен. Если судить по ровному столбику дыма из трубы соседней котельной.

Появился отец Иван и рассказал мне, что я сам, собственной персоной, ему позвонил и попросил немедленно меня забрать, освободить от душепагубного общения с еретиком. Еретиком был, естественно, Индуист. Впрочем, Индуист совсем не обиделся на то, что я его обозвал душепагубным еретиком. Видимо, все происшедшее, весь наш спор он воспринимал как увлекательную игру, мол, асуры сражаются с брахманами. Ну и пусть сражаются. Все равно все иллюзия. Индуист даже подарил мне бумажную икону Богоматери «Взыскание Погибших». И действительно, во внутреннем кармане своей куртки я нашел небольшую бумажную икону.

Вспомнилось, из одной православной книги, посвященной иконам Царицы Небесной, описание этого уникального образа: Царица Небесная крепко, двумя руками, держит погибшую душу, прижимает ее к себе, словно потерявшегося и вновь нашедшегося ребенка. А душа погибшая прижимается к своей Матери в детской надежде, что уж Ее-то, Богородицу, Господь послушает, помилует душу погибающую.

А там все образуется.

